

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРАВОВЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Сборник статей

**Могилев
Могилевский институт МВД
2022**

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
«Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»

Кафедра административной деятельности

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ
ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ:
ПРАВОВЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Сборник статей

Научное электронное текстовое издание

1 электронный оптический диск (CD-R)

Могилев
Могилевский институт МВД
2022

ISBN 978-985-589-039-4

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2022

[Перейти к сведениям об издании 1 2 3](#)

[Перейти к статьям](#)

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО
ПРИНУЖДЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ:
ПРАВОВЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Научное электронное текстовое издание

*Рекомендовано к изданию научно-методическим советом
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»*

А43 **Актуальные вопросы применения административного принуждения органами внутренних дел: правовые и идеологические аспекты** [Электронный ресурс] : сборник статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (председ.) [и др.]. — Могилев : Могилев. институт МВД, 2022. — 1 электрон. опт. диск (CD-R). — Загл. с экрана.

ISBN 978-985-589-039-4.

В сборник вошли научные статьи, представленные на международную заочную научно-практическую конференцию «Актуальные вопросы применения административного принуждения органами внутренних дел: правовые и идеологические аспекты» (27 мая 2022 г.), организованную кафедрой административной деятельности факультета милиции учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

В конференции приняли участие представители научной общественности из Беларуси, Казахстана, Молдовы, а также ведомственных вузов системы МВД России. В публикациях раскрыты различные аспекты применения административного, административно-деликтного и процессуально-исполнительного права. Особое внимание уделено научно обоснованным предложениям по дальнейшему совершенствованию правового регулирования общественных отношений в указанной сфере.

Сборник статей предназначен для научных работников, профессорско-преподавательского состава, курсантов и слушателей образовательных организаций системы ОВД Республики Беларусь.

В сборнике сохранена авторская редакция и подходы к решению заявленных проблем.

Издание не требует установки на жесткий диск компьютера. При необходимости пользователи могут осуществлять с электронной книгой различные операции. Панель с доступными командами находится в нижней части экрана просмотра книги. Предусмотрены полноэкранный режим просмотра, печать страниц и возможность загрузки файла в формате PDF непосредственно на жесткий диск. На диске расположены 2 файла издания в форматах HTML и EXE.

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2022

[Перейти к сведениям об издании 2 3](#)

[Перейти к статьям](#)

Научное электронное текстовое издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО
ПРИНУЖДЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ:
ПРАВОВЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Сборник статей

Редакционная коллегия:

- Ю. П. Шкаплеров** (председатель), первый заместитель начальника
Могилевского института МВД,
кандидат юридических наук, доцент;
- А. В. Лубенков**, заместитель начальника кафедры административной деятельности
факультета милиции Могилевского института МВД,
кандидат юридических наук, доцент;
- Н. А. Шелегова**, доцент кафедры административной деятельности
факультета милиции Могилевского института МВД,
кандидат технических наук, доцент;
- П. П. Смирнов**, преподаватель кафедры административной деятельности
факультета милиции Могилевского института МВД

Рецензенты:

- директор Могилевского филиала учреждения образования
«БИП — Университет права и социально-информационных технологий»
кандидат юридических наук, доцент *Ю. А. Матвейчев*;
заведующий кафедрой юриспруденции
факультета экономики и права учреждения образования
«Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»
кандидат юридических наук, доцент *Н. В. Пантелева*

[Перейти к сведениям об издании 1 3](#)

[Перейти к статьям](#)

Научное электронное текстовое издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРАВОВЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Сборник статей

Сведения о программном обеспечении:

программы просмотра веб-страниц (браузеры) Opera, Internet Explorer 8.0 и выше, Mozilla Firefox.

Минимальные системные требования:

Windows: Процессор: 2.33 GHz, Intel® Atom 1.6 GHz.

ОС: Microsoft Windows XP SP3 (32-bit), Windows Vista (32-bit), Windows 7, Windows 8 and Windows 10.

Оперативная память: 512 Мб (1 GB рекомендуется для нетбуков). Память для видеокарты: 128 Мб.

Mac OS: Процессор: Intel Core Duo 1.83 GHz. ОС: Mac OS X v10.6 и более поздние версии.

Браузер: последние версии Safari, Mozilla Firefox, Google Chrome, Opera.

Оперативная память: 512 Мб. Память для видеокарты: 128 Мб.

Linux: Процессор: 2.33 GHz, Intel Atom 1.6 GHz. ОС: Red Hat Enterprise Linux (RHEL) 5.6 и старше,

openSUSE 11.3 и старше или Ubuntu 10.04 и старше. Браузер: последние версии Firefox.

Оперативная память: 512 Мб. Память для видеокарты: 128 Мб.

Редактор технический *Е. И. Дзен*

Корректор *Н. А. Родионова*

Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Ул. Крупской, 67, 212011, Могилев, тел. +375 222 72 41 58.
www.institutemvd.by

Дата подписания к использованию: 18.11.2022.

Тираж 10 экз. Объем 84 Мб. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Заказ № 16.

[Перейти к сведениям об издании 1 2](#)

[Перейти к статьям](#)

СЕКЦИЯ 1 НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО, АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО И АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УДК 340.1

ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА, СПОСОБЫ ЕГО РАЗРЕШЕНИЯ

А. С. Блинников

*Могилевский институт МВД (Беларусь),
преподаватель кафедры правовых дисциплин*

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к пониманию понятия юридического конфликта, а также способы его разрешения и предотвращения.

Ключевые слова: конфликт, юридический конфликт, разрешение юридического конфликта.

Annotation. The article discusses approaches to understanding the concept of legal conflict, as well as ways to resolve and prevent it.

Keywords: conflict, legal conflict, legal conflict resolution.

Развитие любого общества представляет собой сложный процесс, который совершается на основе зарождения, развертывания и разрешения объективных противоречий. Противоположности и противоречия превращаются в конфликт тогда, когда начинают взаимодействовать силы, являющиеся их носителями.

Полярность интересов участников конфликтов, разное отношение к правовым нормам общественной жизни, разнообразие объектов и предметов противоборства приводят к тому, что конфликты могут носить самый разный характер.

Конфликт — это процесс, в котором два (или более) индивида или группы активно ищут возможность помешать друг другу достичь определенной цели, предотвратить удовлетворение интересов соперника или изменить его социальные позиции и взгляды [1, с. 3].

Вместе с тем понятие юридического конфликта необходимо выделить из общего понятия конфликта. Юридический конфликт непосредственно связан

с правовыми отношениями сторон и представляет собой противоборство субъектов права с противоречивыми правовыми интересами.

Юридический конфликт является сложным, многоаспектным социально-правовым явлением.

Комплексные исследования различных конфликтов в правовой сфере являются одним из элементов для заполнения пустот правового пространства. Своевременное и качественное проведение таких исследований позволит использовать полученные результаты и знания не только в процессе управления конфликтами, а также выбора наиболее эффективных способов их разрешения, прогнозирования и управления.

При возникновении юридического конфликта предполагается наличие обстоятельств (предпосылок) возникновения конфликтной ситуации либо инцидента, каких-либо действий, предпринятых одной из сторон для отстаивания своих интересов. Следует отметить, что положительные и отрицательные изменения в любом конфликте происходят одновременно. В конфликте могут быть заинтересованы даже не сами противоборствующие стороны, а третья сторона, провоцирующая конфликт [2, с. 4].

Любой юридический конфликт требует к себе дифференцированного подхода для правильного выбора методики и тактики, путей его разрешения. Путь разрешения конфликта, как правило, начинается с определения его предмета. Предмет конфликта — это и есть то основное противоречие, из-за которого и ради разрешения которого субъекты вступают в противоборство.

В структуре любого конфликта можно выделить основные компоненты: участники конфликта, конфликтная ситуация, объект и предмет конфликта.

Участниками конфликта могут быть как физические, так и юридические лица, индивидуальные или коллективные субъекты права. Все участники конфликта могут вести себя по-разному в зависимости от функций, которые они осуществляют в конкретной конфликтной ситуации [3, с. 67].

Развитие конфликта проходит в обычных условиях три стадии: предконфликтную, конфликтную и послеконфликтную [4, с. 96].

Предконфликтная стадия — стадия, на которой формируются основания для юридического конфликта и происходит осознание субъектами конфликтной ситуации. То есть на этой стадии возникает некая ситуация, создающая противоположные интересы у будущих конфликтующих субъектов.

Конфликтная стадия — стадия непосредственного протекания юридического конфликта, выраженная в активных действиях противоборствующих сторон. Это ключевая стадия юридического конфликта, когда субъекты в рамках правового поля отстаивают свои права и законные интересы. Наиболее приемлемым вариантом здесь является мирное протекание юридического

конфликта и получение мирного разрешения на постконфликтной стадии [5, с. 17–20].

Послеконфликтная стадия характеризуется тем, что она может породить два варианта окончания юридического конфликта:

1. Юридический конфликт может быть завершен, но разногласия противоборствующих сторон не будут разрешены.

2. Юридический конфликт будет завершен, и разногласия между противоборствующими сторонами будут разрешены [6, с. 40].

Необходимо отметить, что в протекании юридического конфликта большую роль играет вмешательство третьей стороны — государственного органа, который будет разбирать конфликт и принимать по нему решение. Это может быть суд, арбитраж, административная инстанция либо иное государственное учреждение, с которым стороны связаны правоотношениями.

Юридический конфликт является самым напряженным этапом развития конфликтной ситуации. Как правило, его возникновение, развитие, приостановление или прекращение происходит неравномерно. В результате у противоборствующих сторон конфликт достигает определенной степени накала, переходящей в столкновение.

Конфликт легче разрешить, когда известны правила взаимодействия сторон и возможные последствия существующей проблемы.

Разнообразие содержания юридических конфликтов предполагает использование различных способов их разрешения. В разрешении юридических конфликтов возможны следующие способы:

- 1) переговоры;
- 2) посредничество;
- 3) обращение к арбитражу;
- 4) судебные процедуры.

Использовать данные способы следует в указанной последовательности и по мере необходимости.

Переговоры — это процесс принятия совместного решения двумя или более сторонами. Предварительно необходимо осуществить специальную подготовку переговоров как организационного, так и содержательного характера.

Итоговым документом переговоров обычно является договор. Договор — это согласованное волеизъявление двух и более сторон переговоров относительно их взаимных прав и обязанностей.

В некоторых юридических конфликтах целесообразно привлечь посредника (помощника или консультанта), который занимается вопросами поиска контактов, содействует проведению переговоров сторон, дает необходимые консультации. Посредники обычно приглашаются для консультации по самой

процедуре решения спора, а не для рассмотрения предмета спора и выступают в качестве неофициальных участников процесса.

Если путем переговоров и посредничества соглашение между противоборствующими сторонами не было достигнуто и конфликт не разрешен, то в этом случае стоит обратиться к арбитру — третейскому судье.

В случае отсутствия способов и возможностей несудебного разрешения юридического конфликта, противоборствующим сторонам стоит прибегнуть к судебному производству.

Немаловажным аспектом юридического конфликта является и его прогнозирование, которое представляет собой выявление причин и условий, порождающих противоречие между участниками конфликта, а также поиском адекватных мер по его разрешению.

Таким образом, практически каждый конфликт может завершиться той или иной юридической процедурой. Данное обстоятельство объясняется тем, что субъекты конфликта обладают, как правило, равными правами, а сам конфликт может иметь различные юридические последствия. Вместе с тем в некоторых случаях конфликт имеет юридическую основу с самого начала, особенно в тех случаях, когда стороны уже связаны между собой правовыми отношениями.

1. Дмитриев А. В. Конфликтология : учебник. М. : Гардарики, 2009. 336 с. [Вернуться к статье](#)
2. Дмитриев А. В. Конфликтология : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2001. 320 с. [Вернуться к статье](#)
3. Худойкина Т. В. Применение посредничества как примирительной процедуры при разрешении правовых споров и конфликтов в России // Социально-политические науки. 2012. № 4. С. 67–70. [Вернуться к статье](#)
4. Ворожейкин И. Е., Кибанов А. Я., Захаров Д. К. Конфликтология : учебник. М. : Инфра-М, 2004. 240 с. [Вернуться к статье](#)
5. Брыжинская Г. В., Баева А. В. Коммуникация как неотъемлемая часть конфликта // Актуальные проблемы юридической техники в правотворческой и правоприменительной деятельности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Саранск, 2014. С. 17–20. [Вернуться к статье](#)
6. Худойкина Т. В., Левин В. Ф., Брыжинский А. А. Теоретико-правовой анализ, история, современное состояние и перспективы развития альтернативного разрешения правовых споров и конфликтов в России. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та. 2005. 192 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ НАРУШЕНИИ ИХ ПРАВ ЧЛЕНАМИ СЕМЬИ

А. В. Веренич

*Омская академия МВД России,
адъюнкт кафедры административного права и административной
деятельности органов внутренних дел*

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы правовой защиты несовершеннолетних при нарушении их прав членами семьи. Проанализированы понятия «семья», «родители», «законные представители», предложено мнение о необходимости законодательного обозначения и закрепления данных понятий. Изучена специфика ответственности за правонарушения в отношении детей, возникающих в семейно-правовой сфере. Сделан вывод о необходимости дополнения действующего законодательства нормами ответственности членов семьи несовершеннолетних.

Ключевые слова: семья, родители, законные представители, ненадлежащее воспитание детей, права, защита, ответственность.

Annotation. The article deals with the issues of legal protection of minors in case of violation of their rights by family members. The concepts of «family», «parents», «legal representatives» are analyzed, an opinion is proposed on the need for legislative designation and consolidation of these concepts. The specifics of responsibility for offenses against children arising in the family legal sphere are studied. It is concluded that it is necessary to supplement the current legislation with the norms of responsibility of family members of minors.

Keywords: family, parents, legal representatives, improper upbringing of children, rights, protection, responsibility.

Конституционализация Российского государства требует соблюдения прав и свобод граждан. Особое внимание в Основном законе уделяется защите прав детей. При этом в России ежегодно регистрируется значительное количество нарушений прав наиболее незащищенной категории жителей страны — детей. Несмотря на усилия, принимаемые государством, говорить о стабилизации ситуации, связанной с нарушением прав детей, не приходится. Это требует особого подхода к профилактике правонарушений в отношении несовершеннолетних, а также к защите и восстановлению их прав. Одной из главных проблем значительного количества правонарушений в отношении детей является их латентность, особенно если противоправные деяния совершаются в семье. Согласно статистическим данным, родителями или законными представителями в отношении детей в период с 2017 по 2021 год совершено

около 2 млн административных деликтов. Общественная опасность таких деяний заключается не только в нарушении прав детей, но и приводит к деформации личности ребенка, сложной социальной адаптации в обществе, существенному снижению самооценки и развитию виктимного поведения. В связи с чем необходимо применять эффективные и своевременные меры административно-правовой защиты детей, которые выступают гарантом реализации и соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних. Реализация прав детей обеспечивается действующим законодательством, однако защита прав и законных интересов несовершеннолетних в каждом случае требует индивидуального подхода к применению норм права и имеет свои особенности. Особый юридический статус в правовой сфере имеют родители или законные представители несовершеннолетнего. Согласно статье 63 Семейного кодекса Российской Федерации, родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей [1]. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Однако в действующем законодательстве Российской Федерации отсутствует легализованное понятие «родители несовершеннолетнего» или «законные представители несовершеннолетнего», «семья», хотя данные термины широко используются как в нормативно-правовых актах, так и научной литературе. По результатам анализа законодательства Российской Федерации видно, что на сегодняшний день имеется определение только понятию «семья» и что, как нам видится, данное определение имеет узконаправленный характер. Исходя из норм Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 134-ФЗ), следует, что семья — это лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство [2].

Отсутствие понятийного аппарата семьи и его легитимного закрепления ведет к размытости трактовки понятий «родители или законные представители несовершеннолетних». В соответствии с Юридическим словарем, под термином «родители» следует понимать лиц (отец и мать), записанных в книге записей рождений в качестве таковых в отношении определенного ребенка [3]. Законные представители несовершеннолетних рассматриваются в качестве дееспособных граждан, которые на основании прямого указания закона вправе представлять интересы несовершеннолетних в судебном разбирательстве и исполнительном производстве с целью наиболее эффективной реализации их прав и свобод (как правило, речь идет о родителях, опекунах и попечителях). Многими учеными-административистами проводились исследования по вопросам ответственности родителей или законных представителей за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей. При этом изучению подвергался только

вопрос об ответственности родителей или законных представителей. Вместе с тем в России значительное количество детей проживают в так называемых неполных семьях, где воспитанием занимается один из родителей. В большинстве случаев родители, единолично воспитывающие детей, повторно вступают в брак, создавая «сводные» семьи. В данном случае дети хотя и проживают в семье, обязанность по надлежащему исполнению обязанностей по воспитанию возлагается только на родителей или законных представителей, что исключает проведение превентивной профилактической работы с отчимом или мачехой, в случае оказания с их стороны отрицательного влияния на ребенка, путем ведения антиобщественного образа жизни, употребления спиртных напитков или наркотических веществ, насилия над ребенком. Следует обратить внимание, что существуют семьи, в которых с целью получения дополнительных материальных и социальных гарантий родители, не состоящие в официальном браке, регистрируют ребенка только на мать, при этом проживая совместно с биологическим отцом ребенка. В указанных случаях, если ориентироваться на приведенное в Федеральном законе № 134-ФЗ определение понятия «семья», супруг или супруга родителя ребенка являются членами семьи, а значит принимают участие в его воспитании. Как отмечает О. Ю. Косова, воспитание есть «процесс систематического воздействия на ребенка, в результате чего происходит развитие его личностных качеств в определенном направлении <...> процесс воспитания есть осуществление соответствующих прав членов семьи» [4]. В данном случае следует полагать, что воспитание представляет собой обязанность не только родителей или законных представителей, но и членов семьи. Непринятие своевременных профилактических мер к членам семьи ребенка часто приводит к нарушению его прав и интересов. Согласно статистическим данным МВД России, в период с 2017 по 2019 год выявлено более 40 тыс. преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних членами семьи. Приведем несколько примеров нарушения прав детей членами семьи в 2022 году, приведших к причинению вреда здоровью и гибели детей. 1 февраля 2022 года в Омской области отчим, находясь в состоянии опьянения, задушил 4-летнюю девочку за просьбу включить мультики. При этом мать ребенка длительное время состояла на учете в органах системы профилактики как родитель, оказывающий отрицательное влияние на детей, так как злоупотребляла спиртными напитками совместно с сожителем. 2 февраля 2022 года в больницу города Омска доставили 9-месячного мальчика, являющегося инвалидом, с многочисленными травмами. В ходе проверки было установлено, что телесные повреждения ребенку причинил отчим, который в отсутствие матери на протяжении нескольких дней избивал ребенка. Мать ребенка ранее состояла

на учете в органах системы профилактики, была лишена родительских прав в отношении троих детей.

Приведенные немногочисленные факты напрямую свидетельствуют о несвоевременном принятии мер превентивного характера не только к родителям или законным представителям, но и членам семьи несовершеннолетних. Однако российское законодательство четко определяет, что административной и уголовной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних (ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) подлежат только родители или законные представители [5]. Это связано с тем, что пренебрежительное отношение к правам и законным интересам ребенка членами семьи не имеет своего законодательного отражения в действующем законодательстве Российской Федерации. Соответственно, лица, фактически проживающие совместно с ребенком и исполняющие обязанности по его воспитанию, содержанию, не могут быть привлечены к какой-либо ответственности за уклонение от исполнения указанных обязанностей. Этот факт исключает возможность применения административно-правовых методов контроля за условиями воспитания, содержания и развития детей, что свидетельствует о возможности семейного насилия над ребенком со стороны членов семьи. Применение мер административной ответственности имеет своей целью защиту прав детей и предупреждение новых правонарушений. И здесь нужно говорить не только об ответственности родителей или законных представителей, но и членов семьи. Именно своевременное принятие профилактических мер способствует оперативному прекращению нарушения прав детей, при необходимости их восстановлению. Необходимо отметить, что данная ответственность должна наступать при нарушении семейных обязанностей членами семьи, выразившейся в виде создания неблагоприятных условий для развития ребенка. Административное законодательство предусматривает ответственность родителей или законных представителей за ненадлежащее воспитание детей, которое включает в себя его обучение, развитие, содержание. И здесь нельзя не констатировать, что члены семьи наравне с родителями оказывают влияние на воспитание и становление личности ребенка, его культурное и нравственное развитие, формирование личностных ценностей. Поэтому очень важно, чтобы воспитание ребенка осуществлялось надлежащим образом всеми членами семьи.

Для достижения реальных результатов в обеспечении и защите прав детей основной акцент нужно делать на формирование нетерпимого отношения общества и государства к любому нарушению прав детей. До настоящего времени вопрос об административной ответственности членов семьи (отчим, мачеха, биологический отец) за ненадлежащее исполнение обязанностей

по воспитанию детей на законодательном уровне не урегулирован, поскольку правами и обязанностями по воспитанию детей наделены только родители или законные представители. Данный факт создает трудности правоприменительной деятельности по профилактике семейного неблагополучия. На наш взгляд, сегодняшние реалии говорят о том, что назрела необходимость законодательного закрепления административной ответственности членов семьи за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию детей, отрицательному влиянию на их развитие. Это связано прежде всего с особой ролью семьи в жизни ребенка. Применение мер административно-правовой защиты несовершеннолетних путем привлечения членов семьи к административной ответственности должно иметь своей целью не только карательное воздействие в отношении виновного, но и создание благоприятных условий для проживания, воспитания и развития детей в семье.

Учитывая сказанное, целесообразно закрепить административную ответственность членов семьи за ненадлежащее воспитание несовершеннолетних, дополнив действующую статью 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях частью 3, изложив в следующей редакции «Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное членами семьи». Введение административной ответственности для членов семьи несовершеннолетнего будет способствовать повышению уровня правовой защищенности детей. Как отмечал Д. Н. Бахрах, «административная ответственность служит средством охраны правопорядка, средством осуществления государственной власти, особым видом государственной деятельности; является следствием противоправного, вредного и виновного деяния» [6].

Внесение соответствующих изменений и дополнений в действующее административное законодательство Российской Федерации позволит более эффективно осуществлять профилактическую работу не только с родителями или законными представителями несовершеннолетних, но и членами их семей, а также своевременно применять меры административного характера для обеспечения защиты прав и законных интересов детей. Введение административной ответственности для членов семьи несовершеннолетнего будет способствовать повышению уровня правовой защищенности детей.

1. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 29 дек. 1995 г., № 223-ФЗ : принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Вернуться к статье](#)

2. О прожиточном минимуме в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 24 окт. 1997 г., № 134-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Родители [Электронный ресурс] // GUFO.ME. URL: <https://gufo.me/dict/law/%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8> (дата обращения: 10.05.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Косова О. Ю. Право ребенка на семейное воспитание // Защита несовершеннолетних детей от семейного насилия : учеб.-метод. пособие / под общ. ред. В. Н. Андриянова. Иркутск, 2006. С. 18–19. [Вернуться к статье](#)

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Вернуться к статье](#)

6. Бахрах Д. Н. Административная ответственность как особый вид юридической ответственности // Ученые записки Перм. ун-та. 1974. Вып. 5. С. 78. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

НЕКОТОРЫЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Ю. В. Гончаров

*Могилевский институт МВД (Беларусь),
старший преподаватель*

кафедры административной деятельности факультета милиции

Аннотация. *Неиспользование ремней безопасности — один из основных факторов риска получения тяжелых травм и смертельных случаев для водителей и пассажиров автотранспортных средств. Активизировать использование ремней безопасности участниками дорожного движения возможно посредством проведения на постоянной основе целенаправленных профилактических мероприятий, а также увеличения ответственности за их неиспользование.*

Ключевые слова: *безопасность, водитель, дорожное движение, дорожно-транспортное происшествие, транспортное средство, ремень безопасности, участник дорожного движения.*

Annotation. *Failure to use of seat belts is a major risk factor for serious injury and death for motor vehicle drivers and passengers. It is possible to intensify the use of seat belts by road users through the implementation of targeted preventive measures on an ongoing basis, as well as increasing responsibility for their non-use.*

Keywords: *safety, driver, traffic, traffic accident, vehicle, seat belt, road user.*

Вероятность получения травм и смертельных случаев в дорожном движении является результатом необходимости перемещаться на транспортных средствах (далее — ТС). Целый ряд факторов определяет, кто использует различные части транспортной системы, как именно он их использует, почему и в какое время [1].

Травмы, полученные при дорожно-транспортном происшествии (далее — ДТП), и их последствия создают огромные социальные издержки, что ложится тяжелым бременем на систему здравоохранения и экономику многих стран. При существующей тенденции роста использования ТС в большинстве стран мира количество травм, получаемых участниками дорожного движения (далее — УДД) в результате ДТП, может пропорционально возрасти их приросту [2]. В конечном итоге на практике может оказаться невозможным добиться полной ликвидации всех видов риска возникновения ДТП на дорогах, но можно

значительно снизить риск получения тяжелых телесных повреждений и смертельных исходов.

В дорожных происшествиях погибают и получают травмы различные категории УДД — водители, пешеходы, велосипедисты, а также пассажиры ТС. Расследования большинства фактов тяжелых ДТП показывают, что неиспользование ремней безопасности — основной фактор риска для водителей и пассажиров автотранспортных средств.

Эффективность ремней безопасности зависит от категории и вида ДТП, силы удара, а также от положения пассажиров и водителя во время столкновения с препятствием. Как известно, скорость движения ТС является одной из основных причин, влияющих как на количество, так и тяжесть последствий в ДТП, т. к. скорость влияет в первую очередь на силу удара при столкновении. Пренебрежение использованием ремней безопасности почти удваивает вероятность тяжелых и смертельных травм.

В исследуемом временном периоде с 2015 по 2020 год, по статистическим данным, участниками ДТП стали более 8 тыс. пассажиров авто- и мототранспорта, из них около 700 погибли и 7,5 тыс. получили различные травмы. Причиной почти 200 ДТП явилось нарушение правил перевозки людей. Причем в 1,6 тыс. случаях ремень (шлем) безопасности либо отсутствовал, либо им УДД не пользовались.

По данным Всемирной организации здравоохранения, процент водителей и пассажиров, пользующихся ремнями безопасности, в разных странах различен. Эффективность их использования на передних сиденьях снижается при лобовом столкновении из-за значительной нагрузки от удара сзади, получаемого от пассажиров на заднем сидении, которые не пристегиваются ремнями безопасности. Исследования подтверждают, что на задних сиденьях практически во всех странах мира ремнями пассажиры пользуются крайне редко. Подобную ситуацию мы можем наблюдать также на дорогах Республики Беларусь.

Опыт некоторых европейских стран показал, что простое принятие законодательных актов по обязательному использованию ремней безопасности без наказаний за несоблюдение данной нормы, пропаганды и контроля за исполнением данных актов может иметь всего лишь временный эффект. Практика безусловного контроля за соблюдением данного требования более эффективна, чем тот случай, когда неиспользование ремней безопасности рассматривается лишь как отягчающее вину обстоятельство, и опять же в отношении водителя, который был остановлен при управлении ТС за иное допущенное им правонарушение.

Большинство «наших» водителей и пассажиров также к ремням безопасности относятся скептически и во многих случаях пристегиваются ими лишь для того, чтобы избежать неприятной встречи с инспектором ДПС ГАИ. Такое поведение УДД может быть вызвано их недостаточным знанием, что происходит с человеком в момент столкновения при наезде ТС на препятствие, либо они попросту безразлично относятся к своей собственной жизни и здоровью.

В Интернете можно встретить множество рассуждений «за» и «против» использования данного пассивного средства безопасности. Однако статистика настойчиво утверждает, что использование ремней безопасности спасает от получения травм в 70 % случаев ДТП, в то время как подушка безопасности — только в 30 %. Водитель или пассажир, который не пристегивается ремнем безопасности, полагаясь только на подушку безопасности, не может рассчитывать на полноценную защиту своей жизни и здоровья, поскольку лучший результат достигается только при их совместном использовании.

В данном случае вполне ожидаемо может возникнуть резонный вопрос, что может быть проще того, чтобы сесть в автомобиль, защелкнуть ремень и проконтролировать пассажиров, как это предписывает пункт 9.5 главы 3 Правил дорожного движения Республики Беларусь (далее — ПДД): «Водитель обязан быть пристегнутым и не перевозить пассажиров с непристегнутыми ремнями безопасности при движении в механическом транспортном средстве...». Согласно пункту 23.2 главы 5 ПДД, «пассажир обязан быть пристегнутым при движении в механическом транспортном средстве, оборудованном ремнями безопасности...» [3].

Сотрудники ГАИ, исходя из личного опыта, могут поделиться следующим наблюдением: определенная часть водителей ТС пристегивается ремнями безопасности, когда узнает о том, что впереди на дороге находится наряд ДПС, либо когда заранее была предупреждена об этом водителями встречного транспорта. После остановки ТС можно наблюдать ситуации, когда ремень наброшен на водителя или пассажира либо его держат в руках. Некоторые могут даже демонстративно его отстегнуть после проезда экипажа ДПС ГАИ, зная, что их никто не будет преследовать.

Возможно, незначительная административная ответственность является причиной, по которой так много УДД игнорируют данное требование ПДД. В соответствии с ныне действующим Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях, водитель или пассажир ТС, который впервые в течение года не пристегнулся ремнем безопасности, при соблюдении ряда законодательно прописанных условий освобождается от административной ответственности с вынесением предупреждения, т. к. данное правонарушение

относится к категории административных проступков. И только для водителя при повторном совершении данного деяния на него налагается штраф [4].

Вместе с тем законодательство ряда стран мира за нежелание использовать такое пассивное средство безопасности, как ремень, при движении в ТС, на правонарушителей налагает более значительные, чем в Республике Беларусь, штрафные санкции. Так, например, в Финляндии за данное правонарушение предусмотрен штраф в размере 135 евро, в Японии — 450 долларов США, в Великобритании — до 500 фунтов, в Италии — 300 евро, в США — 50 долларов, а в Германии — до 30 евро [5].

Что может стимулировать водителей и пассажиров пристегиваться на передних или задних сидениях? Многие исследования, которые проводились в передовых с точки зрения обеспечения безопасности дорожного движения странах показали, что системный контроль за использованием ремней безопасности повышает уровень их применения. Такие мероприятия должны проводиться в течение продолжительного периода времени и предприниматься несколько раз в течение года, должны быть разъяснены требования законодательства в данной части, а также максимально освещены в средствах массовой информации.

С учетом проведенного исследования можно сделать вывод, что дорожная безопасность определяется уровнем дорожно-транспортного травматизма, количеством правонарушений против безопасности движения и эксплуатации транспорта и обусловлена эффективностью применения имеющегося потенциала Госавтоинспекции.

Определяющее влияние на тяжесть последствий ДТП оказывает «человеческий» фактор, недостаточность навыков безопасного и правомерного поведения УДД, а также уровня правовой культуры отдельных несистемных либо локализованных групп граждан и индивидуумов.

Таким образом, повысить безопасность на наших дорогах, а также обеспечить повсеместное использование ремней безопасности УДД возможно посредством проведения различных профилактических акций, информационных кампаний, дополнительной разъяснительной работы с участием сотрудников Госавтоинспекции относительно данной тематики и ее важности; обеспечение на постоянной основе административно-правового воздействия на УДД по исполнению данной нормы, в том числе и на пассажиров, находящихся в ТС на задних сиденьях.

Административное законодательство Республики Беларусь в настоящее время предусматривает ответственность за правонарушения в зависимости от характера и степени общественной вредности. Его главной особенностью является закрепление приоритета профилактических мер воздействия

перед наказанием, однако если отношение УДД в части использования ремней безопасности не будет пересмотрено, выходом из сложившейся ситуации видится увеличение размера административного взыскания.

Поэтому каждый водитель, каждый пассажир, севший в автомобиль и намеревающийся отправиться в дорогу, должен пересмотреть свои взгляды не только на свою безопасность, но и тех, кто находится с ним рядом. В данном случае если не здравый смысл, то хотя бы грозящий штраф за неиспользование ремней безопасности должен вразумить людей и дать понять, что ПДД, направленные исключительно на обеспечение комфорта и безопасности, придуманы не просто так.

1. Всемирный доклад о предупреждении дорожно-транспортного травматизма / пер. с англ. М. : Весь мир, 2004. 280 с. [Вернуться к статье](#)

2. Гончаров Ю. В. Скорость движения транспортного средства как одна из основных детерминант тяжких последствий ДТП // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сб. науч. тр. / Могилев. ин-т МВД. Могилев, 2021. Вып. 9. С. 24–29. [Вернуться к статье](#)

3. Правила дорожного движения [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 28 нояб. 2005 г., № 551. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Где в мире самые высокие штрафы, которые предусмотрены за нарушение ПДД. URL: <https://rating-avto.ru/raznoe/shtrafi-za-narushenie-pdd.html> (дата обращения: 10.05.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

О ПОЛНОМОЧИЯХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, ВЕДУЩИХ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

А. Н. Данилин

*Могилевский институт МВД (Беларусь),
преподаватель кафедры
административной деятельности факультета милиции*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о возникающих противоречиях в ходе ведения административного процесса должностными лицами органов внутренних дел.

Ключевые слова: ведение административного процесса, должностные лица органов внутренних дел.

Annotation. The article deals with the issue of emerging contradictions in the course of the administrative process by officials of the internal affairs.

Keywords: conducting the administrative process, officials of the internal affairs.

Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИКоАП) является единственным законом, который устанавливает порядок ведения административного процесса должностными лицами соответствующих государственных органов. В соответствии с ч. 2 ст. 3.29 ПИКоАП, должностные лица органов, ведущих административный процесс, наделяются соответствующими полномочиями на составление административных протоколов и подготовку дел об административных правонарушениях решением соответствующего государственного органа [1]. В связи с этим изданы нормативные правовые акты, в которых определены должностные лица указанных органов, которые правомочны составлять протоколы об административных правонарушениях и вести подготовку дел об административных правонарушениях до их рассмотрения [2].

Так, в Министерстве внутренних дел (далее — МВД) Республики Беларусь это определено постановлением МВД Республики Беларусь от 19 февраля 2021 г. № 47 «О полномочиях должностных лиц органов внутренних дел», которое наделяет должностных лиц органов внутренних дел (далее — ОВД) полномочиями на составление протоколов об административных правонарушениях и подготовку дел об административных правонарушениях к рассмотрению [3].

В то же время, по мнению отдельных исследователей, должностные лица органов, в том числе и ОВД, наделяются полномочиями на составление протоколов об административных правонарушениях и подготовку дел об административных правонарушениях к рассмотрению, «решение соответствующего

государственного органа» входит в противоречие с ч. 2 ст. 1.1 ПИКоАП, в соответствии с которой ПИКоАП является единственным законом, устанавливающим порядок административного процесса, права и обязанности его участников подлежат включению в действующий ПИКоАП [4, с. 157].

В соответствии со ст. 6.10 ПИКоАП, протокол процессуального действия — это документ, составленный должностным лицом ОВД, наделенным полномочиями согласно постановлению МВД Республики Беларусь от 19 февраля 2021 г. № 47 «О полномочиях должностных лиц органов внутренних дел», ведущим административный процесс в порядке, определенном Кодексом, удостоверяющий обстоятельства и факты, установленные при осмотре, освидетельствовании, личном обыске задержанного, административном задержании физического лица, изъятии вещей и документов, а также составленные в соответствии действующим ПИКоАП протокол опроса и протокол осмотра места административного правонарушения [1].

В то же время, в соответствии со ст. 8.3 ПИКоАП, административное задержание физического лица имеют право применять должностные лица ОВД при выявлении административных правонарушений, протоколы о совершении которых в соответствии с п. 1 ч. 1 и п. 3 и п. 6 ч. 2 ст. 3.30 действующего ПИКоАП составляют должностные лица ОВД. Необходимо отметить, что значительное количество административных задержаний осуществляют сотрудники наружных служб, такие как ППСМ, ОМОН и приданные силы, задействованные на охрану общественного порядка по плану единой дислокации.

Возникает вопрос: имеют ли право сотрудники наружных служб, задействованные на охрану общественного порядка согласно постовой ведомости, составлять протоколы задержания или личного обыска на физическое лицо при выявлении административного правонарушения, тогда как указанные протоколы относятся к процессуальным документам.

В постановлении МВД Республики Беларусь от 19 февраля 2021 г. № 47 «О полномочиях должностных лиц органов внутренних дел» сотрудники наружных служб ППСМ, ОМОН и приданные силы, задействованные на охрану общественного порядка, не наделены полномочиями составлять процессуальные документы, которые были указаны выше. В то же время вышеназванным постановлением младшие участковые инспекторы милиции, милиционеры, милиционеры-водители подразделений патрульно-постовой службы милиции РУ-ГО-РОВД наделены полномочиями исключительно в части ведения административного процесса в ускоренном порядке.

Таким образом, сотрудники ППСМ, ОМОН и приданные силы, задействованные на охрану общественного порядка по плану единой дислокации, в случае доставления лица для разбирательства в ОВД или на общественный

пункт охраны правопорядка, обязаны предоставить должностному лицу, которое наделено полномочиями составления протоколов об административных правонарушениях и подготовки дел об административных правонарушениях, только мотивированный рапорт по факту совершения лицом административного правонарушения. На основании которого, должностное лицо ОВД обязано оформить протокол административного задержания, протокол личного обыска и другие процессуальные документы с составлением протокола об административном правонарушении.

Возникает вопрос: правильно ли будет, когда должностное лицо ОВД, которое не принимало участие в фактическом административном задержании лица, совершившего административное правонарушение, составлять такие процессуальные документы, как протоколы административного задержания и личного обыска?

По нашему мнению, целесообразно было бы в постановлении МВД Республики Беларусь от 19 февраля 2021 г. № 47 «О полномочиях должностных лиц органов внутренних дел» прописать пункт, который мог бы наделить полномочиями сотрудников ППСМ, ОМОН и приданные силы, задействованные на охрану общественного порядка по плану единой дислокации, оформлять такие первоначальные процессуальные документы, как протоколы административного задержания и личного обыска. Так как именно эти сотрудники, задействованные на охрану общественного порядка по плану единой дислокации, непосредственно производят фактическое задержание и личный обыск лица, задержанного за совершение административного правонарушения. Наделение такими полномочиями наружных служб позволит ускорить проведение первоначальных процессуальных действий при задержании лица, совершившего административное правонарушение, с одновременным соблюдением принципа законности в деятельности ОВД.

1. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 92-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Крамник А. Н. Административное право. Часть 3. Процессуально-исполнительное право : учеб. пособие. 2-е изд., стер. Минск : Изд. центр БГУ, 2013. 237 с. [Вернуться к статье](#)

3. О полномочиях должностных лиц органов внутренних дел [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 19 февр. 2021 г. № 47. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Круглов В. А. Комментарий к Процессуально-исполнительному кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях. Минск : Амалфея, 2017. 639 с. [Вернуться к статье](#)

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

А. Н. Данилин

*Могилевский институт МВД (Беларусь),
преподаватель кафедры административной деятельности*

М. С. Игнатенко

*Могилевский институт МВД (Беларусь),
курсант факультета милиции*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об эффективности применения сотрудниками органов внутренних дел мер административного принуждения при несении службы по охране общественного порядка.

Ключевые слова: меры административного принуждения, органы внутренних дел, охрана общественного порядка.

Annotation. The article deals with the issue of the effectiveness of application of measures of administrative coercion when serving the protection of public order by the officers of the internal affairs bodies.

Keywords: measures of administrative coercion, the internal affairs bodies, the protection of public order.

Мера административного принуждения является существенным средством, обеспечивающим права, свободы граждан в процессе осуществления своей служебной деятельности по охране общественного порядка органами внутренних дел (далее — ОВД). Таким образом, правоохранительные органы на законодательном уровне обладают широкими полномочиями по применению мер административного принуждения, которые, в свою очередь, могут эффективно противостоять совершению административных правонарушений и преступлений в целом.

Основанием для применения принудительных мер являются факты нарушения гражданами норм права, которые регулируют правовые отношения в сфере общественного порядка. Применение принудительных мер осуществляется в процессе служебной деятельности личным составом ОВД, что и подразумевает под собой реализацию функций и задач, возложенных на правоохранительные органы. Характер мер принуждения определяется в каждом случае отдельно, исходя из охраняемых общественных отношений. Например, в сфере лицензионно-разрешительной деятельности ОВД; по реализации миграционной политики, безопасности дорожного движения; в соблюдении гражданами норм поведения в общественных местах; в сфере обеспечения режима чрезвычайного

положения; в связи с невыполнением родителями или законными представителями несовершеннолетних своих обязанностей по их воспитанию и др. [1].

Меры административного принуждения имеют отличительные признаки. Как правило, выделяют следующие признаки:

- осуществление в пределах охраны общественного порядка и обеспечение общественной безопасности;
- применение в отношении как физических, так и юридических лиц;
- осуществление согласно нормам Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Как было отмечено выше, меры административного принуждения применяются согласно нормам закона, однако в связи с оперативностью и быстротой пресечения административного правонарушения, являющегося угрозой правопорядка, применяемые меры не проходят предварительную оценку судом, который устанавливает правомерность применения.

Также меры административного принуждения отличаются специфическими чертами. Ведь применение мер административного принуждения осуществляется в рамках производства по делам об административных правонарушениях при наличии возбужденного дела об административном правонарушении либо же обнаружении его признаков. Целью же административного принуждения отмечаются следующие: предотвращение сокрытия факта совершения административного правонарушения, а также доказательств его совершения; выполнение задач по всестороннему и полному рассмотрению дела об административном правонарушении; установление личности лица, совершившего правонарушение; пресечение правонарушения; исполнение административного взыскания. Необходимо отметить, что применение мер административного принуждения осуществляется лишь к лицам, имеющим процессуальный статус [2].

Правоохранительные органы, в свою очередь, уполномочены осуществлять следующие меры административного принуждения:

- меры, ограничивающие личную свободу граждан (административное задержание, доставление в ОВД, привод);
- меры имущественного характера (наложение ареста на имущество, изъятие вещей и документов);
- меры, ограничивающие свободы и права (досмотр вещей и ручной клади, осмотр жилища или иного законного владения, освидетельствование).

Помимо вышеуказанных мер, отдельно отметим такую меру административного принуждения, как милицейская помощь. Данная мера подразумевает под собой применение принудительных мер без согласия гражданина, в отношении которого она применяется. Примером тому является помещение лица,

находящегося в состоянии алкогольного опьянения, в специализированный изолятор до вытрезвления.

Как отмечают исследователи, наиболее эффективной мерой административного принуждения в рамках административного задержания лиц, оказывающих сопротивление сотруднику ОВД, является применение в отношении вышеуказанных лиц физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники, что прямо отражено в Законе Республики Беларусь «Об органах внутренних дел» [3].

Необходимо отметить, что административное принуждение осуществляется посредством психического, материального или физического воздействия на лиц и сопровождается установлением к ним ограничений правосубъектности, возложением на них дополнительных обязательств и ограничением физической свободы.

По нашему мнению, сотрудники ОВД, которые в своей служебной деятельности применяют меры принуждения посредством психического воздействия, должны быть готовы к любой возникшей ситуации, так как их профессиональные действия заключаются в применении к лицам, нарушившим нормы поведения либо не подчиняющимся их законным требованиям как представителям власти, средств и приемов, влияющих на их психику, сознание и волю. Это может быть предупреждение о недопустимости каких-либо противоправных действий, требование их прекращения, предупреждение о возможности применения со стороны сотрудников ОВД физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия в случае отказа от выполнения гражданами их законных требований, связанных с охраной общественного порядка. К психическому воздействию также относится наложение на правонарушителя административного взыскания в виде предупреждения [2].

Подводя итог, отметим, что меры административного принуждения, применяемые ОВД при осуществлении охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, а также при ведении административного процесса с точки зрения соблюдения норм прав, свобод и законных интересов граждан, интересов общества и государства и в свою очередь выполнения функций и задач, возложенных на ОВД, являются объективно необходимыми, так как наиболее эффективны при обеспечении административного процесса и правопорядка в целом.

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Культемирова Л. Т., Анес А. К. Курс лекций по административной деятельности ОВД [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Алмат. акад. МВД Респ. Казахстан. Алматы : Алмат. акад. МВД Респ. Казахстан, 2021. 415 с. [Вернуться к статье](#)

3. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.05.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

А. А. Деминская

*Могилевский институт МВД (Беларусь),
преподаватель кафедры*

административной деятельности факультета милиции

Аннотация. *Вопрос об административной ответственности юридических лиц не теряет своей актуальности и требует более глубокого научного изучения. Целью данной статьи является исследование на основании анализа положений нормативных правовых актов института административной ответственности юридических лиц, выявление отличительных особенностей данного вида ответственности.*

Ключевые слова: *юридическое лицо, административная ответственность, административное взыскание.*

Annotation. *The issue of administrative responsibility of legal entities does not lose its relevance and requires a deeper scientific study. The purpose of this article is to study, on the basis of an analysis of the provisions of regulatory legal acts, the institution of administrative responsibility of legal entities, to identify the distinctive features of this type of liability.*

Keywords: *legal entity, administrative liability, administrative penalty.*

С марта 2007 года в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) был закреплен новый субъект административной ответственности — юридическое лицо. Ответственность которого получила свое отражение в санкциях за совершение правонарушений в области финансов, рынка ценных бумаг и банковской деятельности, в сфере предпринимательской деятельности, против порядка налогообложения, за административные таможенные правонарушения.

Для разъяснения содержания юридического лица как субъекта административной ответственности необходимо раскрыть его понятие. Дефиниция юридического лица выработана в ст. 44 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК), а именно: «юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество, несет самостоятельную ответственность по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, исполнять обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, прошедшая в установленном порядке

государственную регистрацию в качестве юридического лица либо признанная таковым законодательным актом» [1].

Привлечение к административной ответственности юридических лиц имеет свои значительные особенности, а именно:

– На законодательном уровне предусмотрено привлечение к административной ответственности юридических лиц, не совершавших административное правонарушение, но при этом являются правопреемниками юридических лиц, допустивших нарушения. В ст. 54 ГК предусмотрены следующие формы реорганизации юридического лица: слияние, присоединение, разделение, выделение и преобразование. В случае слияния нескольких юридических лиц к ответственности будет привлекаться вновь созданное юридическое лицо. Если одно юридическое лицо присоединяется к другому, то к ответственности будет привлекаться то юридическое лицо, к которому было совершено присоединение. В случае разделения юридического лица либо из его состава выделяется одно или несколько юридических лиц, к ответственности будет привлекаться то юридическое лицо, к которому в соответствии с разделительным балансом перешли права и обязанности по заключенным сделкам или имуществу, которые послужили основанием для совершения административного правонарушения. В случае преобразования юридического лица одного вида в юридическое лицо другого вида к ответственности будет привлекаться юридическое лицо, которое вновь создано. Следует иметь в виду, что передаточный акт и разделительный баланс должны содержать в себе положения о правопреемстве по всем обязательствам реорганизованного юридического лица, в том числе в отношении всех его кредиторов и должников, включая и обязательства, которые оспариваются сторонами.

– К административной ответственности юридическое лицо может быть привлечено за совершение административного правонарушения, если такое лицо указано в санкции и данным лицом не были приняты все меры по соблюдению норм (правил), за нарушение которых предусмотрена административная ответственность. Естественно, понятие вины применительно к юридическому лицу, должно иметь иное содержание, чем в случае, когда к ответственности привлекается физическое лицо. Раскрывая вину юридического лица, следует учитывать объективные и субъективные характеристики. На наш взгляд, объективной характеристикой вины юридического лица должно быть наличие у данного лица возможности для соблюдения норм (правил), за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, однако не были приняты все меры по их соблюдению. Субъективная характеристика вины представляет собой отношение организации в лице ее администрации, а именно конкретных

должностных лиц к противоправному деянию. Наличие данных характеристик исключает возможность невинной ответственности юридических лиц.

– В случае привлечения к административной ответственности юридического лица, виновное за данное правонарушение должностное лицо не освобождается от административной ответственности, так же как и привлечение виновного должностного лица к административной либо уголовной ответственности не освобождает юридическое лицо от административной ответственности. На наш взгляд, в данном случае имеется коллизия в законодательстве. Представим ситуацию, что против должностного лица возбуждено уголовное дело по факту, по которому ведется административный процесс. По делу об административном правонарушении проходят два субъекта административной ответственности — должностное и юридическое лицо. В соответствии со ст. 9.6 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИКоАП), в отношении должностного лица должен быть прекращен административный процесс, а против юридического лица — нет [2]. Значит, за одно и то же деяние должностное лицо будет привлекаться к уголовной ответственности, а юридическое лицо — к административной. На наш взгляд, подобное недопустимо. Таким образом, следует внести изменение в ч. 2 ст. 9.6 ПИКоАП, а именно, включить обстоятельство, исключающее административный процесс в отношении юридического лица — наличие по данному факту уголовного дела.

– В отношении юридических лиц применяется ограниченное количество административных наказаний, а именно: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, конфискация и взыскание стоимости.

Следует иметь в виду, что привлечь юридическое лицо к административной ответственности возможно при установлении хотя бы одного из следующих обстоятельств:

- 1) в результате совершения деяния причинен вред жизни или здоровью людей либо создана угроза причинения такого вреда;
- 2) стоимость предмета административного правонарушения превышает сорок базовых величин;
- 3) в результате совершения деяния причинен имущественный вред в размере, который превышает сорок базовых величин;
- 4) сумма сделки, внешнеторговой операции, выручки либо дохода в совокупности превышает сорок базовых величин — в случаях, когда в санкции штраф определяется в процентном либо кратном отношении к сумме сделки, внешнеторговой операции, выручки либо дохода;

5) сумма дохода превышает сорок базовых величин — в случаях, когда в санкции предусмотрена конфискация дохода, полученного в результате противоправной деятельности;

б) в санкции предусмотрено обязательное применение конфискации [3].

В результате проведенного анализа главы 8 КоАП можем сделать вывод, что юридическое лицо может быть освобождено от административной ответственности только при добровольном возмещении или устранении причиненного вреда либо в случае исполнения возложенной обязанности, за неисполнение которой лицо привлекается к административной ответственности.

Таким образом, существование административной ответственности как таковой призвано побуждать субъекты права к соблюдению и уважительному отношению к закону, а также способствовать предупреждению совершения новых правонарушений. Юридическое лицо занимает особую нишу среди субъектов административной ответственности и имеет свои отличительные особенности, выражающиеся в применении к юридическим лицам, обладающим административной правосубъектностью, административных взысканий за неисполнение или ненадлежащее исполнение установленных государством норм (правил) в целях пресечения противоправной деятельности юридических лиц и выполнения возложенных на них обязанностей.

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 92-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 1 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЛИКТНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В. М. Ковалев

*Могилевский институт МВД (Беларусь),
преподаватель кафедры административной деятельности
факультета милиции*

П. А. Леонова

*Могилевский институт МВД (Беларусь),
курсант факультета милиции*

Аннотация. Проблемы причинности правонарушений в сфере государственного управления привлекали и продолжают привлекать внимание ученых, но тема причинности административных проступков — весьма распространенной категории правонарушений — почти не исследовалась. В статье обосновывается необходимость научной разработки концепции выявления и устранения причин административных правонарушений.

Ключевые слова: административные правонарушения, государственное управление, деликтность, причины, концепция, правосознание, профилактика.

Annotation. The problems of causality of row of offences in the field of state administration attracted and continue to attract attention scientists, then a theme of causality of administrative misconducts, very widespread category of offences is almost not investigated. The necessity of scientific development of conception of exposure and removal of reasons of administrative crimes is grounded in the article.

Keyword: administrative crimes, state administration, delinquency, reasons, social, conception, sense, of justice is prevention.

В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, одним из основных национальных интересов является обеспечение общественной безопасности, обеспечение безопасности жизнедеятельности населения, снижение уровня преступности и криминализации общества [1]. В данном случае речь идет о повышении роли права в регулировании и охране общественных отношений, усилении воздействия на причины и условия правонарушений, способствующие их совершению, с целью дальнейшей их нейтрализации. Административные правонарушения в настоящее время остаются наиболее многочисленными, они оказывают серьезное деструктивное воздействие на все стороны общественной и государственной жизни, снижают степень защищенности прав и свобод граждан.

В этих условиях, несомненно, необходима адекватная реакция государства на противоправные деяния и повышение эффективности предупредительной деятельности правоохранительных органов.

Однако наши исследования показывают, что тема причинности в административно-правовой сфере еще не нашла своего должного отражения. Иными словами, тема причинности административных правонарушений почти не исследовалась отечественными учеными.

Отсутствие четкой научно обоснованной концепции причин административных правонарушений, бесспорно, затрудняет борьбу с ними, а также разработку неотложных и перспективных мероприятий, направленных на устранение причин административных деликтов и условий, способствующих их совершению.

На наш взгляд, создание такой концепции возможно только при соблюдении двух условий: во-первых, при учете достижений науки о причинности правонарушений в целом и преступлений в частности; во-вторых, при выявлении специфических причин именно административных деликтов, представляющих самостоятельную разновидность правонарушений. Выдвижение таких условий явилось следствием вывода, сделанного из анализа литературных источников о том, что между двумя уровнями — причинами правонарушений вообще и причинами конкретных правонарушений расположен промежуточный уровень причин правонарушений отдельных категорий (гражданских, трудовых, административных и т. д.).

Поиск причин административных проступков может увенчаться успехом только в том случае, если его осуществлять в нашей реальности, содержащей факторы, объясняющие существование индивидуалистических взглядов и привычек, деформирующих сознание и поведение отдельных лиц. Эти факторы, с одной стороны, определяют сохранение такого асоциального явления, каким является весь массив административных деликтов, а с другой стороны, способствуют проявлению индивидуалистических взглядов в конкретном правонарушении. Сущность всего массива, всей совокупности совершаемых в стране административных проступков остается вне поля зрения правовой науки. Эта совокупность не случайный конгломерат, не механическая сумма отдельных административных проступков, а органически целое понятие.

Следовательно, даже самое пристальное и глубокое изучение причины отдельного административного проступка не в состоянии вскрыть тех закономерностей, которым подчиняется весь массив проступков. Эту совокупность можно обозначить термином «административная деликтность».

Представляется, что предложенная терминология упростит задачу раскрытия сущности и закономерностей этой совокупности. Во-первых, следует

отметить социальную природу административной деликтности. Правонарушения — это социально значимые деяния, они совершаются членами общества и направлены против сложившихся социальных отношений. Во-вторых, административная деликтность представляет собой исторически изменчивое явление. Ее природа и содержание коренным образом изменяются в процессе развития общества.

Эти изменения, на наш взгляд, являются результатом одновременного действия двух факторов. Первый фактор — это социально-экономические условия, обусловленные исторической обстановкой, и, как следствие, отношения законодателя к кругу деяний, объявляемых административными правонарушениями. Второй фактор — выражение и осуществление уголовной политики государства. В современной уголовной политике, осуществляемой в нашем государстве, четко проявляется тенденция декриминализации уголовной ответственности, которая непосредственно влияет на состояние и структуру административной деликтности, ибо заключается главным образом в переводе некоторых уголовно наказуемых деяний в разряд административных проступков, что влечет за собой увеличение численности административных проступков и появление в их структуре новых видов.

Социальный характер деликтности заключается не только в том, что сами по себе проступки, ее составные части представляют собой социально значимые действия, но и потому, что ее причины имеют социальный характер.

Административная деликтность в системе правонарушений занимает самостоятельное место, которое определено общностью объекта совершаемых административных правонарушений и характером их общественной опасности.

Особенной частью Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях определен круг родовых объектов, на которые эти правонарушения посягают. В данный круг законодатель включил всего 17 родовых объектов [2].

На первый взгляд перечень довольно широкий, однако при внимательном анализе совершенных проступков становится ясным, что в большинстве своем их непосредственным объектом, независимо от того, к какому родовому объекту они относятся, являются объекты, находящиеся в сфере государственного управления, непосредственно или близко примыкающей к ней сфере.

Несмотря на универсализм административно-правовой санкции, позволяющей передавать под ее охрану самые разнообразные объекты, ее главное назначение заключается в охране тех отношений, которые складываются в исполнительно-распорядительной деятельности государства. Вот почему представляется возможным сделать вывод о том, что основную массу

административных правонарушений объединяет общий объект посягательств — государственно-управленческие отношения.

Многочисленные исследования, осуществляемые другими авторами, позволяют утверждать, что административно-правовая осведомленность граждан значительно ниже, нежели осведомленность их о нормах уголовного, гражданского и трудового права. Недостаточная правовая осведомленность влечет и недостаточно развитое правосознание. Общественная опасность административного проступка значительно меньше, чем у преступления. Следовательно, нравственное порицание его значительно слабее. Оценочная деятельность человека обусловлена самыми различными условиями: мировоззрением, идеологией, общественной психологией, ценностными ориентациями, — в связи с чем одни и те же проступки, в том числе и проступки незначительной общественной опасности, оцениваются разными людьми самым различным образом. Знание правового запрета позволяет гражданину избирать вариант поведения, соответствующий запрет; его незнание создает предпосылки такого поведения, которые вытекают только из нравственной позиции.

Несомненно, отмеченные ранее факторы, рассматриваемые наукой в качестве причин правонарушений, оказывают влияние на формирование антиобщественной установки личности, однако они в такой же степени влияют на установки преступника, нарушителя трудовой дисциплины. По нашему мнению, в качестве факторов непосредственных причин административной деликтности является, недостаточный правовой уровень осведомленности граждан и должностных лиц о нормах административного законодательства и главным образом о запретах, установленных в сфере управленческой деятельности государства, а в качестве причин административной деликтности необходимо указать недостаточное внимание к ее профилактике. Профилактика в настоящее время должна стать главным направлением в борьбе со всеми правонарушениями. Высказываются мысли о становлении новой правовой науки — профилактики правонарушений.

Можно согласиться с В. В. Коляго, который предлагает следующее: «В настоящее время целесообразно вести речь о формировании самостоятельной отрасли законодательства Республики Беларусь, объединяющей нормативно-правовые акты, регламентирующие общественные отношения в области профилактики правонарушений. Целью рассматриваемой отрасли законодательства является регулирование деятельности по профилактике правонарушений, что будет способствовать максимально эффективной реализации публичных интересов, осуществлению профилактики правонарушений силами государства с участием общества и, соответственно, всесторонне регулировать

совокупность общественных отношений в указанной области, систематизировать и объединить все законодательство» [3, с. 100–101].

Наши исследования показывают, что в настоящее время создается прочная правовая база для кодификации законодательства по данному вопросу.

Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях, вступившим в силу с 1 марта 2021 года, впервые в истории административного законодательства введен институт профилактических мер воздействия с целью усиления профилактической составляющей норм об административной ответственности, сужения сферы применения административного взыскания до минимальных пределов. Так, в ч. 2 ст. 1.2 «Задачи и принципы Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях» прямо подчеркнуто, что суд, органы, ведущие административный процесс, реализуют в пределах своей компетенции мероприятия, направленные на предупреждение (профилактику) административных правонарушений, в том числе выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений [2].

Таким образом, предупреждение административных правонарушений не только обеспечивает надлежащее исполнение требований в сфере государственного управления, но и является залогом нейтрализации и сокращения преступности. Учитывая взаимосвязь и взаимозависимость правонарушений, невозможно обеспечить профилактику одного из ее видов, оставляя без внимания иные.

Успех в нейтрализации преступности в немалой степени зависит от предотвращения административных проступков, от ликвидации причин, обеспечивающих существование деликтности. Для административной деликтологии очень важно определиться с концептуальными положениями теории причинности.

Разработка концепции предупреждения причин и условий административной деликтности является конечной целью всей предупредительной работы в государственном управлении. По нашему мнению, заключается она в разработке конкретных рекомендаций профилактики отдельных видов административных проступков и правонарушений. Модельной основой предлагаемой нами концепции должно стать объединение усилий родственных наук, таких как административно-деликтное право, криминология, социология права и других.

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. № 49. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 93-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Коляго В. В. Систематизация законодательства о профилактике правонарушений // Социально-экономические и правовые исследования. 2020. № 1. С. 100–101. [Вернуться к статье](#)

УДК 32:342.9

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ МЕРАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НАЦИСТСКОЙ СИМВОЛИКИ И АТРИБУТИКИ

Р. Н. Козыренко

*Могилевский институт МВД (Беларусь),
старший преподаватель кафедры
административной деятельности факультета милиции*

Аннотация. В статье в русле государственной идеологии Республики Беларусь рассматриваются политико-правовые меры противодействия распространению в Республике Беларусь нацистской символики и атрибутики.

Ключевые слова: государственная идеология; нацистская символика; нацистская атрибутика, распространение; административная ответственность.

Annotation. The article considers political and legal measures to counter the spread of Nazi symbols and attributes in the Republic of Belarus in line with the state ideology of the Republic of Belarus.

Keywords: state ideology; Nazi symbols; Nazi paraphernalia, distribution; administrative responsibility.

Исследования политических идеологий свидетельствуют о том, что сфера политических представлений является фактически инструментом осуществления власти. При этом между групповым представлением и политическим поведением существует тесная и неизбежная связь [1, с. 411–412], поскольку идеология выражается через действия.

В этой связи серьезную угрозу современному миру представляют возрождение и распространение идей национал-социализма и фашизма, признанных, согласно международным договоренностям, преступными запрещенными идеологиями. В русле данной деятельности осуществляются: пропаганда нацистских идей и ценностей, распространение нацистской символики, героизация нацизма, восхваление германского оккупационного аппарата управления и объявление сотрудничавших с нацистами коллаборационистов и их лидеров национальными героями.

Наиболее полное воплощение идеология и практика национал-социализма и фашизма получили во время Великой Отечественной войны — войны, объективно оцениваемой белорусским народом как «святая народная война с врагами» [2]. На оккупированных гитлеровской Германией территориях Беларуси реализовывался целенаправленный план геноцида белорусского народа, разграбления его материального достояния и природных ресурсов.

Гитлеровцы и их пособники из числа коллаборационистов уничтожили около 3 млн человек, 380 тыс. человек вывезли на каторжные работы в Германию, сожгли и разрушили 209 городов и районных центров, 9 200 деревень, из которых 186 после войны не возродились [3, с. 609].

Что касается деятельности современных неонацистских группировок, то для них характерно «применение так называемой стратегии напряженности, призванной создать впечатление о неспособности законно избранных правительств обеспечить общественный порядок» [4, с. 130]. На примере Украины рост неонацистских тенденций и деятельность неонацистских группировок свидетельствуют о возможности использования данного идейного течения для организации противодействия институтам политической системы в результате переноса неонацистских идей в сферу политических действий.

Цена и значение для белорусского народа Победы в Великой Отечественной войне обуславливают необходимость совершенствования в Республике Беларусь правового механизма сохранения исторической памяти об этой войне, противодействия попыткам реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников.

Правовой основой государственной идеологии Республики Беларусь является Конституция Республики Беларусь. Согласно статье 15 Конституции Республики Беларусь, государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, при этом статьей 56 Конституции Республики Беларусь установлено, что сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа является долгом каждого гражданина Республики Беларусь [5].

Важным этапом противодействия реабилитации нацизма явилось принятие в 2021 году Закона Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма», устанавливающего запрет на героизацию и оправдание нацистской идеологии и содействие этому в любой форме [6]. В нем определены правовые и организационные основы, принципы и основные направления деятельности по недопущению реабилитации нацизма, субъекты противодействия реабилитации нацизма, профилактические меры по недопущению таких действий.

Особое место среди мер административно-правового принуждения, направленных на недопущение реабилитации нацизма, занимают меры административной ответственности за действия по распространению нацистской/фашистской символики и атрибутики.

Распространение нацистской/фашистской символики и атрибутики, используемой в качестве политического инструмента, является одним из способов

пропаганды нацистских идей, средством обеспечения идеологической связи с нацизмом/фашизмом времен Второй мировой войны.

Законодательно установленный перечень нацистской символики и атрибутики содержится в статье 1 Закона Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма» [6]. В данный перечень законодатель включил флаги, гимны и иные музыкальные произведения, атрибуты униформы, свастики, эмблемы, символы, вымпелы, значки и другие отличительные знаки или их копии, использовавшиеся Национал-социалистской рабочей партией Германии (далее — НСДАП), Национальной фашистской партией Италии, другими государственными, военными и иными структурами либо организациями, сотрудничавшими с такими структурами на оккупированной территории СССР в годы Второй мировой войны, если эти структуры и организации признаны преступными либо виновными в совершении преступлений приговором Международного военного трибунала либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Международного военного трибунала, а также другими организациями, сотрудничавшими с такими структурами и организациями, а равно изображения лиц, признанных этими трибуналами виновными [6].

Таким образом, в Законе Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма» данный термин распространяется также на символику и атрибутику организаций, сотрудничавших с организациями, признаваемыми нацистскими.

Административная ответственность за пропаганду или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики установлена статьей 19.10 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [7] (далее — Кодекс). Согласно части 1 данной статьи Кодекса, административную ответственность влекут альтернативные деяния, выразившиеся в пропаганде или публичном демонстрировании, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет либо иной информационной сети, изготовлении, распространении нацистской символики или атрибутики, а равно хранении или приобретении такой символики или атрибутики в целях распространения. В случае совершения деяний, предусмотренных частью 1 статьи 19.10 Кодекса, повторно в течение одного года после наложения административного взыскания за такие же нарушения лицо подлежит административной ответственности по части 2 данной статьи Кодекса [7].

Статьей 1 Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» нацистская символика и атрибутика признаются одними из средств экстремизма (экстремистской деятельности) — деятельности по планированию, организации, подготовке и совершению посягательств на независимость,

территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя, общественную безопасность, если экстремизм (экстремистская деятельность) осуществляется путем пропаганды или публичного демонстрирования, изготовления, распространения нацистской символики и атрибутики, а равно хранения или приобретения такой символики или атрибутики в целях распространения [8].

В целях реализации положений Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» в постановлении Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 27 декабря 2019 года № 340 «Об установлении перечней организаций и иных структур, их символики и атрибутики» конкретизирован перечень нацистской символики и атрибутики, согласно которому преступными организациями приговором Международного военного трибунала признаны: эмблема, гимн НСДАП и ее символы (свастика, нацистское партийное приветствие), эмблемы ее военизированных формирований (СА и СС), флаг Третьего рейха, эмблемы Национальной фашистской партии Италии, атрибуты униформы членов СС и войск СС и сотрудников спецслужбы НДСАП (СД), приведено описание этой символики и атрибутики [9]. Содержание данного перечня соответствует положениям статьи 1 Закона Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма» [6].

Нацистская символика и атрибутика, предназначенные для публичных демонстраций, использования и распространения либо распространённые любым способом в целях вовлечения в экстремистскую деятельность и ее пропаганды, могут быть признаны экстремистскими материалами по решению суда. В случае такого признания они подлежат включению в республиканский список экстремистских материалов, размещенный на официальном сайте Министерства информации Республики Беларусь в глобальной компьютерной сети Интернет в день поступления копии судебного решения в Министерство информации Республики Беларусь. Данный список подлежит также опубликованию в газете «Рэспубліка» и сетевом издании «zviazda.by» [10].

Распространение информационной продукции, включенной в республиканский список экстремистских материалов, а равно изготовление, издание, хранение либо перевозка с целью распространения такой информационной продукции, влекут административную ответственность по ч. 2 ст. 19.11 Кодекса [7].

В соответствии с примечанием к статье 19.10 Кодекса, не являются административными правонарушениями публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики, а равно хранение или приобретение такой символики или атрибутики в целях распространения физическим лицом, индивидуальным предпринимателем или юридическим

лицом при осуществлении в соответствии с законодательством деятельности в области театрального, музыкального, циркового и изобразительного искусства, библиотечного дела, кинематографической деятельности, музейного дела, организации и проведения культурно-зрелищных, зрелищных и иных культурных мероприятий, издательского дела, образовательной деятельности, научной деятельности, коллекционирования культурных ценностей, средств массовой информации при отсутствии признаков пропаганды нацистской символики или атрибутики [7].

Таким образом, реализация в Республике Беларусь административной ответственности за деяния, выразившиеся в распространении нацистской символики и атрибутики, направлена на предотвращение наносящего ущерб национальным интересам Республики Беларусь деструктивного информационного воздействия на личность, общество и государственные институты. Такое информационное воздействие определено в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в качестве одной из угроз национальной безопасности Республики Беларусь [11].

Согласно статье 1 Конституции Республики Беларусь, Республика Беларусь является демократическим правовым государством [5]. Демократический политический процесс немыслим вне жесткой юридической регламентации» [12, с. 225].

Выделение в Республике Беларусь общественных отношений, складывающихся в сфере распространения нацистской символики и атрибутики, в качестве самостоятельного объекта правовой охраны направлено на: недопущение уничтожения исторической правды о Великой Отечественной войне, осквернения памяти жертв нацизма и всего белорусского народа; предотвращение идеологического влияния носителей национал-социалистической и фашистской идеологий, влияние которых в современных обществах возрастает вместе с приоритетом электронных средств массовой информации; формирование в белорусском обществе нетерпимости к любым проявлениям нацизма.

Таким образом, в Республике Беларусь обеспечивается противодействие нацистской идеологии, лежащей в основе фальсификации событий Великой Отечественной войны, реализуется идея единства белорусского народа, приобретающая особую значимость для современного белорусского государства.

1. Жиро Т. Политология. Харьков : Гуманитарный центр, 2006. 428 с. [Вернуться к статье](#)

2. Купала Я. Германский фашизм — злейший враг белорусского народа. [Электронный ресурс]. URL: <https://ognev.livejournal.com/11361.html> (дата обращения: 12.05.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Лемешонок В. И. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–45. Республика Беларусь : энциклопедия : в 6 т. ; редкол. : Г. П. Пашков [и др]. Минск : БелЭн, 2006. Т. 2. С. 607–611. [Вернуться к статье](#)

4. Мельник В. А. Политические идеологии : учеб. пособие. Минск : Выш. шк., 2009. 399 с. [Вернуться к статье](#)

5. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. О недопущении реабилитации нацизма [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 мая 2021 г., № 103-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

8. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 203-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.05.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

9. Об установлении перечней организаций и иных структур, их символики и атрибутики [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 27 дек. 2019 г., № 340. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

10. О ведении и опубликовании республиканского списка экстремистских материалов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 апр. 2007 г., № 513 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 12.10.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

11. Об утверждении Концепции национальной безопасности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

12. Божанов В. А. Политика: кто, как, зачем ее создает. Минск : Амалфея, 2014. 324 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 351.74

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ФОРМИРОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬНЫХ НАРОДНЫХ ДРУЖИН И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ПРИМЕНЕНИЯ ИМИ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ

А. С. Лизунов

*Нижегородская академия МВД России,
старший преподаватель кафедры административной деятельности
органов внутренних дел*

А. А. Лукашин

*Нижегородская академия МВД России,
преподаватель кафедры административной деятельности
органов внутренних дел*

Аннотация. Статья посвящена анализу законодательной регламентации создания и участия в охране общественного порядка добровольных народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности. По результатам проведенного исследования сделан вывод о необходимости создания новой организационно-правовой формы взаимодействия общества и государства в виде государственно-общественных объединений. В работе также сформулированы предложения об изменении порядка применения народными дружинниками физической силы и упразднения запретов и ограничений по применению ими физической силы.

Ключевые слова: добровольные народные дружины, общественные объединения правоохранительной направленности, охрана общественного порядка, применение физической силы.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the legislative regulation of the creation and participation in the protection of public order of voluntary people's squads and public associations of law enforcement orientation. Based on the results of the study, it was concluded that it is necessary to create a new organizational and legal form of interaction between society and the state in the form of state-public associations. The paper also formulated proposals to change the procedure for the use of physical force by people's vigilantes and the abolition of prohibitions and restrictions on the use of physical force by them.

Keywords: voluntary national squads, public associations of law enforcement orientation, protection of public order, use of physical force.

В настоящее время перед отечественной правоохранительной системой актуализировалась потребность в налаживании оперативного и эффективного взаимодействия с общественными объединениями и организациями. Особо

остро потребность в привлечении дополнительных, не входящих в систему правоохранительных органов, сил стоит при организации охраны общественного порядка. Совершенно очевидно существование определенных базовых предпосылок, на которых зиждется необходимость делегирования определенных полномочий по охране общественного порядка субъектам, не относящимся к органам государственной власти.

В этом контексте стоит отметить, что общество и государство заинтересованы в установлении правопорядка, господства режима законности во всех сферах жизни, обеспечении общественной безопасности. Соответственно, юридически оформленные социальные объединения граждан вполне способны разделить нагрузку, возлагаемую на правоохранительную систему по противодействию и пресечению административных правонарушений и преступлений.

Существенное значение имеет и ограниченность кадрового и материального ресурса правоохранительной системы, которая в одиночку не всегда по объективным причинам способна создать мощный заслон фактам проявления противоправного поведения.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить два основных коллективных субъекта административного права, на которых могут быть возложены функции по оказанию содействия правоохранительным органам в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности — добровольные народные дружины и общественные организации правоохранительной направленности.

По смыслу статьи 8 Федерального закона «Об общественных объединениях» последнее представляет собой добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения. В статье 15 этого же закона раскрываются основные принципы создания и деятельности общественных объединений, а именно: добровольность, равноправие, самоуправление и законность [1].

Общественные объединения с точки зрения теории административного права должны организовываться исключительно по инициативе граждан, существовать автономно от государства. Кроме того, общественные объединения не должны обладать государственно-властными полномочиями и не могут находиться в подчинении у должностных лиц органов государственной власти. В целом данные теоретические позиции в полном объеме соответствуют такому принципу деятельности общественных объединений, как самоуправление. Более того, согласно ст. 15 Федерального закона «Об общественных объединениях», вмешательство органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность общественных объединений, равно как и вмешательство

общественных объединений в деятельность органов государственной власти и их должностных лиц, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных настоящим федеральным законом.

Однако отдельные положения Федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка» [2] и ведомственные приказы МВД России, регулирующие порядок создания и деятельности добровольных народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности, с нашей точки зрения, вступают в противоречие с названным принципом.

Конкретизируем данное суждение. Деятельность общественных объединений правоохранительной направленности и добровольных народных дружин возможна только в случае внесения их в реестр добровольных народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности, тем самым их деятельность поставлена в зависимость от решения административного органа. Согласно пункту 2 части 7 статьи 11 Федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка», общественные объединения правоохранительной направленности могут оказывать содействие полиции только после обращения полиции в общественное объединение правоохранительной направленности. Другими словами, если такого обращения не поступило, общественная организация правоохранительной направленности не вправе самостоятельно проявить инициативу, по сути, она бездействует. Приказ МВД России от 21 июля 2014 года № 597 [3] возлагает на органы внутренних дел, представляющие собой государственную власть, полномочия по согласованию кандидатур командиров народных дружин и планов деятельности народных дружинников.

О наделении добровольных народных дружин государственно-властными полномочиями свидетельствует и тот факт, что воспрепятствование законной деятельности народного дружинника или невыполнение его законного требования о прекращении противоправных действий статьей 19.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена ответственность [4].

Приведенные аргументы свидетельствуют о том, что общественные объединения правоохранительной направленности и добровольные народные дружины не в полной мере отвечают принципам создания и деятельности общественного объединения, разработанным теорией административного права и закрепленным в федеральном законодательстве. На наш взгляд, необходимо создание новой организационно-правовой формы взаимодействия общества и государства в виде государственно-общественных объединений.

В рамках дальнейшего рассмотрения вопросов, связанных с осуществлением охраны общественного порядка народными дружинниками и

представителями общественных организаций правоохранительной направленности, уделим внимание вопросам применения указанными субъектами отдельных мер принуждения. Заметим, что в Федеральном законе «Об участии граждан в охране общественного порядка» предусмотрена возможность применения физической силы только для народных дружинников. При этом для представителей общественных объединений правоохранительной направленности названный федеральный закон такой возможности не предусматривает. Достаточно трудно в этом вопросе понять логику законодателя и найти объяснения причинам подобной дифференциации. Народный дружинник вправе применить физическую силу, находясь в состоянии крайней необходимости или необходимой обороны. В принципе, находясь в состоянии крайней необходимости или необходимой обороны, физическую силу в пределах, установленных законодательством Российской Федерации, вправе применить любой гражданин, если создается опасность, угрожающая ему либо другому лицу.

Однако для народных дружинников, в отличие от простого гражданина, установлена определенная процедура применения физической силы. В частности, по общему правилу, перед применением физической силы он обязан сообщить лицу, в отношении которого намеревается применить физическую силу о том, что он является народным дружинником; далее — предупредить о своем намерении применить физическую силу и предоставить время и возможность для прекращения действий, угрожающих жизни и здоровью народного дружинника или иного лица. Учитывая столь ограниченный круг оснований для применения физической силы, данная процедура, как нам представляется, выглядит излишней.

Порядок применения народными дружинниками физической силы во многом схож с порядком применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками полиции. Однако Федеральный закон «О полиции» в конкретизированном виде по субъектному составу не содержит никаких запретов и ограничений по применению физической силы [5]. Вместе с тем народный дружинник, в отличие от сотрудника полиции, не вправе применять физическую силу в отношении женщин с видимыми признаками беременности, лиц с явными признаками инвалидности, несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен, за исключением случаев совершения указанными лицами вооруженного либо группового нападения. Если исходить из того, что под применением физической силы следует понимать любое мускульное воздействие одного лица в отношении другого, например, в целях сопровождения, то данные ограничения выглядят абсолютно не обоснованно.

В рамках данного исследования мы наметили лишь определенные контуры по совершенствованию законодательства, регулирующего порядок участия

граждан в охране общественного порядка. Такие субъекты административного права, как добровольные народные дружины и общественные объединения правоохранительной направленности, относительно недавно попали в поле правового регулирования. По сути, нормы права, определяющие деятельность народных дружинников и общественных объединений правоохранительной направленности, находятся на этапе становления. Полагаем, что реализация высказанных в рамках данной работы рекомендаций будет способствовать повышению эффективности деятельности указанных субъектов по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

1. Об общественных объединениях : Федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21. Ст. 1930. [Вернуться к статье](#)

2. Об участии граждан в охране общественного порядка : Федер. закон от 2 апр. 2014 г. № 44-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2014. № 14. Ст. 1536. [Вернуться к статье](#)

3. Вопросы взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и народных дружин [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 597. Доступ из информ.-правового портала «ГАРАНТ.РУ» [Вернуться к статье](#)

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : кодекс от 20.12.1995 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002, № 1 (ч. 1). Ст. 1. [Вернуться к статье](#)

5. О полиции : Федер. закон от 3 февр. 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900. [Вернуться к статье](#)

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ (АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ)
ПРИНУЖДЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ:
СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ И ОСОБЕННОСТИ**

А. В. Лубенков

*Могилевский институт МВД (Беларусь),
заместитель начальника кафедры административной
деятельности факультета милиции,
кандидат юридических наук, доцент*

Аннотация. *Статья содержит основные результаты исследования, проводимого автором с 2007 по 2022 год, правового института административного принуждения. На основе достижений современной юридической науки, а также с учетом полученных новых знаний из других областей человеческой деятельности автором предпринята попытка научно-теоретического переосмысления понятий «административное принуждение» и «административно-правовое принуждение», показаны отличительные (сущностные) характеристики и первого, и второго. В статье отражены особенности административного принуждения, реализуемого в сфере деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь. С учетом выделенных особенностей предложены меры по совершенствованию правового института административного принуждения в деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь.*

Ключевые слова: *административное принуждение, административно-правовое принуждение, особенности административного принуждения, государственное принуждение, государственная власть.*

Annotation. *The article contains the main results of the research conducted by the author from 2007 to 2022, the legal institute of Administrative coercion. Based on the achievements of modern legal science, as well as taking into account the new knowledge gained from other areas of human activity, the author has attempted a scientific and theoretical rethinking of the concepts of «administrative coercion» and «administrative and legal coercion», showing the distinctive (essential) characteristics of both the first and the second. The article reflects the features of administrative coercion implemented in the sphere of activity of the internal affairs bodies of the Republic of Belarus. Taking into account the highlighted features, measures are proposed to improve the legal institution of administrative coercion in the activities of the internal affairs bodies of the Republic of Belarus.*

Keywords: *administrative coercion, administrative and legal coercion, features of administrative coercion, state coercion, state.*

В юридической литературе распространены два мнения:

1) в общей теории права административное принуждение рассматривается как принуждение, которое реализуется в административном (одностороннем, властном и внесудебном) порядке и, что особенно важно, государственными органами, входящими в систему исполнительной власти [1, л. 108–109; 2, с. 79];

2) представители административно-правовой науки отстаивают позицию о том, что осуществляется не административное, а административно-правовое принуждение [3, с. 444, 445; 4, с. 11; 5, с. 5, 184]. Это они объясняют тем, что конкретные меры принуждения закреплены в административном законодательстве, а правовые нормы, регламентирующие этот вид принуждения, следует изучать в рамках самостоятельного правового института административного права — института административно-правового принуждения [1, л. 109; 3, с. 444; 6, с. 15].

В. В. Серегина отмечает, что в порядке исключения соответствующие формы принуждения вправе применять и граждане, если это предусмотрено законом, однако далее автор делает вывод о том, что какими бы субъектами меры принуждения не применялись, такое принуждение всегда протекает в рамках правоприменительных правоотношений и является формой государственно-властной правоприменительной деятельности [2, с. 79, 80]. Таким образом, В. В. Серегина предлагает рассматривать в качестве государственного принуждения правомерные действия лиц, не имеющих никакого отношения к государственному аппарату.

При решении указанной проблемы нельзя оставить без внимания утверждение А. И. Каплунова о том, что термин «административное принуждение» должен включать в себя только ту часть предусмотренного административно-правовыми нормами принуждения, которую применяют исключительно уполномоченные на это государственные органы и их должностные лица, конечно же при их внешневластной деятельности [1, л. 118]. «Применение же мер принуждения, которые предусмотрены как нормами административного, так и нормами другой отрасли права, другими субъектами (не должностными лицами), уполномоченными на это конкретной правовой нормой (например, ст. 109 “Право граждан на захват лица, совершившего преступление” Уголовно-процессуального кодекса) — гражданами и др. — должно охватываться понятием “правовое принуждение” и отражать особенности этой отрасли права» [1, л. 118]. Например, уголовно-правовое принуждение, гражданско-правовое принуждение, конституционно-правовое принуждение, административно-правовое принуждение и т. п.

Как утверждают ученые-юристы: «Такой подход к юридическому наполнению рассматриваемых правовых явлений в области государственного принуждения позволяет четко очертить границы государственного принуждения и сформировать единый подход к соотношению понятий “административно-правовое” и “административное” принуждение» [1, л. 119].

Резюмируя приведенные суждения, можно заключить, что государственное принуждение в правовом государстве (применение которого урегулировано любой отраслью права) априори является правовым. Иными словами, государственное принуждение — это «узаконенное насилие». Насилие вне рамок закона в правовом государстве недопустимо и наказуемо. Соответственно, приставка «правовое» при обозначении государственного принуждения не является в каждом случае обязательной. «Административное принуждение является правовым принуждением, в противном случае оно принимает обличье административного произвола» [7, с. 13] или, как мы выяснили, насилия.

Таким образом, принимая во внимание изложенное, можно заключить, что принуждение, реализуемое органами внутренних дел (далее — ОВД), следует называть административным принуждением.

Административному принуждению, реализуемому ОВД, присущи следующие индивидуальные особенности, обусловленные сферой и задачами их деятельности, которые отличают его от принуждения, реализуемого иными органами исполнительной власти.

1. Административное принуждение, реализуемое ОВД, представляет собой совокупность принудительных способов действий по охране общественного порядка, обеспечению безопасности и борьбе с преступностью. Это дает возможность утверждать, что оно является видом деятельности ОВД в рассматриваемой сфере.

2. Назначение административного принуждения, реализуемого ОВД, состоит в реализации двух функций. Первая — правоохранительная функция государства, продолжением и юридической формой реализации которой является охранительная функция права. Общее назначение данных функций сводится к обеспечению неуклонного выполнения всеми субъектами права требований социальных норм в рассматриваемой сфере, что достигается путем урегулированной административно-правовыми нормами деятельности ОВД.

3. Реализация сотрудниками ОВД административного принуждения связывается главным образом с совершением лицом административного правонарушения [8, с. 20], а точнее, с совершением правонарушения (нарушением правовых норм любой отрасли права), но не только с этим.

4. Цель административного принуждения — планируемый результат. Она заключается в достижении безусловного воплощения субъектами

публичных общественных отношений требований правовых норм. Возникает вопрос: почему только требований правовых норм? Как отмечалось выше по тексту, общественный порядок (публичные ситуационные общественные отношения) урегулирован не только правом, но и моралью, обычаями и традициями. Все дело в том, что принудительные полномочия сотрудники ОВД могут реализовывать для воздействия только на ту часть общественных отношений, образующих общественный порядок, которая урегулирована правовыми нормами. Например, нормы морали и нравственности говорят о необходимости мужчине открыть дверь перед женщиной, подать ей руку при выходе из общественного транспорта и т. п. В случае же если мужчина этого не сделает, сотрудник ОВД не имеет права применять в отношении него принудительные меры для выполнения требований подобных норм. Иными словами, административное принуждение для охраны общественного порядка ОВД реализуют только в той его части, которая урегулирована юридическими (правовыми) нормами. Общественные отношения, урегулированные моралью, обычаями, традициями и иными социальными регуляторами, могут быть подвергнуты принудительному воздействию со стороны ОВД только в том случае, если такие отношения закреплены правовыми нормами (например, ст. 19.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях «Занятие проституцией» [9]).

Указанная выше цель достигается путем решения следующей системы задач: выявить реальные угрозы для общественных отношений, образующих в своей совокупности общественный порядок, и противостоять им путем принудительного воздействия на личность (не допустить начала совершения правонарушения); прекратить непосредственно происходящие противоправные действия; оказать помощь нуждающимся; обеспечить административный процесс для привлечения к ответственности виновных. Зачастую решение одной из задач позволяет достичь намеченной цели.

Деятельность сотрудников ОВД по решению указанных задач представляет собой следующие функции (направления деятельности) ОВД: предупреждение; пресечение; оказание необходимой помощи; привлечение к ответственности.

5. Административное принуждение в деятельности ОВД как органов, обеспечивающих национальную безопасность, служит одним из средств ее обеспечения.

6. С точки зрения характера и содержания принуждения, реализуемого сотрудниками ОВД, отличительной его особенностью является наличие таких мер, как применение физической силы, в том числе боевых приемов борьбы, специальных средств, применение и использование огнестрельного оружия, применение боевой и специальной техники.

7. ОВД, по сравнению с другими государственными органами, имеющими возможность применять административное принуждение в рассматриваемой сфере, обладают самым большим (но не всем) объемом полномочий по применению административного принуждения (от предупреждения до наказания). Речь идет о наличии определенных юрисдикционных полномочий у ОВД, т. е. возможности самостоятельно, без обращения в суд разрешать некоторые дела об административных правонарушениях и налагать административные взыскания.

Как представляется, в современных условиях реформирования ОВД Республики Беларусь это направление их деятельности следует развивать. В свою очередь, это позволит говорить о своего рода некоей специализации в области охраны общественного порядка (от надзора за его состоянием до привлечения виновных к ответственности). В том числе это позволит вести речь о полной моральной и юридической ответственности ОВД за состояние дел в рассматриваемой сфере. При этом, естественно, встанет проблема повышения качества подготовки специалистов по данному направлению, возникнет необходимость разработки изменений и дополнений административного законодательства и т. п.

Таким образом, в целях повышения эффективности и качества реализации института административного принуждения ОВД в сфере охраны общественного порядка (иными словами, максимально использовать имеющейся в нем правоохранительный потенциал) целесообразно:

а) рассмотреть вопрос о наделении отдельных сотрудников ОВД (помимо начальников ОВД и их заместителей) полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок. Это могут быть старшие участковые инспекторы милиции, начальники административных участков и т. п.;

б) разработать (в виде приказа, наставления, инструкции и т. п.) комплекс функционально-адресных рекомендаций организационного, управленческого, тактического, психологического и морально-этического характера по применению современной системы мер административного принуждения (от мер предупреждения до мер ответственности) и внедрить его в практику. При разработке подобных рекомендаций следует учитывать: индивидуализированное назначение отдельных мер; выявленные и систематизированные факторы, детерминирующие эффективность реализации мер административного принуждения; рекомендации по реализации конкретных мер, содержащиеся в наших публикациях.

8. Принимая во внимание, что полномочия ОВД по охране общественного порядка носят характер обязанностей и закреплены административно-

правовыми нормами, то реализуются они как путем применения, так и путем исполнения данных норм.

9. Административное принуждение в сфере общественного порядка ОВД осуществляют путем реализации конкретных административно-правовых норм, содержащих принудительные меры. Вследствие игнорирования данного замечания в литературе используется большое количество терминов для обозначения принудительных административно-правовых норм: «административно-принудительные средства», «административно-принудительные меры», «меры принудительного воздействия», «средства принудительного характера», «меры непосредственного принуждения» и др. [1, л. 119]. Причем эти понятия часто употреблялись как синонимы, что не вносит ясности в решение вопроса о соотношении понятий «административное принуждение» и «меры административного принуждения».

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Принуждение, реализуемое ОВД, следует называть административным принуждением. Административному принуждению, реализуемому ОВД, присущи индивидуальные особенности, обусловленные сферой и задачами их деятельности, которые отличают его от принуждения, реализуемого иными органами исполнительной власти.

1. Каплунов А. И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14. М., 2005. 498 л. [Вернуться к статье](#)

2. Серегина В. В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. 200 с. [Вернуться к статье](#)

3. Бахрах Д. Н. Административное право России : учебник для вузов. М. : НОРМА–ИНФРА-М, 2000. 640 с. [Вернуться к статье](#)

4. Макарейко Н. В., Никифоров М. В., Скляров И. А. Административное принуждение в России : учеб. пособие / под ред. И. А. Склярова. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2002. 228 с. [Вернуться к статье](#)

5. Крамник А. Н. Административно-правовое принуждение. Минск : Тесей, 2005. 208 с. [Вернуться к статье](#)

6. Коркин А. В. Конституционные основы института административно-правового принуждения в деятельности сотрудников милиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Юж.-Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2002. 27 с. [Вернуться к статье](#)

7. Гришин Д. А., Поникаров В. А., Поникаров С. В. Публично-правовой статус юридических лиц учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : учеб. пособие. Рязань : Акад. Федер. службы исполн. наказаний России, 2014. 34 с. [Вернуться к статье](#)

8. Бахрах Д. Н. Административное принуждение в СССР, его виды и основные тенденции развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 ; ВНИИСЗ. М., 1972. 40 с. [Вернуться к статье](#)

9. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : с изм. и доп. от 04.01.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

А. В. Лубенков

Могилевский институт МВД (Беларусь),
заместитель начальника кафедры административной
деятельности факультета милиции,
кандидат юридических наук, доцент

А. В. Пушин

заместитель начальника Ленинского РУВД г. Могилева —
начальник милиции общественной безопасности

Аннотация. В статье предпринята попытка научно-теоретического обобщения достигнутых результатов теоретико-правового осмысления проблемы понимания сущности государственного принудительного воздействия. Авторы, опираясь на имеющиеся результаты в области лингвистики и юриспруденции, осуществили семантико-юридическое изучение слов-понятий, образующих проблемное поле правового института государственного принуждения. В результате чего получены новые выводы и умозаключения, обогащающие юридическую область знаний по проблеме государственного принуждения. Указанные, а также ряд иных обстоятельств, отраженных в статье, свидетельствуют об актуальности исследований проблем сущности государственного принуждения, их теоретической и практической значимости.

Ключевые слова: государственное принуждение, государственное управление, государственная власть, административное принуждение, сущность принуждения, сущность власти.

Annotation. The article attempts a scientific and theoretical generalization of the achieved results of theoretical and legal understanding of the problem of understanding the essence of state coercive influence. The author, relying on the available results in the field of linguistics and jurisprudence, carried out a semantic and legal study of the words-concepts forming the problematic field of the legal institute of state coercion. As a result, new conclusions and conclusions have been obtained, enriching the legal field of knowledge on the problem of state coercion. These, as well as a number of other circumstances reflected in the article, indicate the relevance of research on the essence of state coercion, their theoretical and practical significance.

Keywords: state coercion; state administration; state power; administrative coercion; the essence of coercion, the essence of power.

В юридической литературе при обозначении принудительного воздействия на субъекта права употребляются такие термины, как «принуждение», «государственное принуждение», «правовое принуждение». По мнению А. С. Пучнина, «общепризнанного понятия принуждения не существует, данную категорию каждый правовед использует как бы по наитию, считая ее уже определенной до него, или употребляет обыденное представление» [1, л. 3].

В. В. Серегина объясняет это тем, что многие авторы, обращаясь к проблемам принуждения, с различных позиций рассматривают данное явление. К тому же отсутствует какое-либо единство в понимании объема, содержания принуждения, его признаков, оснований применения, целей и т. д. [2, с. 5]. В настоящее время наука располагает данными, путем анализа и обобщения которых можно определить его особенности и формы проявления, раскрыть сущность, иными словами, понять рассматриваемое социально-правовое явление.

Принуждение как социально-правовое явление может быть исследовано с разных позиций: философской, психологической (волевой), социальной (управленческой), юридической (правовой). Только совокупность перечисленных подходов может дать возможность глубже понять сущность принуждения, его социальную роль и назначение в современном правовом государстве [3, л. 20]. Об этом говорит и А. И. Сухаркова [4, с. 7].

Принуждение с позиции философии в узком смысле рассматривается как насилие [1, с. 79]. Таким образом, философский аспект принуждения состоит в воздействии на индивида, направленном на то, чтобы заставить его выполнить что-либо или же воздержаться от совершения каких-либо действий [3, л. 21].

В психологии принуждение — это внешнее воздействие на сознание (волю) и поведение конкретного лица вопреки его воле и желанию. Ключевым здесь выступает наличие противоречия устремлений двух субъектов, один из которых обязывает другого выполнить свои требования [3, л. 21].

В силу того, что принудительное воздействие предполагает достижение определенной цели, с точки зрения социологии оно выступает как метод социального управления [3, л. 20; 4, с. 8; 5, с. 3; 6, с. 13; 7, с. 340; 8, с. 25, 26; 9, с. 5; 10, л. 50, 63]. На это обстоятельство обращают внимание многие исследователи, говоря о том, что, «обеспечивая совершение субъектами определенных действий вопреки их воле и в интересах принуждающего, принуждение представляет собой метод воздействия» [11, с. 49].

Как представляется, управлять путем принуждения — значит определенными способами и средствами приводить поведение принуждающего субъекта в соответствие с установленными социальными нормами. Однако А. И. Каплунов и А. И. Сухаркова утверждают, что «при принуждении воля и желание

принуждаемого приводится в соответствие с волей и желанием принуждающего» [3, л. 21; 4, с. 8]. Данное умозаключение, по нашему мнению, не выдерживает критики уже лишь потому, что, как показывает жизнь, воля и желание принуждающего субъекта могут не всегда соответствовать требованиям закона. В таком случае это уже не принуждение, а беззаконие и произвол, которые должны быть пресечены.

При рассмотрении правового аспекта принуждения необходимо обратить внимание на мнение А. С. Пучнина, который утверждает, что «принуждение — это некое заставление, стесняющее свободу поведения субъекта. Оно делает законным применение насилия. В случае правового и законного применения принудительного воздействия формальное равенство субъектов поддерживается» [1, л. 80; 3, л. 20]. Так, данным автором определяется родовое понятие — «заставление», которое является волевым понуждением человека. А. С. Пучнин считает, что по объективному составу самозаставление принципиально не отличается от заставления. Наблюдается только внешний признак различия — присутствие или отсутствие субъекта, применяющего силу заставления. Заставление по форме воздействия делится на психическое и физическое, но и то и другое всегда оказывается моральным, воздействуя на психику объекта «заставления». Принуждение можно рассматривать в качестве результата «заставления», следующего за понуждением [3, л. 20; 12, с. 13].

Следует отметить, что слово «заставление» (производное от слова «заставлять»), как и слово «принуждение» (производное от слова «принуждать»), в словарях русского языка отсутствует [3, л. 26–28]. В русском языке слово «заставлять» (несовершенного вида) от слова «заставить» (совершенного вида) означает «поставить в необходимость делать что-нибудь, принудить» [13, с. 180]. В Словаре современного русского литературного языка слово «заставлять» определяется как «принуждать делать что-либо, поступать каким-либо образом» [3, л. 26–28; 4, с. 8; 14, с. 624], в словаре В. И. Даля — как «приневоливать» [15, с. 639]. Таким образом, в различного рода справочной литературе принуждение отождествляется в основном с действием, где за основу берется глагол принудить или принуждать. Глагол принудить определяется, в свою очередь, как «заставить что-нибудь сделать», «силовать, заставлять» и т. д. По мнению лингвистов, синонимом глагола «принуждать» является глагол «заставлять» [3, л. 26–28; 4, с. 8].

Из вышеизложенного следует, что основным признаком, отражающим суть принуждения в государстве, является воздействие на волю лица. Методологическое значение данного вывода в некоторой степени возможно подтвердить суждением В. П. Шиенка о том, что воля (сила воли) как таковая не является каким-то абстрактным, умозрительным понятием, а служит

для обозначения реальной психической энергии, которой пронизана вся жизнедеятельность человека [16, с. 70]. Это позволяет также сделать вывод о том, что принуждение выступает в качестве средства воздействия на волю и поведение лица.

Анализ литературы показывает, что в науке нет единства мнений ученых о специфике и характере воздействия на волю индивида при принуждении. Например, Б. Т. Базылев, С. В. Бабаев, Д. Н. Бахрах утверждают, что принудительное воздействие на волю выражается в ее подчинении. Однако словом «подчинение» характеризуется зависимое состояние воли, и носит оно, как правило, временный характер. Наличие исходной воли у лица дает ему право выбора либо подчиниться — попасть в зависимость либо нет. Таким образом, исходная воля принуждаемого лица изменяется, т. е. приводится в соответствие с волей принуждающего лица, при наличии возможности принуждаемого отказаться от такого воздействия, что не делает такое воздействие предпочтительным в государственно-управленческой деятельности [17, с. 30; 18, с. 8; 19, с. 10].

По утверждению В. Д. Ардашкина, нельзя отождествлять понятия «подчинение» и «принуждение». Подчинение — это результат, заключающийся в таком состоянии субъекта, которое соответствует предпочтениям публичной власти. Принуждение же — один из способов (методов), формирующих состояние подчиненности. Принудительными автор считает только такие правовые установления, которые реализуются с помощью способов, формирующих (обеспечивающих) состояние подчиненности [3, л. 34; 20, с. 35–36]. Таким образом, подчинение следует рассматривать лишь в качестве признака принуждения.

Более удачной представляется характеристика принудительного воздействия на волю принуждаемого, которая дается другой группой авторов, к которой относятся А. С. Пучнин и А. И. Каплунов. Согласно их утверждению, сущность принуждения заключается в снятии самостоятельности индивидуальной воли [21, с. 10], т. е. воздействие одного лица (принуждающего) на другое лицо (принуждаемое) осуществляется с целью заставить его действовать (или бездействовать) вопреки собственной воле.

Однако данный вывод также нуждается в уточнении в связи с тем, что понятие «снятие самостоятельности воли» не позволяет четко уяснить правовые формы и содержание воздействия на волю субъекта для этого. Неясно в этом случае и то, кто при принуждении должен снять самостоятельность воли. Если это сделает принуждаемый субъект, то налицо воздействие путем убеждения, а не принуждения. В связи с этим, на наш взгляд, для ответа

на данные вопросы снятие самостоятельности воли следует рассмотреть через призму способов действий принуждаемого лица (способов снятия).

В Словаре русского языка С. И. Ожегова существительное «снятие» определяется по глаголу «снять» — «убрать, отделить что-нибудь где-нибудь» [13, с. 737], а глагол «убрать», в свою очередь, — как «очистить, освободить от чего-нибудь какую-нибудь территорию, что-нибудь» [13, с. 819].

Из изложенного следует, что если самостоятельность какой-либо исходной индивидуальной воли снята, то исходная воля наличествует и она свободна для несамостоятельного восприятия новых различных социальных норм поведения и руководства ими при своем новом поведении. В случае же отсутствия по различным причинам дальнейшего внешнего принудительного воздействия принуждающего субъекта всегда остается вероятность нежелательного (для принуждающего и, что очень важно, действующего на основании закона) поведения. Такой вероятности при принуждении быть не должно.

Таким образом, снятие самостоятельности воли не есть ее замена новой, содержащейся в законе воли, что должно произойти при принуждении. Представляется, что для этого необходимо вначале полностью избавиться от исходной воли. Понятие «снятие самостоятельности воли» характеризует только определенную стадию процесса принуждения, а не результат — принуждение.

В теории при определении сущности принуждения как социально-правового явления корректнее было бы вести речь об императивном, не оставляющем выбора воздействии на волю, например о ликвидации либо нейтрализации исходной воли и именно принуждающим субъектом с целью формирования им новой, закрепленной в законе воли, но, как утверждает К. В. Хомич, только не воли принуждающего [22, с. 4]. Воля принуждающего, на что обращалось внимание выше, может быть и незаконна. Иными словами, если один субъект, воздействуя определенным образом на волю другого субъекта, лишает его ее и далее, продолжая свое воздействие, формирует новую волю (не заведомо выгодную для себя, а закрепленную в законе), делая это с определенной в законе целью, то налицо воздействие путем принуждения.

По нашему мнению, принуждение и убеждение схожи тем, что они оба воздействуют на волю субъекта, а различаются тем, что при воздействии путем убеждения исходная воля лица изменяется и при этом всегда остается возможность выбора поведения. При принуждении же вначале ликвидируется исходная воля (субъект лишается воли), а затем формируется «новая» воля. Принуждение действует императивно, не оставляя выбора вариантов поведения.

Таким образом, сущность государственного принуждения раскрывается во внешнем воздействии принуждающего на волю принуждаемого лица

с целью неукоснительного приведения поведения принуждаемого лица к установленному правовой нормой правилу вне зависимости от его воли и желания.

1. Пучнин А. С. Принуждение и право : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2000. 234 с. [Вернуться к статье](#)
2. Серегина В. В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. 200 с. [Вернуться к статье](#)
3. Каплунов А. И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14. М., 2005. 498 л. [Вернуться к статье](#)
4. Сухаркова А. И. Административно-правовое принуждение как средство борьбы с совершением административных правонарушений. Административная ответственность : лекции / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2011. 147 с. [Вернуться к статье](#)
5. Бахрах Д. Н. Принуждение и ответственность по административному праву : учеб. пособие. Екатеринбург : Урал. ин-т экономики, упр. и права, 1999. 142 с. [Вернуться к статье](#)
6. Административное принуждение и административная ответственность : сб. норматив. актов / сост. Ю. Н. Стариков. М. : БЕК, 1998. 848 с. [Вернуться к статье](#)
7. Тарас А. Е. Боевая машина: Руководство по самозащите. Минск : Харвест, 1997. 592 с. [Вернуться к статье](#)
8. Карташов Н. Н. Краткая энциклопедия основных понятий и категорий административно-правовых дисциплин. Орел, 1997. 78 с. [Вернуться к статье](#)
9. Кисин В. Р. Меры административно-процессуального принуждения, применяемые милицией : учеб. пособие. М. : МВШМ МВД СССР, 1987. 60 с. [Вернуться к статье](#)
10. Ардашкин В. Д. Меры защиты (пресечения) в советском административном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 711. Свердловск, 1968. 160 л. [Вернуться к статье](#)
11. Кожевников С. Н. Государственное принуждение: особенности и содержание // Советское государство и право. 1978. № 5. С. 47–53. [Вернуться к статье](#)
12. Пучнин А. С. Принуждение и право : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2000. 21 с. [Вернуться к статье](#)
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. 944 с. [Вернуться к статье](#)
14. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Рус. яз., 1994. Т. V–VI. 912 с. [Вернуться к статье](#)
15. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 1. 556 с. [Вернуться к статье](#)
16. Шиенок В. П. Административная ответственность юридических лиц // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2007. № 2. С. 68–73. [Вернуться к статье](#)
17. Базылев Б. Т. Социальное назначение принуждения в советском обществе // Правоведение. 1968. № 5. С. 29–36. [Вернуться к статье](#)
18. Бабаев С. В. Принуждение и убеждение в деятельности современного Российского государства. Н. Новгород, 2001. 27 с. [Вернуться к статье](#)

19. Бахрах Д. Н. Административная ответственность граждан в СССР : учеб. пособие ; рец. А. П. Коренев ; под ред. Л. А. Гупало. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1989. 294 с. [Вернуться к статье](#)
20. Ардашкин В. Д. О принуждении по советскому праву // Советское государство и право. 1970. № 7. С. 35–37. [Вернуться к статье](#)
21. Каплунов А. И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. 2004. № 12. С. 10–17. [Вернуться к статье](#)
22. Хомич К. В. Административно-правовое принуждение в сфере налоговых отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Бел. гос. ун-т. Минск, 2002. 22 с. [Вернуться к статье](#)

К ВОПРОСУ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ И СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Н. А. Мешкова

*Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова (Беларусь),
магистрант*

Г. С. Соркин

*Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова (Беларусь),
кандидат юридических наук, доцент*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу состава злоупотребления властью и служебными полномочиями. Авторы рассматривают национальные и международные акты, на основании чего делается вывод о целесообразности введения административной ответственности за аналогичное деяние, но не повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам.

Ключевые слова: злоупотребление властью и служебными полномочиями, коррупция, административное правонарушение.

Annotation. This article is devoted to the analysis of the composition of the abuse of power and authority. The authors consider national and international acts, on the basis of which it is concluded that it is expedient to introduce administrative responsibility for a similar act, but not causing damage on a large scale or significant harm to the rights and legitimate interests of citizens, or state or public interests.

Keywords: abuse of power and authority, corruption, administrative offense.

Одним из наиболее неоднозначных и характеризующих практически все коррупционные преступления является такой состав, как злоупотребление властью и служебными полномочиями. Согласно ст. 424 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь), злоупотребление властью или служебными полномочиями — это умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действие с использованием своих служебных полномочий, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам [1].

Анализ данной нормы позволяет сделать вывод, что в УК Республики Беларусь имеется два мотива совершения данного преступления: корыстная

заинтересованность; иная личная заинтересованность. Рассматривая мотивы такого противоправного деяния, как злоупотребление властью или служебными полномочиями, стоит обратить внимание не только на национальное законодательство, но и на международные правовые акты, а также провести сопоставление таких актов. Так, в ст. 301 «Злоупотребление служебными полномочиями» Постановления Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. № 7-5 «О модельном уголовном кодексе государств — участников Содружества Независимых Государств» (далее — Постановление Межпарламентской Ассамблеи № 7-5) говорится про три мотива совершения рассматриваемого преступления [2], два из которых были названы выше и, следовательно, совпадают с УК Республики Беларусь, а третьим является «групповая заинтересованность».

В связи с тем, что злоупотребление властью и служебными полномочиями представляет собой коррупционное правонарушение, то стоит отметить также и Конвенцию Организации Объединенных Наций против коррупции, в которой предлагаются не мотивы совершения данного преступления, а цели в виде получения какого-либо неправомерного преимущества для себя самого, для иного физического или юридического лица [3]. В Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее — Закон № 305-З) также говорится про цели совершения коррупционного правонарушения, которые выражаются в получении имущества для себя, либо имущества для третьих лиц, либо иной выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или другой такой же выгоды для третьих лиц [4]. Можно сделать вывод, что законодатель в УК Республики Беларусь указал мотивы совершения коррупционного правонарушения, а в Законе № 305-З — цели, однако это нельзя назвать коллизией, т. к. и цели, и мотивы являются элементами субъективной стороны правонарушения. Мотивы, указанные в ст. 424 УК Республики Беларусь, являются обязательными признаками данного преступления, поэтому полагаем, что стоит согласиться с мнением В. В. Лосева по поводу того, что в их изменении нет необходимости [5]. Однако считаем, что необходимо в ст. 424 УК Республики Беларусь добавить третий мотив, указанный в Постановлении Межпарламентской Ассамблеи № 7-5, — групповая заинтересованность, т. к. своими действиями должностное лицо может оказывать «услугу» не только себе, третьим лицам, но и какой-либо группе лиц.

Такой состав преступления, как злоупотребление властью или служебными полномочиями, является базовым по отношению ко всем коррупционным правонарушениям, поэтому полагаем, что приведенное выше сопоставление УК Республики Беларусь и Закона № 305-З является логичным. На наш взгляд,

будет целесообразно рассмотреть пример из судебной практики в отношении указанного состава преступления.

Суд Барановичского района и г. Барановичи признал виновным лесника Ж. в злоупотреблении властью или служебными полномочиями из корыстной заинтересованности и осудил его по ч. 2 ст. 424 УК Республики Беларусь.

Суд указал в приговоре, что Ж., являясь представителем власти и обладая правом в пределах своей компетенции отдавать распоряжения и принимать решения относительно лиц, не подчиненных ему по службе, допустил совершение незаконных порубок, причинив существенный вред государственным интересам. Согласно его должностным обязанностям ему предоставлено право составлять протоколы о выявленных нарушениях лесного законодательства, давать предписания по устранению нарушений данного законодательства и правил пожарной безопасности, задерживать в установленном порядке лиц, виновных в лесонарушениях и нарушениях правил охоты, с наложением ареста на незаконно добытую продукцию, т. е. выполнять функции представителя власти [6].

В отношении данного примера стоит отметить, что представитель власти — это особая категория лиц, относящаяся к субъектам преступления именно потому, что законодательство не различает представителей власти и иных должностных лиц.

Злоупотребление властью или служебными полномочиями в обыденном понимании представляет собой осуществление каких-либо противоправных действий (бездействий) с использованием служебных полномочий для получения личной, чаще всего материальной выгоды. Однако указанная цель не является единственной. Злоупотребление властью или служебными полномочиями — это совершение действий, направленных на удовлетворение различных потребностей, не связанных с интересами службы. Например, использование служебной машины и, соответственно, труда водителя не только для того, чтобы быть доставленным на работу и домой, но и для каких-либо своих личных целей; использование рабочего времени своих подчиненных, например, для того чтобы решить какие-либо свои личные проблемы, дела, вопросы. Указанным правонарушением, на наш взгляд, достаточно часто не уделяется должное внимание, в результате чего лицо не подвергается какой-либо юридической ответственности. На наш взгляд, например, за ненадлежащее использование материальных благ, предоставленных должностному лицу непосредственно для выполнения его обязанностей, должна наступать административная ответственность, а при совершении правонарушения, характеризующегося перекладыванием своих обязанностей или же решением личных вопросов с помощью сотрудников, должна наступать дисциплинарная ответственность в соответствии

со ст. 57 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» [7].

Таким образом, целесообразно, на наш взгляд, добавить статью «Злоупотребление властью и служебными полномочиями» в главу 24 «Административные правонарушения против порядка управления» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, которая бы предусматривала возмещение убытков и наложение штрафа и имела следующий контекст: умышленное, вопреки интересам службы совершение должностным лицом из корыстной, иной личной или групповой заинтересованности действий с использованием своих служебных полномочий, не повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам, — наказывается наложением штрафа, а также возмещением убытков. Если же административное взыскание не возымеет должного эффекта и лицо повторно в течение года совершит такое же правонарушение, то будет наступать уголовная ответственность, предусмотренная ст. 424 УК Республики Беларусь, следовательно, считаем, что должна быть предусмотрена административная преюдиция.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. О модельном уголовном кодексе государств — участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] : Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 17 февр. 1996 г., № 7-5 : в ред. Постановления Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 27 нояб. 2015 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс] : [принята в Мериде 31 окт. 2003 г.]. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г. № 305-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Лосев В. В. Мотивы и цели злоупотребления служебными полномочиями: сравнительно-правовая характеристика // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 окт. 2016 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: С. А. Балашенко (отв. ред.) [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2016. С. 86–89. [Вернуться к статье](#)

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Доступ с правовой платформы «БизнесИнфо». [Вернуться к статье](#)

7. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г. № 204-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.06.2019 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.81

ПРОЦЕСС МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ РЕАДАПТАЦИИ ГРАЖДАН В ЛЕЧЕБНО-ТРУДОВЫХ ПРОФИЛАКТОРИЯХ

Д. А. Павленко

*Департамент исполнения наказаний МВД Республики Беларусь,
начальник отдела воспитательной работы со спецконтингентом
в исправительных учреждениях, следственных изоляторах и лечебно-трудовых
профилакториях управления организации исправительного процесса*

Аннотация. В статье рассматривается система лечебно-трудовых профилакториев как значимый институт принудительной правоохранительной деятельности, направленный на предупреждение насильственной преступности. Характеризуются цели, задачи и содержание процесса медико-социальной реадaptации граждан, направленных в лечебно-трудовой профилакторий, а также приводится авторское видение перспективных направлений повышения его эффективности.

Ключевые слова: лечебно-трудовой профилакторий, медико-социальная реадaptация, принудительная изоляция, алкогольная зависимость, воспитательное воздействие, предупреждение преступности.

Annotation. The article considers the system of medical and labor dispensaries as a significant institution of forced law enforcement aimed at preventing violent crime. The goals, objectives and content of the process of medical and social readaptation of citizens sent to a medical and labor dispensary are characterized, and the author's vision of promising directions for increasing its effectiveness is given.

Keywords: medical and labor dispensary, medical and social readaptation, forced isolation, alcohol dependence, educational impact, crime prevention.

В Республике Беларусь лечебно-трудовые профилактории (далее — ЛТП) рассматриваются как значимый компонент системы предупреждения преступности. Ведь «известно, что направление в ЛТП способствует профилактике не только алкоголизма, но и нарушений общественного порядка, а также семейного насилия и других преступлений» [1]. Поэтому закономерно, что совершенствованию деятельности ЛТП уделяется пристальное внимание как на ведомственном, так и государственном уровне. Примером здесь служит круглый стол по вопросам повышения эффективности медико-социальной реадaptации в ЛТП, состоявшийся в 2017 году на базе ЛТП № 3 (г. Слуцк) с участием Министра внутренних дел Республики Беларусь, представителей Национального собрания Республики Беларусь, Генеральной прокуратуры Республики

Беларусь, Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь (далее — ДИН), иных ведомств и институтов гражданского общества. Результатом данного мероприятия стало создание межведомственной рабочей группы из «представителей МВД Республики Беларусь, ДИН, министерств здравоохранения, труда и социальной защиты, Белорусского Общества Красного Креста, Общества Анонимных Алкоголиков, ученых НАН Беларуси» для определения подходов к совершенствованию медико-социальной реадaptации граждан в ЛТП [2].

В 2021 году вступили в силу изменения в Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 года № 104-З «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них» в редакции от 10 декабря 2020 года № 70-З (далее — Закон об ЛТП). Соответственно, переработаны Правила внутреннего распорядка ЛТП (далее — ПВР), утвержденные постановлением МВД Республики Беларусь от 25 марта 2021 года № 86 (вступили в силу 11 августа 2021 года). При этом преобразования в правовом регулировании деятельности ЛТП во многом были направлены на повышение качества процесса медико-социальной реадaptации направленных в ЛТП граждан (в том числе на основе положительного опыта организации данного процесса, накопленного за последние годы практики функционирования ЛТП). В этой связи автор полагает важным охарактеризовать цели, задачи и содержание процесса медико-социальной реадaptации граждан, направленных в ЛТП, для формирования в обществе правильного понимания и конструктивного восприятия института ЛТП как значимого института принудительной правоохранительной деятельности, направленного на предупреждение насильственной преступности.

Итак, в первую очередь следует отметить, что основанием для направления в ЛТП, в соответствии со статьей 4 Закона о ЛТП, служит не только наличие у гражданина зависимости от алкоголя.* Судебное решение о направлении в ЛТП выносится в отношении граждан, которые систематически совершают административные правонарушения в состоянии алкогольного опьянения и не меняют своего поведения, несмотря на вынесенное в установленном порядке официальное предупреждение о возможности направления в ЛТП. При этом совершаемые данными гражданами административные правонарушения в основном связаны с посягательством на общественный порядок и нравственность, домашним насилием, то есть фактически граничат с преступным поведением. Ведь, как показывает ряд криминологических исследований и практический опыт, алкоголизм является наиболее распространенной причиной совершения

* В основном в ЛТП направляются граждане с алкогольной зависимостью, в связи с чем в статье сделан акцент на данной категории граждан и указанном виде зависимости.

насильственных преступлений, к которым относятся убийство, умышленное причинение тяжких телесных повреждений, изнасилование, хулиганство и др. При этом сами такие граждане характеризуются значительной дезадаптацией в обществе и личностными деформациями, а именно ослаблением когнитивных функций, «потерей интереса к происходящему, притуплением чувств» [3]. Таким образом, направляемые в ЛТП граждане прежде всего являются правонарушителями и имеющаяся у них алкогольная зависимость создает угрозу как для общества, так и для них самих. Вместе с тем с учетом отрицательного влияния ближнего круга общения (которое, как правило, также алкоголизировано) самостоятельное преодоление данной категорией граждан алкогольной зависимости без изменения социального окружения объективно не представляется возможным. В этой связи их направление в ЛТП является вынужденной принудительной мерой профилактического характера, призванной не допустить дальнейшую деградацию личности гражданина, а также «удержать» его от преступления, «на пороге» совершения которого он находится.

Учитывая приведенную выше характеристику направляемых в ЛТП граждан, отражающую явную социальную опасность их личности, весьма закономерно, что направление в ЛТП предусматривает принудительную изоляцию гражданина (статья 1 Закона об ЛТП). Как мера ограничительного характера, осуществляемая в отношении граждан, находящихся в ЛТП, в соответствии с Законом об ЛТП, ПВР и другими актами законодательства, принудительная изоляция фактически предполагает:

во-первых, помещение гражданина в ЛТП, территорию которого он не может покидать без разрешения администрации ЛТП (то есть гражданин на определенный срок частично изолируется от общества);

во-вторых, установление в отношении гражданина ряда обязанностей, которые отвечают правилам социально приемлемого поведения в обществе и ставят жизнедеятельность гражданина в определенные рамки, связанные в основном с необходимостью соблюдения норм законодательства и общепринятой нравственности, обязательным соблюдением распорядка дня ЛТП, участием в воспитательных мероприятиях, выполнением оплачиваемой трудовой деятельности, а также недопустимостью употребления алкоголя.

Таким образом, принудительная изоляция направлена на обеспечение вынужденной ремиссии граждан и ограждение их от факторов, которые могут привести к ее нарушению, помещение граждан в «трезвый социум» и установление для них определенных «поведенческих границ» (исходя из общепринятых стандартов социально приемлемого (нравственного) поведения, а также в интересах преодоления алкогольной зависимости). В этой связи принудительную изоляцию автор рассматривает как «отправную точку» процесса

медико-социальной реадaptации граждан, направленных в ЛТП. Здесь показательно, что аналогичные элементы принудительной изоляции присутствуют во многих программах реабилитации лиц, зависимых от психоактивных веществ, в том числе реализуемых на базе негосударственных реабилитационных центров (изоляция от прежнего социального окружения, обязательный для выполнения распорядок дня реабилитационного центра, запрет покидать реабилитационный центр и т. п.).

Принудительная изоляция определяет внешнюю форму ЛТП как институт принудительной правоохранительной деятельности. В свою очередь, содержанием данный институт наполняет организуемый в ЛТП процесс медико-социальной реадaptации граждан, непосредственно направленный на преодоление гражданами алкогольной зависимости и формирование у них «готовности к адаптации в обществе» (статья 1 Закона об ЛТП). Для понимания сущности данного процесса следует предметно рассмотреть его предполагаемый результат, а именно «готовность к адаптации в обществе», которая определяется автором как комплекс личностных качеств гражданина, обуславливающих его предрасположенность и объективную возможность вести себя правомерно в трех основных сферах жизнедеятельности:

– в сфере материального обеспечения жизни (гражданин должен обладать профессиональными компетенциями, позволяющими ему обеспечивать свои материальные потребности правомерным путем, иметь мотивацию к труду и опыт систематической трудовой деятельности, соизмерять свои материальные потребности с реальными возможностями их обеспечения, планировать расходы на свое жизнеобеспечение);

– в сфере взаимодействия с другими людьми (гражданин должен обладать навыками и опытом построения конструктивного общения и иного взаимодействия с основными субъектами социальных отношений);

– в сфере потребления и досуга (гражданин должен быть избавлен от алкогольной зависимости, вредных для здоровья и осуждаемых обществом привычек, а также обладать навыками и опытом организации своего досуга социально приемлемым образом).

Данное определение сформулировано автором на основе разработанной А. Н. Пастушенной социально-психологической модели готовности к ведению правопослушного образа жизни [4]. По мнению автора, предложенная А. Н. Пастушенной модель четко определяет приоритетные направления воздействия на личность правонарушителя, относящегося к любой категории, для изменения его поведения в сторону правопослушности. При этом в зависимости от категории правонарушителя акцент может смещаться на одну из вышеуказанных сфер. Так, применительно к медико-социальной реадaptации граждан,

находящихся в ЛТП, особую актуальность приобретает проработка сферы потребления и досуга для формирования у гражданина понимания личностной ценности трезвого состояния и умения находиться в «состоянии комфортной трезвости» (то есть отказ от алкоголя как минимум не должен сопровождаться постоянным стрессом и негативным изменением эмоционального фона). При этом у таких граждан правомерность поведения тесно связана с ведением трезвого образа жизни.

При рассмотрении готовности к адаптации с такой позиции становится очевидным, что ее формирование предполагает изменение личности гражданина, которое заключается в привитии ему новых социально значимых компетенций с одновременной корректировкой имеющихся негативных личностных черт. Соответственно, процесс медико-социальной реадaptации граждан в ЛТП автор считает возможным определить как процесс целенаправленного изменения (то есть исправления) их личности. При этом изменение личности гражданина требует от него самого определенной «работы над собой» (своим мышлением и поведением). Поэтому автор утверждает, что процесс медико-социальной реадaptации включает как воспитательное воздействие на граждан со стороны работников ЛТП, так и собственную активность граждан по положительному изменению своей личности (приобретению социально значимых компетенций и избавлению от негативных черт личности) с использованием имеющихся для этого в ЛТП возможностей. Данное утверждение автора основывается на характере (содержании) перечисленных в статье 39 Закона об ЛТП средств медико-социальной реадaptации, к которым законодателем отнесены следующие: оказание медицинской помощи; обеспечение лекарственными средствами; оказание психологической помощи; профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации; профессиональная ориентация; восстановление и поддержание родственных связей; повышение культурного уровня и создание условий для самообразования; труд; воспитательное воздействие.

Воспитательное воздействие в отношении граждан, находящихся в ЛТП, осуществляется посредством систематического проведения с ними воспитательных мероприятий, направленных на формирование и укрепление у граждан стремления к занятию общественно полезной деятельностью, добросовестного отношения к труду, соблюдения требований законодательства и принятых в обществе правил поведения, на повышение их культурного уровня (п. 189 ПВР). По мнению автора, в системе средств медико-социальной реадaptации воспитательному воздействию отводится роль «движущей силы» процесса исправления личности граждан, так как реализуемая в отношении граждан система воспитательных мероприятий должна формировать у них мотивацию

к «работе над собой» в интересах преодоления алкогольной зависимости и формирования готовности к адаптации в обществе. В целом из такого понимания функции воспитательного воздействия автор исходил при разработке в 2021 году положений главы 22 ПВР («Порядок организации и осуществления воспитательного воздействия на граждан, находящихся в ЛТП»).*

Остальные средства медико-социальной реадaptации связаны с созданием возможностей для приобретения гражданами социально значимых компетенций и (или) избавлению от негативных черт личности посредством проявления собственной активности (трудовая и образовательная деятельность, прохождение психологических и медицинских (терапевтических) мероприятий, занятие физической культурой и творчеством, самообразование и т. п.). Здесь автор отмечает, что в ДИН за последние годы планомерно реализуются меры по расширению спектра таких возможностей. Укрепляется производственная база расположенных в ЛТП предприятий ДИН (внебюджетных производственных участков), обновляется библиотечный фонд ЛТП, создаются объединения граждан по интересам познавательной, творческой и спортивной направленности. К работе с гражданами в ЛТП допускаются представители сообщества «Анонимных Алкоголиков» с программой «Двенадцать шагов» [5]. С 2018 года в ряде ЛТП внедряется программа комплексной медицинской реабилитации, разработанная совместно ДИН и Министерством здравоохранения Республики Беларусь для применения в ЛТП прогрессивных психотерапевтических методик для преодоления алкогольной зависимости [6]. Возможность участия в программе предоставляется гражданам на добровольной основе с учетом их реабилитационного потенциала и мотивации к преодолению зависимости.

В целом ДИН при взаимодействии с заинтересованными ведомствами и общественными организациями постоянно ведется работа по поиску эффективных подходов к преодолению алкогольной зависимости, которые могут быть применены в условиях ЛТП. По мнению автора, акцент здесь следует делать на изучение имеющегося в Беларуси и международном сообществе опыта. Так, выше было сказано о программе «Двенадцать шагов», эффективность которой доказана многолетней практикой ее применения в Российской Федерации и европейских государствах, значительный успешный опыт антиалкогольной деятельности накоплен Международной академией трезвости (International Academy of Sobriety), эффективно в Беларуси функционируют реабилитационные центры «Исток» (г. Минск), «Ключ» (г. Гомель) и др.

* В 2021 году автор входил в рабочую группу ДИН по разработке новых ПВР (приказ ДИН от 25.11.2020 № 117). В рамках работы группы автором была предложена редакция глав 20 и 22 ПВР, а также форма учетно-наблюдательной карты на гражданина, находящегося в ЛТП (приложение 3 к ПВР).

На основании вышеизложенного автор полагает возможными следующие выводы:

1. Процесс медико-социальной реадaptации граждан в ЛТП — это организуемый в условиях ЛТП процесс планомерного оказания на граждан воспитательного воздействия, направленного на их мотивирование к проявлению собственной активности по преодолению имеющейся алкогольной (наркотической зависимости) и приобретению значимых для адаптации в обществе компетенций.

2. Готовность к адаптации в обществе как результат процесса медико-социальной реадaptации граждан в ЛТП представляет собой комплекс личностных качеств гражданина, обуславливающих его предрасположенность и объективную возможность вести трезвый и правомерный образ жизни.

3. Совершенствование процесса медико-социальной реадaptации граждан в ЛТП связано, во-первых, с совершенствованием методов и форм воспитательного воздействия на граждан для усиления ее функции по их мотивированию к проявлению активности для преодоления имеющейся алкогольной (наркотической) зависимости и приобретению значимых для адаптации в обществе компетенций; во-вторых, с дальнейшим расширением спектра возможностей граждан для проявления вышеуказанной активности, а также с внедрением в деятельность ЛТП новых подходов преодоления алкогольной (наркотической зависимости), показавших свою эффективность на практике.

1. Синенко Д. В ЛТП побывать придется // На страже. 2021. № 73. С. 15. [Вернуться к статье](#)

2. Щербицкий С. Реедaptация в ЛТП: реформы не за горами // На страже. 2017. № 42. С. 9. [Вернуться к статье](#)

3. Горлач Т. Комплексная медико-социальная реабилитация // Трудовой путь. 2022. № 2. С. 6. [Вернуться к статье](#)

4. Пастушеня А. Н. Формирование готовности осужденного к правопослушному образу жизни как цель исправительного процесса // Социально-психологическая реабилитация осужденных: эффективные модели работы : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 дек. 2002 г. / Ком. исполн. наказаний МВД Респ. Беларусь, Представительство Орг. Объед. Наций в Респ. Беларусь ; под ред. В. И. Хомлюка, В. Г. Стуканова. Минск, 2002. С. 3–11. [Вернуться к статье](#)

5. Барч О. В поисках путей избавления от зависимостей // На страже. 2020. № 18. С. 5. [Вернуться к статье](#)

6. Горлач Т. Совершенствование реабилитации зависимых от алкоголя // Трудовой путь. 2020. № 4. С. 1. [Вернуться к статье](#)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

К. В. Потанин

*Уральский юридический институт МВД России,
преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности органов внутренних дел*

К. Э. Шмакова

*Уральский юридический институт МВД России,
курсант факультета подготовки следователей*

Аннотация. *Анализируется проблема привлечения юридических лиц к ответственности в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Рассмотрены санкции в виде административных штрафов и их соразмерность с правонарушениями. Особое внимание уделяется мерам профилактики и смягчения ответственности за административные правонарушения относительно малого бизнеса.*

Ключевые слова: *административная ответственность, административный штраф, субъекты права, юридические лица, профилактика административных правонарушений, санкции.*

Annotation. *The problem of bringing legal entities to responsibility is analyzed in accordance with the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. Sanctions in the form of Administrative fines and their proportionality with offenses are considered. Particular attention is paid to preventive measures and mitigation of responsibility for administrative offenses in relation to small businesses.*

Keywords: *administrative responsibility, administrative fine, subjects of law, legal entities, prevention of administrative offenses, sanctions.*

В современном федеральном законодательстве просматривается тенденция расширения круга общественных отношений, которые регулируются нормами административного права. Помимо этого, идет ужесточение наказаний административных правонарушений, а именно увеличение размеров штрафов за действия (бездействия), прописанные в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП). Также хотелось бы сказать, что внесение изменений или дополнений в данное законодательство не всегда или же не в полной мере учитывает разнообразие общественных отношений, регулируемых в данной области, не рассматривает особенности организационно-правового положения подчиненных субъектов, не учитывает негативных последствий для развития малого бизнеса.

В законодательстве при вынесении минимального штрафа для физических и юридических лиц за совершение отдельных видов правонарушений, предусмотренных Особенной частью КоАП, не учитывается тот факт, что правонарушителем может быть предприятие малого бизнеса, совершившее незначительное нарушение установленных правил. Даже минимальный размер штрафа может поставить данное малое предприятие под угрозу приостановления своей деятельности в связи с ухудшением его финансового состояния или же вообще полного его закрытия, например, при банкротстве.

Для иллюстрирования приведенных выше положений следует привести конкретные примеры административного законодательства Российской Федерации.

Санкция, прописанная в статье 8.2 КоАП, за несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления предусматривает наложение штрафа на юридических лиц в минимальном размере от 100 тысяч рублей [1]. Также может быть приостановлена деятельность организации на срок 90 суток. Однако возникают ситуации, когда по данной статье могут привлекаться к ответственности небольшие предприятия по нарушению правил ведения документации, например по образующимся у них отходам или же не вовремя отправленным проектам по нормативам образования отходов. Это, в свою очередь, имеет сильное влияние на бюджет предприятия, его финансовое положение для продолжения последующей работы.

Санкция ч. 1 ст. 15.19 КоАП за непредставление эмитентом, профессиональным участником рынка ценных бумаг или нарушение им порядка и сроков представления информации в контролирующий орган, а равно представление информации не в полном объеме и (или) недостоверной информации [1]. Данная статья предусматривает минимальный штраф для юридических лиц в размере от 500 тысяч российских рублей. Так, в судебной практике встречаются случаи, когда небольшие акционерные общества привлекаются к административной ответственности за нарушение срока предоставления информации в Федеральную службу по финансовым рынкам на третий день, когда по определенным формам отчетности выставляется различный срок предоставления информации от 1 до 3 дней. В последствии акционерным обществам зачастую бывает сложно доказать, что существовали объективные причины позднего предоставления информации.

По вышеперечисленным примерам можно сделать вывод, что минимальные административные штрафы, которые применяются к юридическим лицам, указанные в Особенной части КоАП, и некоторые незначительные правонарушения являются несоразмерными, так как не учитывается характер и

определенные обстоятельства совершенных правонарушений. Вышеуказанная правоприменительная практика не соотносится с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, который придерживается такой точки зрения, где мера административного наказания должна быть соразмерна содеянным поступкам и не должна превращаться в жестокий инструмент подавления экономической самостоятельности, а также не должна ограничивать свободное предпринимательство с их частной собственностью [2].

При выявлении вышеперечисленных ситуаций суды (должностное лицо) уполномочены руководствоваться лишь статьей 2.9 КоАП, то есть освобождать юридическое лицо от административной ответственности по малозначительности совершенных им правонарушений. Какой-либо иной возможности у лица, уполномоченного решить дело об административном правонарушении, на данный момент нет.

С другой стороны, мы считаем, что использование статьи 2.9 КоАП во всех подобных случаях не допустимо. Даже если административный проступок имеет незначительное нарушение норм, нельзя просто так отстранять юридических лиц от ответственности. Во-первых, это сказывается на профилактике административных правонарушений. Во-вторых, у некоторых юридических лиц появляется чувство безнаказанности, что впоследствии приводит к более крупным правонарушениям.

Для решения подобных проблем требуется реформирование КоАП на уровне федерального законодательства для внесения определенных поправок. Приведем примеры поправок.

Необходимо упорядочить минимальный размер штрафа при нарушениях в сфере индивидуального предпринимательства. То есть законодателю необходимо устанавливать такой размер штрафа, который бы оценивал весь диапазон противоправного действия и его последствия. Помимо этого, должна происходить дифференциация наказаний так, чтобы его могли выплатить не только крупные и средние юридические лица, но и малый бизнес, при этом не потерпев серьезных убытков [3].

Весомым решением станет расширение полномочий судей судов общей юрисдикции и судей арбитражных судов. Необходимо предоставить указанным лицам дополнительную возможность объективно принимать решения по рассматриваемым ими делам. Например, в главе 4 КоАП нужно внести положение, в котором судья будет иметь право снижать установленный штраф за определенное административное правонарушение, вынесенное в соответствии с Особенной частью КоАП, в соответствии с определенными обстоятельствами. На данный момент таких полномочий суды не имеют. Считаем, что такое положение будет более эффективным, чем полное освобождение

от ответственности за незначительное правонарушение, так как даже небольшое правонарушение должно иметь свое соответствующее наказание.

Помимо этого, хотелось бы отметить, что разбросанность нормативно-правовых актов, которые предусматривают ответственность юридических лиц, сильно сказывается на работе механизма административного права. Для систематизации законодательства об административной ответственности юридических лиц необходимо все федеральные законы и постановления Правительства Российской Федерации объединить и сосредоточить в отдельной новой главе «Административная ответственность юридических лиц». Именно так законодатель сможет оптимизировать применение законодательства в полном объеме в практической деятельности.

Подводя итоги всему вышесказанному, на наш взгляд, прослеживается, что институт административной ответственности юридических лиц имеет серьезные недочеты, требующие устранения проблем законодательного регулирования. Именно поэтому введение вышеуказанных норм позволит существенно систематизировать и оптимизировать работу привлечения к ответственности и вынесения соответствующих наказаний.

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 16.04.2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. О внесении изменений в Регламент Конституционного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] : решение Конституцион. Суда Рос. Федерации, 17 дек. 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Татаринцев В. В. Проблемы привлечения юридических лиц к административной ответственности // Вестн. науки. 2020. № 6. С. 130–131. [Вернуться к статье](#)

РЕАЛИЗАЦИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПОСРЕДСТВОМ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

П. П. Смирнов

*Могилевский институт МВД (Беларусь),
преподаватель кафедры административной
деятельности факультета милиции*

А. С. Савченко

*Могилевский институт МВД (Беларусь),
курсант факультета милиции*

Аннотация. Рассмотрены правовые аспекты реализации антикоррупционного законодательства через призму административно-правовых норм.

Ключевые слова: коррупция, правонарушение, санкция, конфискация.

Annotation. The legal aspects of the implementation of anti-corruption legislation through the prism of administrative and legal norms are considered.

Keywords: corruption, offense, sanction, confiscation.

Регулирование финансов, несмотря на переход к рыночной экономике, является на настоящий момент одним из самых важных элементов государственного управления. Государство реализует свои функции посредством многофакторных экономических отношений по распределению фондов денежных средств не только государства, но и иных административно-территориальных единиц.

Коррупция — явление, которое по степени распространения занимает лидирующее положение в рейтинге преступлений. Однако стоит отметить, что, несмотря на огромную уголовно-правовую базу и большое количество законодательных актов, регламентирующих деятельность органов по пресечению преступлений данного вида, коррупционные правонарушения могут иметь различную правовую природу и возникать из различных видов общественных отношений: гражданско-правовых, дисциплинарных, уголовно-правовых и административных. Исходя из этого, следует правильное предположение о наличии коррупционных составов, вытекающих не только из Уголовного Кодекса Республики Беларусь. Несмотря на невысокий удельный вес данных правонарушений по сравнению с иными нарушениями антикоррупционного законодательства, они могут нанести огромный ущерб обществу и государству в целом [1].

В административно-деликтном законодательстве Республики Беларусь действительно содержится ряд статей, состав которых подпадает под определение коррупции, одной из них является ст. 12.8 «Нарушение порядка использо-

вания средств бюджета, государственных внебюджетных фондов» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [2].

В вышеназванную статью входят 2 состава, которые содержат признаки незаконного обогащения путем коррупционных действий, однако для полного и детального анализа нарушения установленных норм стоит упомянуть основной термин, используемый в диспозиции данной статьи:

Бюджет — основной финансовый план формирования и использования денежных средств для обеспечения функций государственных органов, экономического и социального развития Республики Беларусь или соответствующих административно-территориальных единиц (областей, районов, городов, поселков городского типа, сельсоветов). В бюджетную систему Республики Беларусь как самостоятельные части включаются республиканский и местные бюджеты.

Финансирование из республиканского бюджета проходит по следующим направлениям:

- 1) вложения в бюджет объектов республиканской собственности;
- 2) мероприятия по охране окружающей среды, проводимые по государственным программам;
- 3) мероприятия по ликвидации последствий на Чернобыльской АЭС;
- 4) программы по социальной защите населения;
- 5) иные общегосударственные программы;
- 6) затраты во внешнеэкономической деятельности;
- 7) государственные учреждения образования, науки, культуры, подготовки кадров, здравоохранения, физической культуры, социального обеспечения;
- 8) расходы по обновлению государственных запасов и резервов;
- 9) расходы на содержание государственных органов;
- 10) расходы на национальную оборону;
- 11) погашение внешнего долга и уплата процентов по кредитам, полученным от иностранных государств;
- 12) реализация резервных и государственных целевых бюджетных фондов;
- 13) выдача займов, ссуд, дотаций, субвенций, субсидий юридическим и физическим лицам, областным бюджетам и бюджету города Минска;
- 14) расходы свободных экономических зон;
- 15) расходы на развитие рыночной инфраструктуры;
- 16) другие расходы, предусматриваемые в республиканском бюджете на соответствующий финансовый (бюджетный) год.

Во внебюджетные фонды включены:

1) дополнительные доходы и сэкономленные финансовые ресурсы, полученные за счет организованных местными Советами депутатов, исполнительными комитетами мероприятий по решению экономических и социальных проблем;

2) добровольные взносы и пожертвования граждан, предприятий, организаций, учреждений и объединений;

3) доходы от выпуска местных займов, ценных бумаг и проведения аукционов, выставок, концертов и других мероприятий;

4) штрафы, взимаемые за получение предприятиями, организациями, учреждениями и объединениями необоснованной прибыли в связи с завышением цен (тарифов) на продукцию (работы, услуги);

5) штрафы за загрязнение окружающей среды, нерациональное использование природных ресурсов и другие нарушения природоохранного законодательства Республики Беларусь, санитарных норм и правил, а также платежи, компенсирующие нанесенный ущерб (суммы этих штрафов и платежей используются на проведение природоохранных и оздоровительных мероприятий).

Таким образом, исходя из приведенных выше примеров многовекторного распределения средств бюджета, стоит отметить, что повышение контроля за данными позициями имеет важное значение и обуславливает необходимость наличия соответствующей правовой базы, которая путем внутреннего регулирования процессов и под контролем за распределением и реализацией фондов денежных средств будет способствовать целостной регуляции процессов, происходящих в ходе распределения и реализации фондов денежных средств.

Так, нарушение законодательства, касательно порядка использования средств бюджета, влечет нарушение деятельности предприятий, государственных учреждений и в целом оказывает губительное влияние на функционирование всего государственного аппарата и, соответственно, в санкции данной статьи предусмотрена установленная законом ответственность, однако существуют и иные меры, направленные на недопущение дестабилизации общественных отношений и компенсацию финансового ущерба, нанесенного государству.

Так, в соответствии с чч. 1 и 2 ст. 12.8 «Нарушение порядка использования средств бюджета, государственных внебюджетных фондов» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, является административно наказуемым незаконное получение, нецелевое использование и (или) использование с нарушением законодательства юридическим лицом (за исключением бюджетных организаций) или индивидуальным предпринимателем средств бюджета, в том числе государственных целевых бюджетных фондов, а также государственных внебюджетных фондов, либо материальных ресурсов,

приобретенных за счет государственных средств, не по назначению и (или) с нарушением законодательства влечет наложение штрафа на юридических лиц (за исключением бюджетных организаций) в размере от пяти до пятидесяти базовых величин, а на индивидуального предпринимателя или юридическое лицо — до ста процентов от стоимости материальных ресурсов, приобретенных за счет указанных средств и использованных не по целевому назначению и (или) с нарушением законодательства [2].

Однако стоит упомянуть о достаточно больших суммах, которые фигурируют в процессе нарушения указанного законодательства. Указанные в санкции лишения, которым будет подвергнут субъект правонарушения, могут не в целом покрыть причиненный ущерб и, кроме того, оставить злоумышленника в так называемой выгоде от совершения коррупционной схемы. Так, целесообразным считается указание в санкции обеих частей указанной статьи конфискации для обеспечения более эффективного исполнения взыскания и уменьшения численности совершения данного правонарушения в будущем.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что коррупционная преступность является одной из самых больших проблем развития экономики и государства в целом. Конечно, в нашей стране предусмотрено множество законодательных актов, которыми регламентирована борьба с коррупцией, в том числе и Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, в котором содержатся составы данных правонарушений, однако стоит помнить о необходимости совершенствования и видоизменения законодательства ввиду появления новых «схем» и методов совершения данных правонарушений.

1. Шелегова Н. А., Смирнов П. П., Савченко А. С. Реализация антикоррупционных мер органами внутренних дел Республики Беларусь // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. № 2. 2020. С. 313–317. [Вернуться к статье](#)

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

МЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ В ОТНОШЕНИИ ОРУЖИЯ

А. В. Терешенок

*Могилевский институт МВД (Беларусь),
старший преподаватель*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные аспекты, связанные с наложением административных взысканий за совершение административных правонарушений, связанных с незаконными действиями в отношении оружия.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, штраф, оружие, административное взыскание.

Annotation. The article deals with problematic aspects related to the imposition of administrative penalties for committing administrative offenses related to illegal actions in relation to weapons.

Keywords: administrative offense, administrative responsibility, fine, weapon, administrative penalty.

Административная ответственность выражается в порицании лица, совершившего административное правонарушение, и наложении административного взыскания на физическое лицо, совершившее административное правонарушение, юридическое лицо, подлежащее административной ответственности, и имеет своими целями воспитание физического лица, совершившего административное правонарушение, а также предупреждение совершения новых правонарушений как лицом, его совершившим, так и другими физическими или юридическими лицами [1].

Меры административной ответственности являются разновидностью мер административного принуждения [2, с. 133; 3, с. 26], в качестве которых, согласно ст. 6.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП), в административно-деликтном законодательстве Республики Беларусь выступают административные взыскания [1].

Законодатель определяет административное взыскание как меру административной ответственности. В русском языке «мера» есть единица измерения, граница, предел проявления чего-либо [4, с. 297], в философии — оценка или определение какой-либо величины, ее интенсивность (степень) или распространение (количество) [5, с. 617]. В данном контексте административное взыскание выступает своего рода единицей измерения государственного принудительного воздействия на правонарушителя, содержащегося в административной

ответственности и необходимого для достижения ее целей, определяющей интенсивность административно-правового воздействия (суровость вида взыскания) и его пределы (например, минимальный и максимальный размер штрафа или минимальный и максимальный срок лишения специального права).

В свою очередь, это обстоятельство наполняет административное взыскание рядом специфических качеств, выражающих его сущность и отличающих его от иных видов административно-правовых средств принудительного воздействия на личность.

Как отмечает А. Н. Крамник, «по своему характеру административные взыскания не одинаковы и поэтому их можно классифицировать на основе различных критериев. Ими могут быть: характер правоограничений; порядок применения; особенности субъектов, к которым административные взыскания применяются; время воздействия; юридическая значимость» [6, с. 226].

По мнению Д. Н. Бахраха, «в КоАП перечень дан в определенной последовательности: от менее суровых к более суровым. Иными словами, законодатель сконструировал “лестницу наказаний”, которая будет учитываться и законодательными органами, и многочисленными должностными лицами, которые будут налагать такие санкции» [7, с. 18]. Анализ ст. 6.2 КоАП, в которой указаны восемь видов административных взысканий, также свидетельствует о стремлении белорусского законодателя реализовать такой подход к расположению взысканий. Однако, на наш взгляд, ему в полной мере это сделать не удалось. Например, в ст. 6.3 КоАП оговаривается сочетание основных и дополнительных взысканий. К исключительно основным взысканиям законодатель относит: штраф, общественные работы и административный арест, а к исключительно дополнительным: конфискацию, взыскание стоимости, административный запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений. Кроме этого, лишение права заниматься определенной деятельностью, а также депортация могут применяться как в качестве основного, так и дополнительного административного взыскания [1]. Конфискация в так называемой лестнице наказаний по степени суровости расположена выше штрафа. В случае применения к правонарушителю в качестве основного взыскания штрафа, а в качестве дополнительного — конфискации, следуя подобной логике, складывалась бы ситуация, при которой в качестве дополнительного взыскания налагается более строгое взыскание, нежели основное, что представляется весьма сомнительным. Сомнению подобный подход к классификации подвергает и С. Г. Василевич, который отмечает, что «правонарушитель отдал бы предпочтение, например, административному аресту (его максимум составляет 15 суток, за исключением отдельных статей), чем крупному административному штрафу, размер которого может составлять несколько сот, а то и десятки тысяч рублей. По крайней мере,

случаи, когда правонарушители высказывали такое пожелание, известны» [8, с. 218].

В этой связи, по нашему мнению, органам административной юрисдикции при наложении административных взысканий за правонарушения, связанные с незаконными действиями в отношении оружия, не стоит руководствоваться подобным классификационным подходом и учитывать местоположение взыскания в перечне ст. 6.2 КоАП, а в первую очередь следует принимать во внимание принципы административной ответственности в их неразрывном единстве.

За совершение административных правонарушений, связанных с незаконными действиями в отношении оружия, предусмотренных ст. 24.29, 24.30, 24.31, 24.46 КоАП, определены следующие виды административных взысканий: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, конфискация. В свою очередь, административное взыскание в виде штрафа содержится во всех рассматриваемых административных правонарушениях. Штраф является наиболее распространенной мерой административной ответственности, содержащейся в КоАП, на что указывает тот факт, что подобный вид административного взыскания встречается в санкциях всех статей КоАП, в отличие от других видов взысканий.

В контексте наложения административного взыскания в виде штрафа за административное правонарушение, предусмотренное ст. 24.31 КоАП («Нарушение сроков регистрации огнестрельного, газового, пневматического или метательного оружия, сроков продления действия разрешений на его хранение и ношение либо правил постановки его на учет»), вполне оправданной видится предложение, высказанное В. Н. Крюковым о необходимости внесения изменений в ч. 7 ст. 6.4 КоАП [9, с. 34]. Данное предложение касается административного взыскания в виде штрафа, налагаемого в порядке ст. 10.3 ПИКоАП без составления протокола об административном правонарушении. Согласно данной норме, в случае, когда физическое лицо признало себя виновным в совершении административного правонарушения и выразило согласие на применение к нему административного взыскания без составления протокола об административном правонарушении, протокол об административном правонарушении не составляется. Лицом, уполномоченным составлять протокол об административном правонарушении, выносится постановление о наложении административного взыскания в виде штрафа или депортации (в соответствии с санкцией статьи Особенной части КоАП), которое вступает в законную силу с момента его вынесения. При этом штраф может быть уплачен на месте. Согласно ч. 6 ст. 6.4 КоАП, при наложении штрафа на физическое лицо в порядке, установленном ст. 10.3 ПИКоАП, применяется нижний предел штрафа,

предусмотренный за совершенное правонарушение, а в случае его неустановления в санкции статьи Особенной части КоАП — не более 0,5 базовой величины. При этом в случае неуплаты такого штрафа в установленные сроки примененный размер штрафа увеличивается на две базовые величины. Следовательно, минимальный размер штрафа применяется в случае привлечения к административной ответственности в порядке ст. 10.3 ПИКоАП. При этом диспозиция статьи носит обязательный характер. Согласно общим правилам наложения административного взыскания, указанным в ч. 2 ст. 7.1 КоАП, при наложении административного взыскания на физическое лицо учитываются характер совершенного административного правонарушения, обстоятельства его совершения и личность физического лица, совершившего административное правонарушение, степень его вины, характер и размер причиненного им вреда, имущественное положение, а также обстоятельства, смягчающие или отягчающие административную ответственность. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 7.3 КоАП, к обстоятельствам, отягчающим административную ответственность, относится совершение административного правонарушения повторно.

Применительно к ст. 24.31 КоАП складывается ситуация, когда лицо может неоднократно нарушать сроки продления разрешений на хранение различных видов имеющегося у него оружия и каждый раз получать минимальный размер штрафа по правилам ст. 10.3 ПИКоАП, ч. 6 ст. 6.4 КоАП.

Исходя из вышеизложенного, В. Н. Крюковым предлагается внести изменения в ч. 7 ст. 6.4 КоАП, содержащей исключения на привлечение к административной ответственности в порядке ст. 10.3 ПИКоАП, и дополнить ч. 7 ст. 6.4 КоАП словами: «в случае совершения административного правонарушения повторно» [9, с. 35].

По нашему мнению, также не способствуют реализации принципа справедливости административной ответственности, продекларированного в ст. 1.4 КоАП, пределы штрафа, установленные ст. 24.31 КоАП. Согласно санкции данной статьи, штраф, налагаемый на правонарушителя, может налагаться в пределах от 4 до 15 базовых величин [1]. Стоит учесть, что по конструкции состава данного административного правонарушения субъективная сторона выражается в большей степени неосторожной формой вины в виде небрежности. Едва ли можно предположить ситуацию, при которой законный владелец оружия умышленно стремится нарушить сроки продления имеющегося у него разрешения на его хранение и ношение или сроки регистрации оружия. В то же время при сравнении данной санкции с санкцией ч. 1 ст. 24.30 КоАП видно, что минимальный порог штрафа, налагаемый по данной статье, отсутствует и фактически при наложении административного взыскания в порядке ст. 10.3 КоАП составляет 0,5 базовой величины,

что в 8 раз меньше размера штрафа, налагаемого по ст. 24.31 КоАП. Более того, ч. 1 ст. 24.31 КоАП является административным проступком и при совершении данного административного правонарушения впервые влечет освобождение правонарушителя от административной ответственности в порядке ч. 1 ст. 8.3 КоАП.

При этом ст. 24.30 КоАП предусматривает административную ответственность за нарушение правил обращения с оружием, которое может повлечь в том числе материальные последствия в виде его утраты, в то время как административная ответственность по ст. 24.31 КоАП наступает для владельца оружия, который несвоевременно обратился в органы внутренних дел с заявлением о продлении срока действия разрешения на его хранение и ношение (менее чем за месяц до истечения срока действия).

В этой связи предлагается исключить минимальный размер штрафа в ст. 24.31 КоАП. По нашему мнению, это позволит достичь соразмерности налагаемого административного взыскания достигаемым целям административной ответственности.

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 06 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Крамник А. Н. Административно-правовое принуждение. Минск : Тесей, 2005. 208 с. [Вернуться к статье](#)

3. Административно-правовое принуждение в государственном управлении Республики Беларусь / О. И. Чуприс [и др.]. Минск : Четыре четверти, 2018. 384 с. [Вернуться к статье](#)

4. Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд. 16-е, испр. М. : Рус. яз., 1984. 797 с. [Вернуться к статье](#)

5. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. 3-е изд., испр. Минск : Книж. дом, 2003. 1279 с. [Вернуться к статье](#)

6. Крамник А. Н. Административно-деликтное право. Общая часть : пособие для студентов вузов. Минск : Тесей, 2004. 288 с. [Вернуться к статье](#)

7. Бахрах Д. Н. Административная ответственность : учеб. пособие по курсам «Административная ответственность», «Административная юрисдикция». М. : Юриспруденция, 1999. 110 с. [Вернуться к статье](#)

8. Василевич С. Г. Классификация административных взысканий // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D., Экон. и юрид. науки. 2010. № 4. С. 217–222. [Вернуться к статье](#)

9. Крюков В. Н. Совершенствование правового регулирования привлечения к административной ответственности без составления протокола об административном правонарушении // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2018. № 1 (35). С. 33–37. [Вернуться к статье](#)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВОЕНИЗИРОВАННОЙ СЛУЖБЕ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2022 ГОДА

М. Л. Трацевский

*Академия МВД Республики Беларусь,
адъюнкт научно-педагогического факультета*

Аннотация. В статье исследуются направления совершенствования правового регулирования общественных отношений в сфере военизированной службы после вступления в силу изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь в 2022 г. На основании проведенного сравнительно-правового анализа законодательных актов различных субъектов военизированной службы проанализированы проблемные аспекты правового регулирования. Сформулированные предложения о совершенствовании правового регулирования направлены на повышение эффективности деятельности военизированных организаций.

Ключевые слова: военизированная служба, военизированная организация, совершенствование, закон, правовое регулирование военизированной службы.

Annotation. The article examines the directions for improving the legal regulation of public relations in the field of paramilitary service after the amendments and additions to the Constitution of the Republic of Belarus in 2022 come into force. Based on the comparative legal analysis of legislative acts of various subjects of the paramilitary service, the problematic aspects of legal regulation are analyzed. The formulated proposals on improving legal regulation are aimed at increasing the efficiency of paramilitary organizations.

Keywords: paramilitary service, paramilitary organization, improvement, law, legal regulation of paramilitary service.

15 марта 2022 г. вступили в силу изменения и дополнения в Конституцию Республики Беларусь, принятые на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. (в ред. республиканского референдума от 4 марта 2022 г.) (далее — Конституция). Новеллой обновленной Конституции является введение в юридический оборот термина «военизированная организация» применительно к ограничению политического права ее сотрудников на участие в политических партиях. В предыдущей редакции Основного Закона в качестве таковых упоминались сотрудники органов внутренних дел (далее — ОВД) и Комитета государственного контроля (далее — КГК). Консолидированная терминология для их обобщенного понятия ранее не применялась. Одновременно текст модернизированной Конституции дополнен ст. 89-3, согласно которой Всебелорусское народное собрание по предложению Президента Республики Беларусь

принимает решение о возможности направления военнослужащих, сотрудников военизированных организаций, иных лиц за пределы Республики Беларусь для участия в обеспечении коллективной безопасности и деятельности по поддержанию международного мира и безопасности.

Впервые в современном конституционном законодательстве военизированные организации получили правовую регламентацию на уровне модернизированного Основного Закона страны. Сегодня в Основном Законе эти государственные органы определены в качестве интегрированного понятия, включающего нескольких субъектов военизированной службы. Правовой регламентации их создания и функционирования в Конституции нет.

Полагаем, усиление юридического акцента на военизированных организациях подчеркивает необходимость их последующего правового определения в системе органов государственной власти и дальнейшего закрепления в позитивном праве. С учетом функциональной направленности военизированных организаций, исполнения ими законодательных актов специфическими методами их следует отнести к исполнительной ветви власти в процессе нормотворческой деятельности по приведению отечественного законодательства в соответствие с новой редакцией Конституции.

В течение двух следующих лет правовые акты Президента, а также законы будут приводиться в соответствие с Конституцией. Процесс нормотворчества осуществляется в соответствии с Концепцией совершенствования законодательства Республики Беларусь, одобренной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205 [1]. В указанном документе закреплено, что повышение эффективности правового регулирования общественных отношений осуществляется в целях защиты прав и свобод личности, государственного суверенитета, национальных интересов и безопасности. Следовательно, системное правовое регулирование отношений военизированной службы с соблюдением установленных Концепцией требований должно основываться на модели построения законодательства, основанной на профильном законе.

В данном контексте особое внимание заслуживает совершенствование законодательства о военизированной службе в условиях приведения законодательства в соответствие с Конституцией и новым Законом «О государственной службе». 12 мая 2022 г. во втором чтении принят проект названного закона. Проект Закона направлен на дальнейшее совершенствование института государственной службы в Республике Беларусь. Законопроектом закрепляется целостная система государственной службы, которая включает в себя государственную гражданскую службу, военную службу, службу в военизированных организациях [2].

Закон о военизированной службе должен стать основой модели построения законодательства, основанной на профильном законе. Данный закон детализирует содержание понятий «военизированная служба», «военизированная организация» и смежных понятий «сотрудник военизированной организации», «служба в военизированной организации» и др. Введение в правовой оборот указанных понятий позволит определить, кого относить к субъектам военизированной службы, и на законодательном уровне закрепить их систему. Одновременно с этим профильный закон установит правовую основу деятельности, права и обязанности военизированных организаций, порядок их взаимодействия между собой (координационные и субординационные связи), ограничения и запреты для сотрудников, а также унифицированные гарантии их правовой и социальной защиты.

До принятия закона о военизированной службе требуют корректировки действующие акты законодательства. Некоторые возможные аспекты совершенствования правовых норм в контексте обновленной Конституции следующие.

Военизированные организации законодательно наделены правомочиями на использование огнестрельного оружия в качестве исключительного средства обеспечения правоохранительных отношений. Возможность использования оружия является признаком милитаризации службы. Реализация данной меры обусловлена делегированным государством правом и одновременно обязанностью «применить государственное принуждение, вплоть до вооруженной силы, для защиты общенациональных интересов, конституционного строя и проведения в жизнь государственной политики» [3, с. 124] в случаях и порядке, предусмотренных законодательством.

В соответствии со ст. 25 Закона Республики Беларусь «О Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь», сотрудник указанного комитета имеет право на использование оружия для остановки транспортного средства путем его повреждения, если водитель не подчиняется заведомо очевидным для него законным неоднократным требованиям сотрудника об остановке транспортного средства и его действия создают реальную угрозу жизни или здоровью сотрудника, иных граждан. Корреспондирующая обязанность водителя остановить транспортное средство по требованию уполномоченных должностных лиц содержится в п. 9 Правил дорожного движения, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 28 ноября 2005 г. № 551 «О мерах по повышению безопасности дорожного движения». Вместе с тем к должностным лицам, имеющим право остановки транспортных средств, сотрудники Государственного комитета судебных экспертиз (далее — ГКСЭ) не отнесены. В целях устранения данной правовой коллизии необходимо

дополнить Правила дорожного движения полномочиями сотрудников ГКСЭ на остановку транспортных средств в целях осуществления возложенных на них функций.

В настоящее время правовое регулирование деятельности военизированных организаций осуществляется отдельными законами, например, Законом Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь». Наряду с этим правовое регулирование важнейших общественных отношений осуществляется кодифицированными законами, отдельные нормы которых распространяются и на военизированные организации. Исходя из сказанного, необходимо обратить внимание на юридическую конструкцию названия ст. 4.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) — «Ответственность военнослужащих и иных лиц, на которых распространяется действие дисциплинарных уставов или специальных положений о дисциплине».

Исходя из диспозиции указанной статьи, лица, на которых распространяется статус военнослужащего, а также лица начальствующего и рядового состава ОВД, органов финансовых расследований (далее — ОФР) КГК, Следственного комитета (далее — СК), ГКСЭ, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям (далее — ОПЧС) несут ответственность за совершение административных правонарушений на общих основаниях. При этом установлены специальные правила наложения отдельных административных взысканий (в том числе за правонарушения с административной преюдицией), освобождения от административной ответственности.

Правовым источником специальной дисциплинарной ответственности являются нормы ст. 194 и ст. 204 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее — ТК). В ч. 3 ст. 194 ТК указано: «Для отдельных категорий работников действуют уставы и положения о дисциплине». В ст. 204 ТК определено, что особенности дисциплинарной ответственности работников транспорта и других категорий работников с особым характером труда устанавливаются Правительством Республики Беларусь. Следует отметить, что в обеих статьях ТК содержатся отсылочные нормы на специальное законодательство, регламентирующее этот вид юридической ответственности.

Следовательно, в целях исключения противоречивости терминологии в КоАП вместо дисциплинарных уставов или специальных положений о дисциплине необходимо использовать термины «уставы» и «положения о дисциплине», установленные ТК. Наряду с этим по аналогии с использованием термина «военнослужащий» целесообразно использовать интегрированное понятие «сотрудник военизированной организации». Одновременно, по нашему мнению, в целях более точного определения предмета правового регулирования ст. 4.5 КоАП, а также

субъектов, на которых распространяется ее действие, указанную статью необходимо дополнить нормой с указанием лиц, на которых распространяется действие специальных положений о дисциплине либо исключить из названия статьи слова «или специальных положений о дисциплине». Данное предложение позволит привести в соответствие название статьи и предмет ее правового регулирования, т. к. в действующей редакции диспозиция статьи не охватывает лиц, на которых распространяется действие специальных положений о дисциплине (работники организаций железнодорожного транспорта общего пользования и авиационный персонал гражданской авиации [4; 5]).

После вступления в силу Закона Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь» термин «военизированные организации» будет официально введен в управленческое право и законодательство о государственной службе. В связи с этим обоснованно поставить вопрос перед учеными-правоведами и практиками о целесообразности его использования в уголовном праве. Так, в ст. 362–365 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) объектом правовой защиты является сотрудник ОВД. Однако как в правовой доктрине, так и в новом Законе «О государственной службе» к военизированным организациям отнесены пять государственных органов: ОВД, ОФР КГК, ГКСЭ, СК и ОПЧС, что подразумевает одинаковый правовой статус лиц, проходящих в них службу. В контексте исследуемого вопроса представляется целесообразным распространить уголовно-правовую защиту на всех сотрудников военизированных организаций по аналогии с военнослужащими, статус которых определен Законом Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 100-З «О статусе военнослужащих» (например, ст. 362 УК «Убийство сотрудника органов внутренних дел, военнослужащего»).

Таким образом, изменения Конституции заложили правовые основы институализации военизированных организаций, становление и развитие которых в ретроспективе представляет непрерывный процесс. Совершенствование законодательства о военизированной службе обусловлено конкретными условиями: возникновением и существованием однородных общественных отношений в сфере военизированной службы и их правовым регулированием со стороны государства на уровне Основного Закона страны и принятых на его основе актов законодательства. Совершенствование правовых норм в контексте обновленной Конституции видится возможным по следующим направлениям: определение понятия «военизированная организация», уточнение правомочий на использование огнестрельного оружия отдельными военизированными организациями в целях осуществления возложенных на них функций, конкретизация субъектного состава специальной административной ответственности, распространение уголовно-правовой защиты на всех сотрудников военизированных организаций.

1. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. О государственной службе [Электронный ресурс] // Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь. URL: <http://house.gov.by/ru/zakony-ru/view/o-gosudarstvennoj-sluzhbe-1036/> (дата обращения: 18.05.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Атаманчук Г. В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика : монография. М. : Изд-во РАГС, 2004. 272 с. [Вернуться к статье](#)

4. Об утверждении Положения о дисциплине работников организаций железнодорожного транспорта общего пользования [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 сент. 1993 г., № 656 : в ред. от 11.06.2015 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Об утверждении Положения о дисциплине авиационного персонала гражданской авиации Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 июля 2001 г., № 1122. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

СЕКЦИЯ 2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО, АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО И АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 342.9

ПРИМЕНЕНИЕ СИЛЫ, СВЯЗАННОЕ С ОГРАНИЧЕНИЕМ ФИЗИЧЕСКОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЦА

А. А. Абдихаликов

*Алматинская академия МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова,
старший преподаватель-методист Высших академических курсов
факультета подготовки руководящего состава ОВД (факультет № 1)*

Ж. А. Кегембаева

*Казахский университет международных отношений и
мировых языков имени Абылай хана,
профессор кафедры международного права,
доктор юридических наук, профессор*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с применением мер административно-правового принуждения, ограничивающих физическую неприкосновенность лица. Поскольку такие меры принуждения ограничивают важнейшее личное право человека, закон предъявляет к их применению особые требования, выступающие гарантиями соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Эти актуальные вопросы соблюдения сотрудниками полиции на всех стадиях процесса применения мер правового принуждения критериев легальности, легитимности и справедливости и исследуются авторами в работе.

Ключевые слова: административно-правовое принуждение, право на физическую неприкосновенность, полиция, применение силы.

Annotation. The article deals with issues related to applying administrative and legal coercion measures that restrict the physical integrity of a person. Since such coercive measures restrict the most necessary personal human right, the law imposes special requirements on their application, acting as guarantees of respect for human and civil rights and freedoms. The authors investigate these topical issues of compliance by police officers at all stages of applying legal enforcement measures with the criteria of legality, legitimacy, and fairness.

Keywords: administrative and legal coercion, right to physical integrity, police, use of force.

Право на физическую неприкосновенность лица — это одно из важнейших прав человека, которое при этом не имеет закрепления в Конституции Республики Казахстан. Даже в международно-правовых документах, ставших общепризнанными стандартами прав и свобод человека, право на физическую неприкосновенность вытекает из смысла норм, закрепляющих такие права, как право на личную свободу, личную неприкосновенность. Сотрудники полиции и других правоохранительных органов обладают полномочиями по применению мер принуждения, ограничивающих физическую неприкосновенность лица, как средства пресечения противоправного поведения. Соответственно, меры, связанные с ограничением физической неприкосновенности лица, играют важную роль в обеспечении правопорядка и общественной безопасности, поскольку при их помощи не только останавливаются общественно опасные действия правонарушителя, но и обеспечивается неотвратимость привлечения его к ответственности.

Право на физическую неприкосновенность можно кратко сформулировать как запрет прикосновения к телу человека без его согласия. Оно занимает особое место в системе прав и свобод личности, поскольку означает возможность лица свободно располагать собой, своим телом, не опасаясь посягательства на его жизнь и здоровье. Это предполагает также запрет нежелательного тактильного контакта и возможность распоряжаться своим телом, его органами и тканями.

Какие бы то ни было ограничения этой свободы допускаются только на основе закона и в законных формах.

Административно-правовое принуждение, используемое сотрудниками полиции в ходе осуществления правоохранительной деятельности, является именно законной формой применения силы.

В начале XX века М. Вебер писал в сочинении «Политика как призвание и профессия», что принуждение (насилие) можно даже отнести к обязательным признакам государства, поскольку «государство есть то человеческое сообщество, которое претендует на монополию легитимного физического насилия» [1, с. 11].

Действительно, анализ социальной природы административно-правового принуждения обуславливает его понимание как правоотношения, в которое вступают наделенные определенными правами и обязанностями принуждающий и принуждаемый субъекты. Первый обладает правом и несет обязанность подвергнуть принудительному воздействию принуждаемого субъекта и применить к нему в установленном порядке меры принуждения. Через этого субъекта (в нашем случае сотрудника полиции) государство и реализует свою «монополию легитимного физического насилия».

Принуждаемый субъект имеет право потребовать соблюдения процедуры применения указанных мер и реализации их в режиме законности, но обязан претерпеть правоограничения личного, имущественного или организационного характера.

На наш взгляд, такое наделение лиц, в отношении которых применяются меры принуждения, субъективными правами и обязанностями свидетельствует о правовом опосредовании государственного принуждения.

В результате применение мер административного принуждения должно удовлетворять требованиям легальности, легитимности и справедливости на всех стадиях процесса его реализации.

Требования легальности и легитимности в юриспруденции обычно рассматриваются по отношению к государственной власти. Учитывая, что применение административно-правового принуждения осуществляется субъектом, уполномоченным на это государством, т. е. реализующим свои государственно-властные полномочия, считаем абсолютно правильным предъявление требований легальности и легитимности к процессу применения мер правового принуждения.

Надо отметить при этом, что, несмотря на внешнюю схожесть понятий «легальность» и «легитимность» и даже на происхождение от одного латинского слова (*lex* — «закон», «юридическая норма»), они не являются синонимичными.

Легальность отражает принцип законности, т. е. соответствие законам, принятым также законным, легальным способом.

Отметим, что Конституция Казахстана допускает ограничение прав и свобод человека и гражданина только законами и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения [2].

В принятом в 1999 году на 67-й сессии Комитета ООН по правам человека Замечании общего порядка № 27 к ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах отмечено, что ограничения прав и свобод должны соответствовать следующим критериям допустимости: отвечать насущной общественной или социальной необходимости; преследовать законно обоснованные цели и являться соразмерными этим целям. При этом особо подчеркнуто, что «ограничительные меры должны соответствовать принципу соразмерности; они должны являться уместными для выполнения своей защитной функции; должны представлять собой наименее ограничительное средство из числа тех, с помощью которых может быть достигнут желаемый результат; и должны являться соразмерными защищаемому интересу» (п. 14 вышеназванного замечания) [3].

Легальность используемых мер принуждения обеспечивается, таким образом, закреплением в законодательстве вышерассмотренных критериев допустимости ограничений прав и свобод граждан.

Легитимность же является обязательным признаком цивилизованной власти, отражающим признание гражданским обществом и мировым сообществом правомерности как самой власти, так и ее действий [4, с. 7].

Легитимность применения правоохранительными органами силы, на наш взгляд, также зависит от соблюдения критериев допустимости, поскольку общество признает необходимость, обоснованность и соразмерность применяемых силовых мер и считает их целесообразными и справедливыми.

Меры административного принуждения, связанные с ограничением физической неприкосновенности лица, весьма многочисленны и разнообразны. Это обусловлено тем, что в различных условиях, в отношении различных субъектов органы внутренних дел должны применять наиболее эффективные средства для прекращения антиобщественных действий и часто вынуждены прибегать к методам принуждения, затрагивающим физическую неприкосновенность лиц.

Например, как показали результаты проведенных в ходе исследования опросов сотрудников административной полиции, к административному задержанию они прибегают гораздо чаще, чем к административному штрафу. На наш взгляд, такая распространенность административно-силовых мер объясняется тем, что их применение зачастую входит в круг прямых функциональных действий многих должностных лиц, является одновременно и их правом, и их обязанностью.

В связи с указанной особенностью обращает на себя внимание и другое связанное с ней обстоятельство: действующее законодательство определяет только общие начала непроцессуального применения мер административно-правового принуждения, затрагивающих физическую неприкосновенность лица, органами внутренних дел. Детальная правовая регламентация применения силовых мер в нем не проводится, а отдельные стороны применения некоторых мер (в частности, применения специальных средств) находят отражение в ведомственных нормативных актах.

В казахстанском законодательстве не детализируется порядок применения мер административного принуждения и по линии отдельных служб, хотя потребность в такой детальной регламентации налицо.

В целом рассматриваемым мерам административного принуждения, затрагивающим право физической неприкосновенности человека, посвящены многие законы и подзаконные акты. Причем их диапазон весьма значителен, что создает определенные трудности для правоприменителя.

Во-первых, такие нормы содержатся в различных по своему уровню нормативных актах. Они предусмотрены в большинстве кодексов Республики Казахстан, в конституционных законах, законах, указах Президента Республики, правительственных актах, ведомственных нормативных актах. Такое обилие нормативных источников затрудняет работу правоприменителей, которые нередко, как свидетельствует анализ практики, ориентируются на ведомственные нормативные акты, а не на закон.

Во-вторых, нормы о мерах административного принуждения зачастую дублируют друг друга, что создает дополнительную почву для злоупотреблений, основанных на возможности двоякого толкования норм права, применения аналогии права там, где это недопустимо.

Например, процедуры досмотра предусмотрены не только в Кодексе Республики Казахстан об административных правонарушениях [5], но и в ряде других актов. Например, Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2017 года «О таможенном регулировании в Республике Казахстан» регламентирует порядок не только общего таможенного досмотра, но и личного таможенного досмотра, проводимого в отношении физического лица (ст. 414) [6].

Приведенные данные свидетельствуют о разобщенности нормативного регулирования мер административного пресечения, связанных с ограничением физической неприкосновенности лица, неоднозначной законодательной интерпретации аналогичных по содержанию мер в различных законах и подзаконных актах.

На наш взгляд, предложения о разрешении данного противоречия можно свести к трем вариантам:

- включение норм о мерах административно-правового принуждения, затрагивающих физическую неприкосновенность лица, а также иные права, касающиеся его жизни и здоровья, исключительно в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях;
- закрепление норм об отдельных видах мер административного пресечения в базовые законы (об оружии и др.);
- кодификация норм об административном принуждении, связанном с ограничением физической неприкосновенности лица, в едином правовом акте.

Следует выделить также особенность, связанную с процедурой применения мер административного принуждения. Дело в том, что процесс применения пресекательных мер может корректироваться в зависимости от характера правонарушения, срочности, сложности и необходимости урегулирования данного отношения. Но в установленных законом случаях факт применения какой-либо меры административного пресечения должен быть оформлен соответствующим процессуальным актом. Следует подчеркнуть, что процессуальный порядок

оформления меры административного принуждения регламентируется именно Кодексом Республики Казахстан об административных правонарушениях.

Потому, на наш взгляд, наиболее перспективным является первый вариант, кроме того, он в полной мере иллюстрирует административно-правовую основу применяемых мер принуждения.

Учитывая возможность причинения риска здоровью лица, в отношении которого применяются меры административно-правового принуждения, связанные с ограничением физической неприкосновенности субъекта, предлагается включение всех подобных мер в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях, что обеспечит детальное регламентирование основания и порядка применения таких мер и будет способствовать соблюдению законности при применении мер принуждения.

Соответственно, в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях следует включить нормы, определяющие порядок применения сотрудниками полиции физической силы и специальных средств.

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М. : Мысль, 1997. Т. 2. С. 11–29. [Вернуться к статье](#)

2. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] : принята на респ. референдуме 30 авг. 1995 г. // ИПС «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 12.05.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Замечания общего порядка, принятые Комитетом по правам по пункту 4 статьи 40 Международного пакта о гражданских и политических правах. Замечание общего порядка № 27 (67). Свобода передвижения (статья 12) [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G99/459/25/PDF/G9945925.pdf?OpenElement> (дата обращения: 12.05.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Смокотнина Т. В. Легитимность и легальность государственной власти // Современное право. 2009. № 7. С. 6–7. [Вернуться к статье](#)

5. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 5 июля 2014 г. № 235-V ЗПК // ИПС «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (дата обращения: 12.05.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. О таможенном регулировании в Республике Казахстан [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Казахстан от 26 дек. 2017 г. № 123-VI // ИПС «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700000123> (дата обращения: 12.05.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОБСТВЕННИКОВ И ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ УЛИЧНЫХ АТТРАКЦИОНОВ

А. Г. Бачурин

*Барнаульский юридический институт МВД России,
доцент кафедры административного права
и административной деятельности ОВД,
кандидат юридических наук*

Л. Ю. Корниенко

*Барнаульский юридический институт МВД России,
курсант*

Аннотация. В статье авторами рассматривается правовая регламентация деятельности уличных аттракционов. Анализируется административная ответственность за нарушение технических регламентов и правил. Приводятся примеры возможных нарушений. Предлагаются меры по совершенствованию институтов лицензирования и норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в исследуемой сфере.

Ключевые слова: уличные аттракционы, оказание услуг, безопасность, правовая регламентация, технический регламент, административная ответственность, лицензирование.

Annotation. In the article, the authors consider the legal regulation of the activities of street attractions. Administrative responsibility for violation of technical regulations and rules is analyzed. Examples of possible violations are given. Measures are proposed to improve licensing institutions and the norms of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in the field under study.

Keywords: street attractions, provision of services, safety, legal regulation, technical regulations, administrative responsibility, licensing.

Уличные аттракционы являются весьма распространенным средством для развлечения детей и взрослых, хорошим инструментом получения прибыли в летний сезон в населенных пунктах или курортных местах. Однако известно немало случаев получения людьми травм при использовании аттракционов, имеют место даже факты летальных исходов или тяжелых увечий. Данная проблема актуальна как для Алтайского края и Барнаула в целом, так и для других регионов России, для зарубежных государств.

Актуальность проблемы ответственности для собственников и пользователей уличных аттракционов связана с недостаточной правовой регламентацией общественных отношений в данной сфере.

На международном уровне данный вопрос регламентируется Техническим регламентом Евразийского экономического союза № 114 [1], решением Коллегии Евразийской экономической комиссии № 25, ГОСТ 33807-2016 Межгосударственный стандарт «Безопасность аттракционов. Общие требования», данный нормативный правовой акт распространяется на Армению, Беларусь, Киргизию и Россию. Отметим, что в Республике Беларусь данный вопрос регламентируется еще и постановлением Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь № 67 [2]. В Республике Казахстан безопасность уличных аттракционов регламентируется Национальным стандартом Республики Казахстан СТ РК 3359-2019.

Постановлением Правительства Российской Федерации № 1939 утверждены Правила государственной регистрации аттракционов. Аттракцион должен быть зарегистрирован в органе Ростехнадзора, к тому же аттракционы подлежат государственной регистрации до ввода их в эксплуатацию, за исключением аттракционов, введенных в эксплуатацию до вступления в силу Правил государственной регистрации аттракционов.

Также к правовой регламентации данного вопроса относится Постановление Правительства Российской Федерации № 1732 [3], ГОСТ Р 56065-2014. Национальный стандарт Российской Федерации «Безопасность аттракционов. Оценка технического состояния. Продление срока службы» [4].

Ответственность в данной сфере предусмотрена только за ненадлежащее оказание услуг и за нарушение требований технических регламентов и закреплена она в ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая предусматривает уголовную ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей.

Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, а именно ст. 14.43 предусмотрена административная ответственность за нарушение изготовителем, исполнителем (лицом, выполняющим функции иностранного изготовителя), продавцом требований технических регламентов [5].

Однако наблюдается отсутствие института ответственности за несоблюдение правил эксплуатации аттракционов индивидуальными предпринимателями, а также за отсутствие государственной регистрации аттракционов. Возникает вопрос о том, кто будет нести ответственность в случае получения травм в процессе пользования аттракционами при условии исправности аттракционов. Рассмотрим данный вопрос на примере батутного центра.

Перед тем как посетители батутных центров приступят к пользованию предоставляемой услугой, они должны подписать договор, в котором прописано, что батутный центр не несет ответственность за полученные посетителями

травмы. Следовательно, в случае травматизма посетителей центр никакой ответственности не несет, а это значит, что пользователи сами несут за себя персональную ответственность. Но как быть в том случае, если травма была получена по причине необеспечения безопасности предоставляемой услуги, выразившейся в некачественной консультации по технике безопасности, проведенной инструктором батутного центра. В таком случае ответственность понесет инструктор, по вине которого была получена травма, согласно п. 1 ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, причиненный вред здоровью гражданина подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Судебная практика по данному вопросу говорит о том, что в случае получения травм пользователями аттракционов суд частично удовлетворяет поданные иски и принимает решение о взыскании компенсации морального вреда. Нельзя не сказать о том, что зачастую сами пользователи становятся виновниками травматизма, так как не соблюдают правила поведения на аттракционах, а также не дают оценку состоянию здоровья, которое не соответствует полученной нагрузке, не зря при посещении того или иного аттракциона имеются различного рода ограничения, например, ценз роста или возраста. В таком случае получения травм ответственность понесет пользователь аттракционов единолично без привлечения к ответственности собственника аттракциона.

Для оптимизации правоотношений и применительной практики в данной сфере мы предлагаем следующее:

1) лицензировать деятельность, связанную с эксплуатацией уличных аттракционов;

2) дополнить Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях ст. 14.43.2 и изложить ее в следующей редакции: «Нарушение правил или норм эксплуатации аттракционов»;

3) ввести ст. 14.43.3 в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и изложить ее в следующей редакции: «Эксплуатация аттракционов собственниками (пользователями) при наличии неисправностей или условий, при которых эксплуатация аттракционов запрещена»;

4) дополнить ст. 14.43 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях примечанием и изложить его в следующей редакции: «Юридические лица и граждане, деятельность которых связана с оказанием услуг развлекательного характера, освобождаются от ответственности, если вред был получен по вине пользователя, при условии исправности оборудования и проведения инструктажа о правилах пользования оборудованием и техники безопасности».

Данные новеллы, по нашему мнению, будут способствовать уменьшению количества случаев травматизма и летальных исходов на уличных аттракционах, а также позволят устранить отдельные правовые пробелы в законодательстве Российской Федерации.

1. О безопасности аттракционов [Электронный ресурс] : технический регламент Евразийского экономического союза (ТР ЕАЭС 038/2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Об утверждении Правил по обеспечению промышленной безопасности аттракционов [Электронный ресурс] : постановление М-ва по чрезвычайным ситуациям Респ. Беларусь, 27 дек. 2019 г. № 67. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Об утверждении требований к техническому состоянию и эксплуатации аттракционов [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации от 20 дек. 2019 г. № 1732 : в ред. от 09.10.2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Национальный стандарт Российской Федерации. Безопасность аттракционов. Оценка технического состояния. Продление срока службы» [Электронный ресурс] : ГОСТ Р 56065-2014 : утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 9 июля 2014 г. № 716-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 16.04.2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

МЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

В. В. Казаченок

*Казанский юридический институт МВД России,
доцент кафедры административного права,
административной деятельности и управления ОВД,
кандидат юридических наук, доцент*

Аннотация. В статье анализируется комплекс административно-правовых средств в области обеспечения дорожного движения. Детально рассмотрены меры административного пресечения с точки зрения их эффективности и результативности.

Ключевые слова: меры административного пресечения, дорожное движение, безопасность, административные правонарушения.

Annotation. The article analyzes the complex of administrative and legal means in the field of road traffic. The measures of administrative restraint from the point of view of their effectiveness and efficiency are considered in detail.

Keywords: measures of administrative restraint, traffic, security, administrative offenses.

Обеспечение безопасности дорожного движения по-прежнему остается актуальной проблемой в Российской Федерации. Наблюдается устойчивая тенденция роста административных правонарушений (в 2018 г. — 103 430 199, в 2019 г. — 117 205 596, в 2020 г. — 115 400 847, в 2021 г. — 119 386 107) [1]. Подобное положение обусловлено в основном увеличением количества средств фото-, видеофиксации, установленных в автоматическом режиме, выявляемых административные правонарушения. Небольшое снижение показателей в 2020 г. объясняется ограничением в передвижении в связи со сложившейся неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановкой из-за Covid-19. В 2021 году эта тенденция сохранилась.

Поэтому вопрос о необходимости пресечения административных правонарушений особенно остро проявляется в области дорожного движения. За словами «безопасность движения» стоят человеческие жизни. По мнению В. И. Майорова, и мы с ним солидарны, в дорожном движении полной безопасности для всех его участников в принципе не может быть, однако масштабы травматизма зависят от различных факторов [2, с. 100].

В этой связи пропаганда культуры и безопасности дорожного движения должна быть одним из важнейших направлений деятельности государства и общества. Дисциплинированность среди участников дорожного движения

препятствует совершению административных правонарушений. Именно поэтому сегодня очень важно говорить о формировании в Российской Федерации культуры вождения, о том, как необходимо себя вести, оказавшись участником дорожного движения. Формирование дисциплины как среди водителей и пассажиров транспортных средств, так и среди пешеходов позволит частично решить остро стоящую сегодня проблему аварийности на автомобильном транспорте.

Вместе с этим пресечение противоправных деяний, совершаемых участниками дорожного движения, играет не менее важную роль. При этом деятельность по пресечению правонарушений должна быть особо ориентирована на выявление лиц, управляющих транспортным средством в состоянии опьянения, своевременное выявление и пресечение таких правонарушений позволит избежать человеческих жертв.

Весьма широк спектр причин совершаемых административных правонарушений, к числу которых следует отнести: низкую дисциплинированность участников дорожного движения, сознательное допущение совершения правонарушений в области дорожного движения как элемент правового нигилизма сознания граждан, а также формирование в сознании граждан чувства безнаказанности за совершение правонарушений.

С точки зрения прикладного подхода следует выделить характерные признаки мер административного пресечения в сфере дорожного движения. Во-первых, данные меры являются мгновенной реакцией исполнительного органа власти, осуществляющего надзор за дорожным движением; во-вторых, они направлены непосредственно на лиц, совершаемых административное правонарушение и связаны с вмешательством в их действия (деятельность); в-третьих, многочисленность рассматриваемых мер позволяет разделить их на группы (например, общие, процессуальные, специальные); в-четвертых, правовое регулирование системы мер пресечения осуществляется различными нормативными правовыми актами, единый акт отсутствует.

При пресечении административных правонарушений необходимо заострить внимание на следующих аспектах: нарушение Правил дорожного движения (далее — ПДД) водителями транспортных средств — основная причина совершения дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП), при этом часть водителей в момент ДТП находятся в состоянии опьянения; среди совершаемых участниками дорожного движения административных правонарушений можно выделить те, которые чаще всего приводят к серьезным ДТП; больше трети ДТП с участием пешеходов происходят из-за нарушений ПДД самими пешеходами; множество ДТП происходят с участием водителей со стажем управления транспортным средством до двух лет. В этой связи необходима

организация такой системы, которая будет направлена не только на создание возможности пресечения правонарушений в области дорожного движения, но и способствование сокращения числа совершаемых ДТП.

Отдельно следует выделить проблему пресечения правонарушений, совершаемых лицами, находящимися в состоянии опьянения, что создает угрозу общественной безопасности и может повлечь за собой тяжкие последствия. Особо необходимо отметить ситуации, когда при выявлении правонарушения сотрудниками Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее — ГИБДД) водитель, находящийся в состоянии опьянения, пытается скрыться. В данном случае сотрудники полиции начинают преследование правонарушителя. Именно от правильных действий сотрудников полиции, предпринимаемых в ходе преследования, зависит эффективность пресечения административных правонарушений.

В качестве примера можно рассмотреть следующую правоохранительную ситуацию. Так, 21 ноября 2020 года на территории г. Казани сотрудники дорожно-патрульной службы (далее — ДПС) преследовали нетрезвого водителя, проигнорировавшего законное требование об остановке и создававшего реальную опасность для других участников дорожного движения. В ходе преследования правонарушителя патрульный автомобиль перевернулся и загорелся, находившиеся в нем два сотрудника погибли. Также установлено, что на встречной полосе обнаружен автомобиль со следами ДТП, в котором находились два пострадавших с травмами различной степени тяжести. Нарушителем оказался гражданин, находившийся в состоянии сильного алкогольного опьянения [3].

Приведенный случай свидетельствует о недостаточной эффективности предпринимаемых в ходе преследования правонарушителя мер административного пресечения. Сотрудники полиции, пытаясь пресечь административное правонарушение путем преследования правонарушителя, часто не реализуют свое право на применение огнестрельного оружия в отношении транспортного средства правонарушителя из-за боязни правовых последствий. В результате создается угроза здоровью и жизни как самих сотрудников, так и других участников дорожного движения.

Пресечение административных правонарушений в отношении лиц, не выполнивших требования об остановке и пытающихся скрыться, создавая при этом угрозу жизни и здоровью граждан, будет эффективно только тогда, когда сотрудник полиции будет применять на законных основаниях все необходимые в данной ситуации меры пресечения, не боясь понести ответственность за свои действия. При этом необходимо подчеркнуть, что сотрудник полиции не должен нести ответственность за действия, которые осуществлялись в рамках требований закона.

В целях обеспечения безопасности дорожного движения немаловажным фактором является участие институтов гражданского общества. Если со стороны государства будут приняты все меры, направленные на вовлечение граждан в данный процесс, тогда удастся не только выявлять и в последующем пресекать многие правонарушения, но и позволит снизить их количество. Лицо, управляющее транспортным средством, будет более дисциплинировано тогда, когда у него возникнет понимание, что совершенное им правонарушение будет зафиксировано и направлено для дальнейшего рассмотрения. Факт правонарушения в этом случае фиксируется уже не стационарным средством фиксации, о расположении которого известно, а любым водителем или пешеходом, оказавшимся рядом и проявившим гражданскую сознательность.

В этой связи одним из действенных механизмов является мобильное приложение «Народный инспектор». Система работает с изображениями, которые присылают водители, выявившие факты нарушений ПДД [4, с. 37–38]. Схожие схемы привлечения граждан к выявлению нарушений ПДД активно используются и в зарубежных странах.

Такой инструмент воздействия на правонарушителей, как фото- и видеофиксация правонарушения на принадлежащие гражданам смартфоны или иные записывающие устройства (стационарные фото- и видеокамеры, автомобильные видеорегастраторы и т.п.), с последующей передачей записи в органы внутренних дел должен стать основным средством выявления правонарушений, что, в свою очередь, позволит более эффективно осуществлять реализацию принципа неотвратимости наказания. Дальнейшее развитие и внедрение технических средств фото- и видеофиксации правонарушений позволят в значительной степени повысить эффективность деятельности по их выявлению и существенно облегчат их анализ и квалификацию. В результате автоматизированные системы будут способствовать пресечению правонарушений указанной категории и дальнейшему снижению аварийности на дорогах России.

Следует уделить внимание еще одной важной проблеме, связанной с пресечением правонарушений лиц, управляющих электрическими средствами передвижения малой мощности. Поскольку такие средства передвижения, как электросамокаты, гироскутеры, сигвеи и другие, имеющие мощность до 0,25 кВт, в Правилах дорожного движения не обозначены, то лица, управляющие ими, считаются пешеходами [5]. Проблема правового регулирования использования таких средств обозначена еще в 2016 г., однако до настоящего времени еще не разрешена ввиду отсутствия единого концептуального подхода. Вместе с этим с каждым годом увеличивается число обращений в травматологические центры в результате ДТП с их участием. В этой связи в отдельных субъектах Российской Федерации предприняли меры по внесению изменений

в деятельность кикшеринговых компаний по использованию электросамокатов (ограничение скоростного режима и пр.). При этом владельцев частных средств индивидуальной мобильности такие ограничения не коснулись.

В последние годы с увеличением работающих в автоматическом режиме средств фото- и видеофиксации количество нарядов ДПС ГИБДД в России было сокращено, однако ряд правонарушений пресечь без помощи сотрудников ГИБДД не представляется возможным. Особенно это касается выявления водителей, находящихся в состоянии опьянения. Данный аспект касается и пресечения правонарушений, совершаемых лицами, управляющими электросамокатами и подобными им средствами передвижения. Такие электрические средства передвижения не имеют идентификационных номеров, поэтому применение средств фото- и видеофиксации в этом случае не целесообразно.

Анализ применения мер административного пресечения в дорожной сфере дал возможность выявить следующие проблемы: 1) недостаточная эффективность пресечения административных правонарушений, совершаемых лицами, находящимися в состоянии опьянения и лицами, пытающимися скрыться; 2) неразвитость механизмов участия гражданского общества в деятельности по пресечению нарушений ПДД; 3) недостаточная численность сотрудников ДПС ГИБДД.

Выявленные проблемы при пресечении правонарушений свидетельствуют о необходимости принятия мер по их устранению. Только в этом случае деятельность ГИБДД в данном направлении будет наиболее эффективной. В связи с этим представляется целесообразным применение следующих мер по совершенствованию данного направления деятельности:

1. Выставление мобильных постов ДПС ГИБДД в зависимости от типа населенного пункта, числа населения, оперативной обстановки и состояния аварийности.

2. Сохранение оптимальной штатной численности сотрудников ДПС ГИБДД.

3. Проведение с сотрудниками ГИБДД занятий в рамках служебной подготовки, в том числе огневой, с отработкой различных ситуаций по пресечению правонарушений и преследованию автотранспортных средств.

4. Проведение комплекса организационных мероприятий силами сотрудников отдела пропаганды и агитации ГИБДД по активизации участия гражданского общества на пресечение нарушений ПДД.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что сотрудники полиции наделены достаточными полномочиями по применению мер административного пресечения и административно-правовые средства позволяют успешно реализовать данную правоохранительную задачу.

1. Показатели состояния безопасности дорожного движения. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 12.04.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Майоров В. И. Содержание понятия «Безопасность дорожного движения»: теоретические основы // Вестн. ЮУрГУ. 2012. № 7 (29). С. 99–101. [Вернуться к статье](#)
3. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации по Республике Татарстан. URL: <https://16.мвд.рф/news/item/11508663> (дата обращения: 12.04.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Казаченок В. В. Повышение уровня культуры водителей как фактор безопасности дорожного движения // Юрид. наука и правоохранительная практика. 2016. № 2 (36). С. 33–40. [Вернуться к статье](#)
5. О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») : постановление Правительства Рос. Федерации от 23 окт. 1993 г. № 1090 : в ред. от 31.12.2020 г. // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 47. Ст. 4531. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

ОСОБЕННОСТИ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С КУПАНИЕМ В ЗАПРЕЩЕННЫХ МЕСТАХ

С. Н. Климов

*Могилевский институт МВД (Беларусь),
старший преподаватель кафедры административной
деятельности факультета милиции*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы выявления и документирования правонарушений, связанных с купанием в запрещенных местах, предложения по подготовке дел об административных правонарушениях к рассмотрению.

Ключевые слова: купание, запрещенное место, массовый отдых, правонарушение, ответственность.

Annotation. The article deals with topical issues of identification and documentation of offenses related to bathing in prohibited places, proposals for the preparation of cases of administrative offenses for consideration.

Keywords: bathing, prohibited place, mass recreation, offense, responsibility.

Актуальностью данного исследования является предупреждение несчастных случаев с гибелью граждан на водах и принятие дополнительных мер со стороны органов местной власти во взаимодействии с правоохранительными органами и общественными объединениями по предупреждению происшествий данного вида.

По состоянию на 31 декабря 2021 года только в Могилевской области от утопления погибло 77 человек (в 2020 г. — 48), из них при купании 28 (15), в числе погибших от утопления 8 (5) детей [1]. Такая статистика несчастных случаев зафиксирована еще до начала купального сезона и времени летних отпусков населения и каникулярного периода у детей.

С учетом сезонности данных происшествий от органов государственной власти и управления требуется своевременное принятие мер по обеспечению безопасного пребывания граждан в местах массового отдыха, в связи с чем автором публикации исследован комплекс организационных и практических мероприятий, принимаемых в отдельно взятом регионе и предложены пути совершенствования профилактической работы в данном направлении. Рассмотрим этот вопрос в разрезе мер общей и индивидуальной профилактики правонарушений.

К мерам общей профилактики правонарушений следует отнести ежегодную работу территориальных органов внутренних дел (далее — ОВД), заключающуюся в анализе состояния оперативной обстановки и подготовке информационной записки в местный орган исполнительной власти, с предложениями организационно-практического характера, в том числе по обеспечению безопасности людей на водоемах. Районным исполнительным комитетом (далее — РИК) принимается соответствующее решение, в котором определяются участки водоемов для отдыха граждан с организацией купания. Создается комиссия по проверке готовности к летнему сезону районных пляжей и детских оздоровительных лагерей. В состав комиссии, как правило, целесообразно включать: председателя комиссии — заместителя председателя РИК по социальным вопросам; членов комиссии: председателя районной организации «Общество спасения на водах», представителя зонального центра гигиены и эпидемиологии, руководителей структурных подразделений жилищно-коммунального хозяйства, территориального ОВД и районного отдела по чрезвычайным ситуациям (далее — РОЧС). Комиссией совместно с председателями сельских исполнительных комитетов и организациями, закрепленными за участками водоемов для отдыха, обследуются водные объекты, пляжи, их акватории на предмет готовности к купальному сезону с составлением актов готовности. Согласно Правилам охраны жизни людей на водах Республики Беларусь, участки водоемов для отдыха должны быть оборудованы и иметь павильоны (киоски) для хранения средств спасания и размещения спасательных постов, тентовые навесы и иное оборудование на пляжах, обозначение берегового участка пляжа знаками (табличками) с надписью «граница пляжа», должен быть определен режим работы спасательного поста [2]. Перечень указанных инженерно-технических мероприятий оформляется в виде технического паспорта пляжей. Субъектами профилактики проводится широкая разъяснительная работа с населением в трудовых коллективах и учебных заведениях, в том числе с использованием средств массовой информации и интернет-сайтов, с разъяснением вопросов безопасного поведения на воде, по профилактике несчастных случаев, оказанию первой медицинской помощи терпящим бедствие на воде. В учреждениях и организациях оформляются уголки республиканского государственного общественного объединения «Белорусское республиканское общество спасания на водах» (далее — ОСВОД).

В разрешенных участках для отдыха граждан с организацией купания, как правило, несчастные случаи не регистрируются, так как гражданам своевременно оказывается необходимая помощь со стороны спасателей и сотрудников милиции, осуществляющих дежурство на пляже. На таких объектах сотрудниками милиции наибольшее внимание уделяется предупреждению фактов

распития алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива, потреблению наркотических средств и психотропных веществ, появлению в общественном месте в состоянии опьянения, соблюдению правил дорожного движения, остановки и стоянки транспорта в разрешенных местах.

Наибольшую сложность по контролю за соблюдением правопорядка и безопасности граждан на водоемах, по нашему мнению, составляют места, специально не предназначенные для массового отдыха граждан, которые чаще всего образуются стихийно и быстро становятся посещаемыми населением, так как расположены непосредственно или вблизи населенных пунктов. В таких местах заинтересованными службами комплекс мероприятий, предусмотренных Правилами охраны жизни людей на водах в Республике Беларусь [2], не проводится, на постоянной основе не организуется несение службы сотрудниками милиции и спасателями ОСВОД, вследствие чего массовое пребывание людей на данных водоемах становится небезопасным. Несмотря на это, в соответствии со ст. 41 Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», решение указанных вопросов входит в компетенцию исполнительных комитетов и непосредственно возлагается на территориальные ОВД и РОЧС [3].

На примере Могилевского района по состоянию на 4 мая 2022 года количество различных водоемов, специально не предназначенных для купания (пруд, озеро, карьер, река), составляет 34 единицы против двух разрешенных водоемов для отдыха и купания граждан (пляж пруда в деревне Вильчицы, пляж реки Днепр в агрогородке Польшковичи). В целях недопущения происшествий на указанных выше водных объектах этим же решением РИК определяются и закрепляются ответственные должностные лица предприятий и организаций, крестьянско-фермерских хозяйств, ответственных за благоустройство и поддержание санитарного порядка. Дополнительно указанным субъектам хозяйствования поручается изготовить и установить соответствующие информационные стенды с надписью «купаться запрещено» и указанием ответственности, предусмотренной за нарушение ст. 24.42 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее — КоАП) «Купание в запрещенных местах», санкция которой влечет штраф в размере от одной до трех базовых величин [4]. Наличие информационного стенда и его визуализация (наглядность и удобочитаемость, место расположения) являются одними из обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу об административном правонарушении, так как на момент его совершения физическое лицо должно сознавать противоправность своего деяния, предвидеть его вредные последствия и желать или сознательно допускать наступления этих последствий либо относиться к ним безразлично (ст. 2.3 КоАП). Однако непринятие мер по обозначению

информационными стендами мест, где купание запрещено, не во всех случаях будет являться обстоятельством, исключаящим административный процесс в отношении физического лица (п. 2, ч. 1, ст. 9.6 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее — ПИК_оАП)) [5].

Применительно к мерам индивидуальной профилактики правонарушений, в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 2.2 КоАП, вышеуказанное правонарушение относится к категории административного проступка, так как за его совершение предусмотрено наложение административного взыскания в виде штрафа в размере, не превышающем десяти базовых величин. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 3.30 ПИК_оАП, правом составлять протоколы об административном правонарушении по ст. 24.42 КоАП наделены (исключительно) уполномоченные на то должностные лица органов внутренних дел (в основном это сотрудники подразделений охраны общественного порядка и профилактики (участковые инспекторы милиции, участковые инспекторы инспекции по делам несовершеннолетних (далее — ИДН), сотрудники ОВД на транспорте, милиционеры по охране территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению (далее — ТРЗ), милиционеры патрульно-постовой службы милиции (далее — ППСМ) в части ведения административного процесса в ускоренном порядке)) [6]. Правом рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных по ст. 24.42 КоАП, уполномочены административные комиссии районного (городского) исполнительного комитета, администрации района в городе (ст. 3.4 ПИК_оАП).

Применительно к Могилевскому району и аналогичным регионам республики, в основном расположенным вокруг областных центров, в структуру территориальных органов не входят подразделения ППСМ, ОВД на транспорте, милиционеры по охране ТРЗ. Поэтому в большинстве регионов, по мнению автора, данная работа в основном возложена на участковых инспекторов милиции и инспекторов ИДН. Для правонарушений данного вида характерна сезонность (май – сентябрь), которая совпадает с периодом проведения мероприятий летней занятости несовершеннолетних, круглосуточным дежурством сотрудников служб милиции общественной безопасности по охране общественного порядка в детских оздоровительных лагерях, проведением целевых мероприятий в рамках уборочной кампании. Совокупность служебных задач, возложенных на ОВД в летний период, не позволяет в полном объеме проводить рейдовые мероприятия по обеспечению безопасности людей на водоемах в границах административных участков, закрепленных за участковыми инспекторами милиции и инспекторами ИДН.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 ноября 2004 года № 1473 утвержден Устав добровольной, некоммерческой

организации ОСВОД основанной на членстве юридических и физических лиц, осуществляющей свою деятельность на всей территории Республики Беларусь, предметом и целью деятельности которой является максимально возможное снижение вероятности гибели людей на водах [2].

Координацию деятельности ОСВОД при проведении аварийно-спасательных, спасательных и поисковых работ на водах осуществляет Министерство по чрезвычайным ситуациям в пределах своей компетенции.

В соответствии со ст. 5 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [7], субъектами профилактики, наряду с ОВД, являются органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь (далее — органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям).

В соответствии со ст. 14 Закона Республики Беларусь от 16 июля 2009 г. «Об органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь», органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям в целях выполнения возложенных на них задач в пределах своей компетенции обязаны: принимать меры общей и индивидуальной профилактики преступлений и административных правонарушений, предусмотренные законодательными актами; осуществлять в пределах своей компетенции производство по материалам и уголовным делам; вести административный процесс [8].

Органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям в целях выполнения возложенных на них задач в пределах своей компетенции имеют право запрашивать и получать в порядке, установленном законодательством, от государственных органов, иных организаций и граждан необходимую для выполнения задач, полную и достоверную информацию, в том числе из информационных систем (банков данных) государственных органов, иных организаций (ст. 16) [8].

В соответствии с ч. 5 ст. 3.30 ПИКоАП, органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям наделены правом составлять протоколы о предусмотренных пятью различными составами административных правонарушениях, три из которых включены в главу 24 КоАП «Административные правонарушения против порядка управления», к которой также отнесен состав правонарушения, предусмотренный ст. 24.42 КоАП «Купание в запрещенных местах». Согласно ч. 2 ст. 10.1 КоАП, определен ускоренный порядок ведения административного процесса, когда протокол об административном правонарушении не составляется. По нашему мнению, при всей очевидности характера совершенного административного правонарушения (купание в запрещенном месте), при признании физическим лицом своей вины дополнительных доказательств не потребуется.

С учетом изложенного и в целях расширения полномочий органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям по составлению протоколов об административных правонарушениях, считаем целесообразным внести дополнения в абз. 4 п 5 ч. 1 ст. 3.30 ПИКоАП, изложив ее в следующей редакции:

«органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям (по статьям 19.6, 24.24, 24.38, 24.39, 24.42, 25.3 КоАП);».

Таким образом, наделение полномочиями сотрудников органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям на составление административных протоколов за купание в запрещенном месте позволит усилить профилактическую составляющую в данном направлении при непосредственном выполнении возложенных задач по предназначению.

1. Республиканское государственно-общественное объединение «Белорусское республиканское общество спасения на водах» (ОСВОД) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.osvod.by/> (дата обращения: 18.05.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. О внесении изменений и дополнений в Устав республиканского государственно-общественного объединения «Белорусское республиканское общество спасения на водах» и утверждении Правил охраны жизни людей на водах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 11 дек. 2009 г. № 1623. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2010 г. № 108-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 92-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. О полномочиях должностных лиц органов внутренних дел [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 19 февр. 2021 г. № 47. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. № 122-3 : с изм. и доп. от 18.07.2016 г. № 401-3, от 09.01.2018 г. № 91-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

8. Об органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 16 июля 2009 г. № 45-3 : с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9:351.74

РАННЯЯ ПРОФИЛАКТИКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ю. А. Колотилкин

*Могилевский институт МВД (Беларусь),
начальник кафедры административной
деятельности факультета милиции*

Аннотация. *Предупреждение правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений является приоритетным направлением в деятельности органов внутренних дел. В подавляющем большинстве случаев реагирование на факты семейных скандалов осуществляется участковыми инспекторами милиции, а применяемые меры должны быть действенными и способными своевременно осуществлять профилактические меры воздействия.*

Ключевые слова: *насилие, семья, противодействие, меры, законодательство, нормы.*

Annotation. *Prevention of offenses in the field of family and domestic relations is currently a priority in the activities of authorities and administrations, public formations. In the overwhelming majority of cases, the investigation into the facts of family scandals is carried out by internal affairs bodies within the framework of administrative legislation.*

Keywords: *violence, family, counteraction, measures, legislation, norms.*

Законом Республики Беларусь «Об органах внутренних дел» определены правовые и организационные основы деятельности органов внутренних дел, установлены обязанности, права сотрудников, а также их гарантии правовой и социальной защищенности [1].

Являясь государственным органом, правоохранительные органы, осуществляющие борьбу с преступностью, охрану общественного порядка, обеспечивают общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на них законами и иными законодательными актами.

Милиция является системой подразделений органов внутренних дел Республики Беларусь, призванной защищать жизнь, здоровье, честь, достоинство, права, свободы и законные интересы граждан, права и законные интересы организаций, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств [2].

В структуру милиции входит милиция общественной безопасности, основными задачами которой являются профилактика, выявление, пресечение преступлений и административных правонарушений, в том числе в сфере семейно-бытовых отношений. В состав милиции общественной безопасности входит достаточно много служб, однако именно служба участковых инспекторов милиции в первую очередь наделена соответствующими правами и обязанностями в части обеспечения противодействия правонарушениям в сфере семейно-бытовых отношений.

Руководствуясь правами и обязанностями, участковые инспекторы милиции осуществляют практическую реализацию нормативно-правовой системы законодательства, направленную на предупреждение насилия в сфере семейно-бытовых отношений [1].

Система законодательства содержит достаточно большой перечень нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность субъектов профилактики правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, однако Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь являются наиболее действенными и способными своевременно осуществлять профилактические меры воздействия к лицам, допускающим семейно-бытовое насилие, осуществлять профилактику тяжких преступлений [3].

В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях содержатся деяния, содержащие признаки административных правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений. Однако эти нормы могут реализовываться лишь при наличии выраженного в установленном порядке требования потерпевшего либо законного представителя о привлечении лица, совершившего административное правонарушение, к административной ответственности.

Административный процесс по делам об административных правонарушениях в сфере семейно-бытовых отношений начинается только по требованию потерпевшего либо законного представителя привлечь лицо, совершившее административное правонарушение, к административной ответственности, выраженное в форме заявления, и подлежит прекращению в случае примирения с лицом, в отношении которого ведется административный процесс, при этом примирение по делам об административных правонарушениях допускается только до объявления постановления по делу об административном правонарушении.

Законодательством предусмотрена возможность начала административного процесса и без заявления потерпевшего либо его законного представителя. Административный процесс в таких ситуациях может быть начат прокурором,

и в случае примирения потерпевшего либо законного представителя с лицом, в отношении которого ведется административный процесс, не подлежит прекращению [4].

Однако данная возможность, предоставленная законодательством, не носит характера действенных и незамедлительных профилактических мер, так как собранный материал о семейно-бытовом конфликте подлежит направлению в прокуратуру с ходатайством о возбуждении административного процесса, в то время как лицо, допустившее правонарушение в быту, не понесло какой-либо ответственности и временно не изолировано.

Несмотря на имеющиеся действенные права по привлечению семейных скандалистов к административной ответственности, в практике применения данной нормы возникают определенные сложности. В качестве примера может быть рассмотрена следующая ситуация. Между совместно проживающими супругами происходит семейно-бытовой конфликт, супруг совершает в отношении супруги действия, указанные в диспозиции статьи, в результате чего супруга обращается в милицию. По прибытии на место происшествия участковый инспектор милиции проводит разбирательство, потерпевшей предлагается написать заявление о привлечении супруга к установленной законом административной ответственности, разъясняются права и обязанности. Супруга от написания заявления категорически отказывается, ссылаясь на большие штрафы. Супруг ведет себя спокойно, признаков алкогольного опьянения у него нет, он признает себя виновным в произошедшем конфликте, обещает помириться с супругой. При опросе соседей участковыми инспекторами милиции установлено, что семья, где произошел конфликт, считается благополучной, о конфликтах в данной семье соседям ничего не известно. Собрав административный материал по факту сообщения о семейно-бытовом конфликте, участковые инспекторы милиции провели разъяснительную беседу с супругами и покинули квартиру. Через непродолжительное время по указанному адресу вновь происходит семейно-бытовой конфликт, в результате которого супруг причиняет супруге ножевое ранение в область сердца, от которого последняя погибает на месте.

В рассмотренной ситуации, которая в практике возникает достаточно часто, но с гораздо меньшими последствиями, у сотрудников милиции, прибывших на место по сообщению о семейно-бытовом конфликте, не было законных оснований для изоляции семейного скандалиста из квартиры по причине отсутствия заявления в устной либо письменной форме от потерпевшей стороны. Необходимость изоляции лица, совершившего насильственные действия в быту, как правило, возникает в каждом случае семейно-бытовых скандалов. Санкция статьи, помимо штрафа, предусматривает административный арест,

соответственно, лицо может быть задержано в административном порядке на срок свыше трех часов, но не более чем на семьдесят два часа. Таким образом, в целях профилактики и предупреждения тяжких и особо тяжких последствий семейно-бытовых конфликтов, на их ранней стадии необходимо принимать исчерпывающие меры изоляции семейных агрессоров.

В данном случае целесообразно частично пересмотреть содержание статьи, в перечне которой в части исключения из перечня административных правонарушений, влекущих ответственность только по требованию потерпевшего лица, и предусмотреть возможность примирения сторон при рассмотрении административного дела по указанному правонарушению в суде.

1. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-З: с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 6 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. № 91-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 92-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Республики 18 дек. 2020 г. № 91-З : с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

ИЗЪЯТИЕ ВЕЩЕЙ И ДОКУМЕНТОВ КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА: ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

С. В. Кончатова

*Могилевский институт МВД (Беларусь),
преподаватель кафедры административной
деятельности факультета милиции*

Аннотация. Рассматриваются административно-правовые аспекты реализации меры обеспечения административного процесса — изъятие вещей и документов. Предлагаются дополнения в статью 8.9 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Ключевые слова: мера обеспечения административного процесса, изъятие вещей и документов, личный обыск задержанного.

Annotation. The administrative and legal aspects of the implementation of the measure to ensure the administrative process are considered: the seizure of things and documents. Additions to the article are offered 8.9 Procedural and Executive Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses.

Keywords: A measure to ensure the administrative process, the seizure of things and documents, a personal search of the detainee.

Согласно ст. 2 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», к задачам органов внутренних дел относятся профилактика, выявление, пресечение административных правонарушений, ведение административного процесса в соответствии с их компетенцией [1].

В соответствии с ч. 1 ст. 8.1 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИКоАП), в целях пресечения административных правонарушений, установления личности физического лица, в отношении которого ведется административный процесс, составления протокола об административном правонарушении, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела и исполнения постановлений по делу об административном правонарушении к физическому лицу могут быть применены меры обеспечения административного процесса [2].

К одной из мер обеспечения административного процесса относится изъятие вещей и документов.

В ст. 8.9 ПИКоАП законодатель четко регламентирует порядок и процессуальную регламентацию осуществления данной меры обеспечения

административного процесса, направленную на сбор вещественных доказательств по делам об административных правонарушениях, а также на недопущение продолжения использования орудий совершения или предметов административного правонарушения в противоправных целях.

В соответствии со ст. 3.30 ПИКоАП, полномочиями по изъятию вещей и документов обладают должностные лица, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях.

Изъятие вещей и документов по делам об административных правонарушениях осуществляется в целях получения и обеспечения сохранности доказательственного материала, необходимого для всестороннего и полного разрешения конкретного дела, а также для обеспечения исполнения решения, принятого по делу об административном правонарушении.

Будучи самостоятельной мерой обеспечения административного процесса, изъятие в реальной действительности нередко реализуется как элемент личного обыска задержанного. Отсутствие у соответствующего должностного лица органов внутренних дел информации о точном местонахождении интересующих его предметов обуславливает необходимость их поиска, который и осуществляется в ходе личного обыска задержанного.

В ч. 1 ст. 8.6 ПИКоАП так и указано, что в целях обнаружения на теле или в одежде задержанного лица орудий и средств совершения административного правонарушения, предметов, документов и ценностей, имеющих значение для административного процесса, проводится личный обыск задержанного [2].

Возникает вопрос: изъятие вещей и документов — это составная часть личного обыска задержанного либо самостоятельное процессуальное действие?

Если рассматривать изъятие как заключительный этап иных процессуальных действий, то при проведении личного обыска изъятию предшествует подробное осматривание тела и одежды задержанного. То есть личный обыск проводится с целью обнаружения таких предметов, а потом уже и изъятия.

А если физическое лицо, в отношении которого ведется административный процесс, добровольно выдает такие предметы лицу, ведущему процесс?

Представляется справедливым утверждать, что в таком случае изъятие вещей и документов следует рассматривать как самостоятельное процессуальное действие.

Добровольная выдача может быть свидетельством чистосердечного раскаяния нарушителя, его стремления возместить ущерб, что при разрешении дела может оцениваться в качестве обстоятельств, смягчающих ответственность за правонарушение. В таком случае в протоколе изъятия отражается добровольный факт выдачи вещей и документов.

Изъятие вещей и документов оформляется специально составленным протоколом либо о факте изъятия производится соответствующая запись в протоколе об административном правонарушении, протоколе осмотра, протоколе о личном обыске или протоколе административного задержания физического лица [2].

Выбор той или иной формы фиксации производимого процессуального действия зависит от фактического способа его проведения и последовательности действий, осуществляемых в связи с конкретным правонарушением. Так, если сотрудник дорожно-патрульной службы Государственной автомобильной инспекции имеет все необходимые данные для составления протокола об административном правонарушении при производстве изъятия документов, то факт изъятия может быть отражен в данном протоколе в соответствующей графе. Если административное задержание физического лица сопровождалось изъятием имеющихся при нем вещей, такое изъятие следует зафиксировать в протоколе административного задержания. В случае когда при ведении административного процесса правонарушитель не подлежит административному задержанию, о применении меры составляется отдельный протокол изъятия вещей и документов или делается соответствующая запись в ином процессуальном документе.

Например, при выявлении участковым инспектором милиции факта незаконного выращивания на приусадебном участке мака, содержащего наркотические средства, оформляется протокол осмотра места совершения административного правонарушения. В отдельной части протокола осмотра отражается информация об осуществлении изъятия мака. Изъятие следует проводить в присутствии понятых, которые должны видеть ход осуществления изъятия мака с приусадебного участка конкретного физического лица, в отношении которого ведется административный процесс. Отсутствие понятых может привести к значительному обесцениванию доказательных значений, полученных в результате применения рассматриваемой меры фактических данных об обстоятельствах совершенного правонарушения. Административное задержание физического лица в данном случае не требуется.

Обращает на себя внимание тот факт, что в действующем административно-процессуальном законодательстве отсутствует определение изъятия вещей и документов.

На наш взгляд, отсутствие данной дефиниции в действующем законодательстве «изъятие вещей и документов» не совсем обоснованно. Поэтому предлагаем ч. 1 ст. 8.9 ПИКоАП «Изъятие вещей и документов» дополнить словами следующего содержания:

«Изъятие вещей и документов заключается в принудительном прекращении владения (пользования, распоряжения) лицом, в отношении которого ведется административный процесс, определенной вещью (предметом) или документом».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в процессе личного обыска и проведения иных процессуальных действий нередко возникает необходимость изъятия обнаруженных доказательств.

После рассмотрения дела об административном правонарушении в зависимости от принятого по делу решения изъятые предметы могут быть конфискованы, реализованы, уничтожены или возвращены владельцу.

1. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 6 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСМОТРА МЕСТА СОВЕРШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

С. В. Кончатова

*Могилевский институт МВД (Беларусь),
преподаватель кафедры административной
деятельности факультета милиции*

А. П. Шматюк

*Могилевский институт МВД (Беларусь),
курсант факультета милиции*

Аннотация. Рассматриваются административно-правовые аспекты реализации осмотра как административно-процессуального действия.

Ключевые слова: осмотр места совершения административного правонарушения, процессуальное действие.

Annotation. The administrative and legal aspects of the implementation of the inspection as an administrative and procedural action are considered.

Keywords: inspection of the place of committing an administrative offense, procedural action.

Осмотр в административном процессе представляет собой непосредственное обнаружение, восприятие и исследование объектов, их признаков, свойств, состояния и взаиморасположения. Осмотр — это самостоятельное процессуальное действие. Имея некоторые сходные черты с другими процессуальными действиями, оно в то же время принципиально отличается от них как по процессуальной природе, так и по тактике проведения.

Осмотр места совершения административного правонарушения характеризуется как наиболее сложное процессуальное действие.

В учебниках криминалистики называются семь вопросов, подлежащих разрешению в процессе осмотра. Авторы, выдвигавшие их, попросту приспособили к осмотру так называемую семичленную формулу, разработанную еще юристами Древнего Рима. Вопросы римских юристов: что? кто? где? когда? зачем? как? чем? — не могут быть отвергнуты [1, с. 7].

Осмотр как средство непосредственного восприятия должностным лицом государственного органа, ведущего административный процесс, — одно из немногих процессуальных действий, использовавшихся для собирания и исследования доказательств.

Согласно ч. 1 ст. 11.10 «Осмотр» Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИК_оАП),

основанием для проведения осмотра места совершения административного правонарушения, помещения, жилища и иного законного владения, предметов и документов является наличие достаточных оснований полагать, что в ходе осмотра могут быть обнаружены следы административного правонарушения, иные материальные объективные, выяснены другие обстоятельства, имеющие значение для дела об административном правонарушении [2].

К участию в осмотре соответствующие должностные лица вправе привлечь специалиста. Кроме этого, согласно действующему законодательству, в проведении осмотра могут участвовать понятые.

Основным средством фиксации хода и результатов осмотра является протокол. Он составляется с соблюдением требований ст. 11.10 ПИК_оАП. В нем подробно описываются все действия в той последовательности, которая была при осмотре. В протоколе перечисляются и описываются все изъятые при осмотре предметы, каким образом они упакованы и какой печатью опечатаны.

Если в процессе осмотра применялись средства фиксации — фотографирование, звуко- и видеозаписи, фоно- и видеogramмы, то в протоколе делается подробная запись об этом с отражением условий и порядка их применения.

А. В. Лубенков в монографии «Задержание и личный обыск физического лица в административном процессе Республики Беларусь» отражает, что нормативная регламентация осмотра в административном праве Республики Беларусь впервые была закреплена в ПИК_оАП от 20 декабря 2006 года. В предыдущие периоды существования государства и права Беларуси рассматриваемое процессуальное действие проводилось лишь в ходе уголовно-процессуальных отношений. Развитие нормативной регламентации осмотра осуществлялось в эволюционно-прогрессивном направлении [3, с. 73].

Проанализировав ст. 11.10 «Осмотр» ПИК_оАП, можно сделать вывод о том, что данная статья не в полной мере отражает имеющийся в данном процессуальном действии потенциал.

Отчасти это можно объяснить тем, что в теории административно-деликтного процесса не разработана в достаточной степени правовая характеристика данного процессуального действия.

Ю. П. Шкаплеров в монографии «Осмотр и освидетельствование на досудебных стадиях уголовного процесса» указывает, что анализ норм белорусского уголовно-процессуального закона, относящихся к регламентации осмотра, позволяет определить структуру этого следственного действия, включающую в себя: 1) основания проведения осмотра; 2) процессуальный порядок осмотра, который, в свою очередь, состоит из общих правил, относящихся ко всем его видам и правил проведения отдельных видов этого следственного действия [4, с. 44].

В ПИКоАП присутствует всего одна норма, разъясняющая процессуальную регламентацию осмотра.

Мы полагаем, что имеющиеся недоработки и отсутствие четкого разграничения видов осмотра в административно-процессуальном законодательстве, его оснований и целей естественным образом не облегчают правоприменительную деятельность.

Для того, чтобы хорошо и обстоятельно провести осмотр места происшествия, необходимо четко представлять его задачи, которые заключаются, на наш взгляд, в следующем:

- в выявлении, фиксации и изъятии следов и вещественных доказательств, свидетельствующих о характере события, его обстоятельствах и виновных лицах;

- в определении, какие предметы остались на месте совершения административного правонарушения.

Также, помимо задач, необходимо обратить внимание на условия осмотра места совершения правонарушения:

- своевременность осмотра, которая заключается в проведении осмотра сразу же, как в нем возникнет необходимость; цель осмотра в таком случае — обеспечение максимальной сохранности к моменту осмотра его объектов;

- полнота и объективность осмотра; то есть исследование и фиксация при осмотре всего обнаруженного в том виде, какой был в действительности.

Таким образом, для систематизации и упрощения реализации осмотра считаем целесообразным внести следующие изменения в ПИКоАП:

1. Преобразовать ст. 11.10 «Осмотр» ПИКоАП в отдельные статьи по видам осмотра как структурные единицы:

- «Осмотр места совершения административного правонарушения»;

- «Осмотр помещения, жилища и иного законного владения»;

- «Осмотр помещения юридического лица либо индивидуального предпринимателя»;

- «Осмотр предметов и документов»;

- «Осмотр транспортного средства».

2. Определить основания и порядок проведения каждого из вида осмотра как процессуального действия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что осмотр места совершения административного правонарушения — это неотложное процессуальное действие, которое состоит из познавательных и удостоверительных операций должностного лица, органа, ведущего административный процесс, выполняемых на месте обнаружения признаков совершенного административного правонарушения с целью отыскания и закрепления следов, предметов и других

объектов, позволяющих установить обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

1. Сборник научных работ слушателей : сб. науч. ст. / Карагандинская высш. шк. МВД СССР ; редкол.: С. Н. Сабикинов. Караганда, 1976. 115 с. [Вернуться к статье](#)

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Лубенков А. В., Шкаплеров Ю. П. Задержание и личный обыск физического лица в административном процессе Республики Беларусь : монография ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь». 2-е изд., стер. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2015. 124 с. [Вернуться к статье](#)

4. Шкаплеров Ю. П., Родевич Л. И. Осмотр и освидетельствование на досудебных стадиях уголовного процесса : монография. Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2012. 168 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.91

СРЕДСТВА АВТОМАТИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

А. К. Костылев

*Тюменский институт повышения квалификации
сотрудников МВД Российской Федерации,
доцент кафедры административной деятельности ОВД,
кандидат юридических наук, доцент*

Аннотация. В статье поднимаются проблемы использования средств автоматической фиксации как источника доказательств по делам об административных правонарушениях. Рассматривается судебная практика применения административной ответственности юридических лиц на основании показаний средств фиксации административных правонарушений, работающих в автоматическом режиме. В связи с этим вносится ряд предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: средства автоматической фиксации, административное правонарушение, доказательство, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Правила дорожного движения Российской Федерации.

Annotation. The article deals with the problems of using instruments of automated fixation, as a source of evidence in cases of administrative offences. The judicial practice of applying administrative liability of legal entities on the basis of indications of means of fixing administrative offenses operating in automatic mode is considered. In this regard, a number of proposals are being made to improve the current legislation.

Keywords: instruments of automated fixation, administrative offenses, evidence, administrative code, traffic rules of the Russian Federation.

Важной задачей производства по делам об административных правонарушениях является всестороннее, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела [1, ст. 24.1]. Реализация этой задачи невозможна без исследования всех доказательств по делу, т. е. фактических данных, на основании которых делается вывод о наличии события правонарушения, о наличии или отсутствии виновности лица в совершении административного правонарушения. В связи с этим в целях обеспечения задач производства по делу Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП) содержит главу, в которой подробно урегулированы как общие вопросы

доказательственной базы, так и все конкретные виды доказательств, включая вещественные доказательства, документы, взятие проб и образцов; результаты фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи административных правонарушений, связанных с нарушением Правил дорожного движения; показания специальных технических средств при освидетельствовании на состояние алкогольного опьянения и т. п.

При этом доказательства являются основаниями для понимания субъектом административной юрисдикции обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность, о размере причиненного ущерба, а также об обстоятельствах, исключающих производство по делу, и других обстоятельствах, имеющих существенное значение для правильного разрешения дела.

Вопрос о правовой природе и понятии доказательства всегда занимал важное место в теории доказательств, поскольку четкое понимание содержательного аспекта термина «доказательство» является необходимым условием для установления объективной истины и принятия своевременного и справедливого решения по каждому конкретному делу в производстве по делам об административных правонарушениях.

Особое положение в числе источников доказательств занимают показания специальных технических средств. В качестве специальных технических средств могут использоваться измерительные приборы, утвержденные в установленном порядке в качестве средств измерения, имеющие соответствующие сертификаты и прошедшие метрологическую поверку. На измерительные приборы, допущенные к использованию в качестве специальных технических средств, наносятся заводские номера и пломбы.

На современном этапе реализации использования технических средств все более широкое распространение получили разнообразные фотодокументирующие комплексы, автоматически реагирующие на нарушение установленных норм и правил. Показания этих приборов фиксируются как в электронном виде, так и в виде фотоотпечатков. При этом возникает важный проблемный вопрос о том, к какому виду источников доказательств можно отнести такие фотоотпечатки: к документам или к показаниям специальных технических средств. По нашему мнению, такие фотоотпечатки, скорее всего, — документы, содержащие информацию о показаниях технических средств.

В примечании к ст. 1.5 и в ст. 2.6.1, ч. 3 ст. 28.6 КоАП определено, что фотовидеофиксаторами нарушений Правил дорожного движения являются: работающие в автоматическом режиме специальные технические средства, имеющие функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средства фото- и киносъемки, видеозаписи. Под такими техническими средствами законодатель

недвусмысленно подразумевает стационарные, непосредственно круглосуточно действующие приборы.

По данным Научного центра безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2021 году абсолютное большинство (145,7 млн, или 87 %) правонарушений в сфере безопасности дорожного движения выявлены с использованием специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме и имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, для обеспечения контроля за дорожным движением. В ходе непосредственного выполнения служебных обязанностей сотрудниками полиции выявлено 21,6 млн, или 13 % правонарушений в сфере безопасности дорожного движения [2].

Процедура привлечения к административной ответственности при наличии доказательств, полученных с помощью вышеуказанных средств, установлена ч. 3 ст. 28.6 КоАП [1].

Стационарно установленное специальное средство фото- и видеозаписи фиксирует совершенное с использованием транспортного средства административное правонарушение. Затем информация по каналам электросвязи напрямую передается в Центр автоматизированной фиксации административных правонарушений Государственной инспекции безопасности дорожного движения. В отношении собственника транспортного средства выносится постановление без его участия.

ГОСТ Р 57144-2016 «Специальные технические средства, работающие в автоматическом режиме и имеющие функции фото- и киносъемки, видеозаписи, для обеспечения контроля за дорожным движением. Общие технические требования» определяет, что автоматический режим фотовидеофиксации — режим работы специальных технических средств, обеспечивающий выявление фиксируемого события без участия человека (оператора), формирование и хранение необходимой и достаточной доказательной базы для вынесения постановлений по делам об административных правонарушениях [3].

Существует ряд проблем понимания работы прибора в автоматическом режиме. Так, процедура фиксации правонарушения прибором «Паркон» и передачи информации о совершенном правонарушении происходит с помощью вмешательства человека в работу этого прибора. Исходя из этого, «Паркон» не является работающим в автоматическом режиме специальным техническим средством фотовидеофиксации административных правонарушений. В отличие от стационарных работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, работа «Паркона» обеспечивается с помощью двигающегося автомобиля и лица, управляющего данным прибором. «Паркон» фиксирует нарушение при каждом проезде мимо стоящего автомобиля, не различая при этом,

выезжал ли автомобиль со стоянки или нет. Так, за одну стоянку при использовании этого средства собственник автомобиля может получить несколько постановлений.

Еще одна важная проблема при рассмотрении дел об административном правонарушении связана с привлечением к административной ответственности собственников транспортных средств по ст. 12.6 КоАП, т. е. за управление транспортным средством водителем, не пристегнутым ремнем безопасности, а также ст. 12.20 КоАП, т. е. нарушение правил пользования внешними световыми приборами, звуковыми сигналами, аварийной сигнализацией или знаком аварийной остановки [1].

Указанные правонарушения все чаще фиксируются именно специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме. Здесь возникает следующий вопрос: необходимо ли в данном случае составление протокола об административном правонарушении, поскольку, несмотря на то, что данное правонарушение зафиксировано техническим средством, работающим в автоматическом режиме, в дальнейшем обработка полученного видео- и фотоматериала осуществляется в ручном режиме и определение события правонарушения определяется путем визуального исследования указанных материалов.

Поскольку правонарушение зафиксировано техническим средством автоматической фиксации полученных данных на носителе информации, которое работает в автоматическом режиме, то дальнейшее выявление административного правонарушения путем визуального исследования фото- и видеоматериалов не противоречит закону и не свидетельствует о необходимости составления протокола об административном правонарушении. Данная позиция непосредственно вытекает из толкования положений ч. 3 ст. 28.6 КоАП [1].

Ряд авторов заостряют внимание на вопросе привлечения к административной ответственности юридических лиц. «К административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения и административные правонарушения в области благоустройства территории, предусмотренные законами субъектов Российской Федерации, совершенные с использованием транспортных средств, в случае фиксации этих административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи привлекаются собственники (владельцы) транспортных средств как физические, так и юридические лица» [4].

При этом в 2019 году было принято следующее решение Конституционного Суда Российской Федерации: «Признать часть 2 статьи 2.6.1 КоАП

Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, как не предполагающую — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — в качестве основания для освобождения от административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных частями 1, 2, 3 и 6 статьи 12.21.1 данного Кодекса, собственника (владельца) транспортного средства то обстоятельство, что в момент совершения соответствующего правонарушения это транспортное средство управлялось иным лицом, выполнявшим по трудовому договору с его собственником (владельцем) функции водителя этого транспортного средства» [5].

В случае несогласия с вынесенным в отношении собственника (владельца) транспортного средства постановлением о назначении административного наказания за правонарушение, выявленное и зафиксированное работающими в автоматическом режиме техническими средствами, при реализации своего права на обжалование данного постановления он освобождается от административной ответственности при условии, что в ходе рассмотрения жалобы будут подтверждены содержащиеся в ней данные о том, что в момент фиксации административного правонарушения транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица либо к данному моменту выбыло из его обладания в результате противоправных действий других лиц (ч. 2 ст. 2.6.1, примечание к ст. 1.5 КоАП). При этом собственник обязан представить доказательства своей невиновности.

В частности, доказательствами, подтверждающими факт нахождения транспортного средства во владении (пользовании) другого лица, могут являться полис обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, в котором имеется запись о допуске к управлению данным транспортным средством другого лица, договор аренды или лизинга транспортного средства, показания свидетелей и (или) лица, непосредственно управлявшего транспортным средством в момент фиксации административного правонарушения. Указанные, а также иные доказательства исследуются и оцениваются по правилам статьи 26.11 КоАП РФ [6].

Таким образом, установлено, что КоАП содержит нормы, в которых подробно урегулированы все конкретные виды доказательств, включая результаты фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи административных правонарушений, связанных с нарушением Правил дорожного движения.

Однако имеется существенная необходимость законодательного урегулирования вопроса о том, что установленные камеры автоматической фиксации

нарушений — всего лишь инструмент для сбора доказательств с целью их последующего объективного и всестороннего исследования.

Уполномоченные органы, включая суды, при рассмотрении и разрешении дел об административных правонарушениях в области дорожного движения в случае их фиксации работающими в автоматическом режиме средствами фотосъемки не освобождаются от соблюдения требований КоАП о всестороннем, полном, объективном и своевременном выяснении всех обстоятельств и справедливого разрешения дел об административных правонарушениях (на что неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации в определениях от 7 декабря 2010 года № 1621-О-О, от 22 марта 2011 года № 391-О-О, от 21 июня 2011 года № 774-О-О, от 25 января 2012 года № 177-О-О).

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 16.04.2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2020 году [Электронный ресурс] : информационно-аналитический обзор / К. С. Баканов [и др.] ; под общ. ред. Д. В. Митрошина. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2021 г. 75 с. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/2174642> (дата обращения: 14.04.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. ГОСТ Р 57144-2016 Специальные технические средства, работающие в автоматическом режиме и имеющие функции фото- и киносъемки, видеозаписи, для обеспечения контроля за дорожным движением. Общие технические требования [Электронный ресурс]. Введ. 2017–06–01. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Л. И. Мурзина, Д. А. Зелепугин. Средства автоматической фиксации административных правонарушений как источник доказательств в административном процессе [Электронный ресурс] : электронный науч. журн. «Наука. Общество. Государство». 2016 г. Т. 4, № 2 (14). URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/murzina_li_zelepugin_da_16_2_10.pdf (дата обращения: 16.04.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. По делу о проверке конституционности статьи 2.6.1 и частей 1, 2, 3 и 6 статьи 12.21.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда и жалобами граждан А. И. Думилина и А. Б. Шарова [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 18 янв. 2019 г. № 5-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 25 июня 2019 г. № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 351.74

ВМЕШАТЕЛЬСТВО СТРУКТУР ПУБЛИЧНОГО ПОРЯДКА В ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И БЕЗОПАСНОСТИ

Л. Крянгэ

*Академия «Штефан чел Маре» Министерства внутренних дел
Республики Молдова,
доцент кафедры публичного права и пограничной безопасности,
доктор юридических наук*

Аннотация. В настоящее время каждому государству необходим определенный порядок в соблюдении правовых норм всеми субъектами права. Для единообразного соблюдения установленных правовых норм государством создан принудительный аппарат в лице специальных органов, органов уголовного розыска, прокуратуры, судебных органов, органов, обеспечивающих осуществление правосудия и преследование виновных в совершении преступлений. В то же время, обеспечивая законность, эти органы защищают интересы, права и свободы граждан. Цель полиции — правопорядок — состоит в выполнении двух различных, но неразрывно связанных между собой задач: надзор за применением основных законов государства, обеспечение общего состояния общественного спокойствия, порядка и безопасности, ограничение себя строго к возложенным на него полномочиям, воздерживаясь от всякого произвола и уважая индивидуальные свободы и права граждан, одним из которых является право на мирные собрания или другие массовые демонстрации.

Ключевые слова: общественный порядок, национальная безопасность, конституционный строй, правоприменение.

Annotation. Nowadays, every state needs a certain order in the observance of legal norms by all subjects of law. In order to uniformly comply with the established legal norms, the state has created a coercive apparatus in the person of special bodies, criminal prosecution, prosecutor's office, judiciary, bodies that ensure the execution of justice and prosecute perpetrators. At the same time, by ensuring the rule of law, these bodies defend the interests, rights and freedoms of citizens. The aim of the police — respect for the rule of law — is to perform two distinct but inextricably linked tasks: to supervise the application of the fundamental laws of the state, ensuring a general situation of public peace, order and security, and to limit itself strictly to the powers conferred on it, refraining from any arbitrary act and respecting the freedoms and individual rights of citizens, one of which is the right to peaceful assembly or other mass demonstrations.

Keywords: public order, national security, constitutional order, law enforcement agencies.

В настоящее время система публичного порядка и безопасности характеризуется отсутствием единой концепции в данной области, непоследовательностью и неравномерностью нормативно-правовой базы, дефицитом организационных и функциональных возможностей, все из которых усугубляются недостаточностью выделенных ресурсов. По этим причинам ставится под угрозу развитие системы публичного порядка и безопасности в целом, а также получение различных форм международной поддержки [1].

Основными структурами публичного порядка и безопасности, согласно нынешней концепции, считаются полиция и карабинеры. К этому добавляются вспомогательные и дополнительные силы, действующие в зависимости от оперативных потребностей и эволюции ситуации в целом.

Заметен относительный разрыв между учреждениями публичного порядка и безопасности и населением как в условиях кризиса, протестов, масштабных публичных мероприятий, так и в нынешних ситуациях, а также снижение их репутации, особенно вызванное общественным восприятием того, что учреждения публичного порядка и безопасности играют преимущественно репрессивную роль.

Министерство внутренних дел (далее — МВД) как главный орган, ответственный за общественный порядок и безопасность на национальном уровне, было поставлено перед исключительными обстоятельствами в особенно сложном контексте после обретения Республикой Молдова независимости. Действия МВД часто выходили за пределы компетенций, специфичных для правоохранительных органов. Таким образом, сотрудники МВД участвовали непосредственно в качестве боевых сил и зафиксировали значительные потери в конфликте на Днестре.

1990-е годы также представляли собой трудные времена для системы публичного порядка и безопасности на фоне все еще ограниченной способности государства в то время адекватно управлять взрывом насильственных преступлений, ростом опасности и разнообразия серьезных преступлений. Были заметны усилия МВД по восстановлению климата общественной безопасности путем деструктуризации преступных группировок, действовавших на тот момент.

Система публичного порядка и безопасности была поставлена в уязвимые ситуации и после 2000 года. Незаконные и антиобщественные действия охватили формы повышенной агрессии, особенно через их трансграничное расширение. Традиционная преступность сохранялась, но появились и выросли новые категории незаконных действий, таких как торговля людьми, наркотики, запрещенные вещества, автомобили, незаконная миграция, контрабанда,

экономические, банковские и информационные преступления, «институционализация» коррупции и т. д.

Конфликтная ситуация в стране обострилась в несколько раз из-за постоянного ухудшения экономической и социальной ситуации, резкого роста уровня бедности, недовольства населения деятельностью политического класса, распространения коррупции в государственной системе и слабости, неэффективности и отсутствия прозрачности в государственных институтах, в том числе тех, которые наделены полномочиями по охране общественного порядка и безопасности.

Данная статья направлена на изучение вопросов, касающихся вмешательства и администрирования государственных органов, обеспечивающих общественный порядок и безопасность, в том числе концепции общественного порядка, общественной безопасности, а также системы обеспечения общественного порядка в Республике Молдова в контексте глобализации. Эта цель направлена на улучшение деятельности органов, обеспечивающих общественный порядок, повышение эффективности деятельности органов внутренних дел в результате совершенствования механизма вмешательства и администрирования.

Применяемые методы и используемые материалы. С целью достижения цели и поставленных задач мы руководствовались комплексом теоретических и эмпирических методов, которые позволили исследовать размер общественного порядка и безопасности на многоаспектной основе, в частности: систематический метод, сравнительный метод, исторический метод, социологический метод, логический метод. В процессе исследования были задействованы анализ и синтез, абстракция и рационализация, индукция и дедукция.

Полученные результаты и обсуждение. Функционирование верховенства закона не может быть задумано при отсутствии надлежащей нормативной базы с частым нарушением общественного порядка и безопасности. В результате любая страна руководствуется и в то же время обязана принять меры, которые она считает необходимыми в этой области, меры, ограниченные международной нормативностью, к которой она присоединилась, и обеспечить условия для их воплощения в жизнь. Безопасность государства и общества, безопасность личности составляют фундаментальную социальную ценность, от ее существования и беспрепятственного достижения зависит нормальное осуществление деятельности государства в реализации поставленных перед ним задач и функций. Жесткая регламентация социальных отношений, размещение всей жизни на прочных основах законности, правопорядка и дисциплины является естественным требованием демократии. Вопрос общественного порядка и безопасности гражданина ставится в европейском пространстве с большой актуальностью, все более очевидными являются опасения лиц, принимающих решения

в этом отношении, но в равной степени и граждан, которым все труднее принять климат незащищенности. Именно поэтому в центре внимания государственных органов находится общественный порядок и безопасность гражданина как основные вехи, обуславливающие надлежащее функционирование уполномоченных государственных органов. Особо важное место занимают обеспечение и поддержание общественного порядка и общественной безопасности, управление органами, в обязанности которых входят как защита политического режима, интересов граждан, мер, способствующих исполнению судебных законов и постановлений, хорошее сосуществование в обществе, так и надлежащее функционирование государственных служб.

При этом общественный порядок — это правовое и фактическое состояние, позволяющее достичь баланса на основе общественного консенсуса, необходимого для оптимального функционирования социального ансамбля в условиях внутренних правовых норм, освещения защиты и соблюдения основных прав и свобод граждан, публичной и частной собственности, других высших ценностей, с целью продвижения и утверждения социального прогресса в демократическом обществе [2].

Особое значение в предотвращении группового нарушения публичного порядка имеет тактика действий полиции на начальном этапе, когда на улице собралось определенное количество протестующих людей. Протесты и возмущения граждан могут возникать как естественная реакция на различные события, которые часто мотивированы и корректны.

Вот почему на этом этапе сотрудники полиции должны сначала уточнить, какие причины вызвали недовольство, а также числовой состав и категорию граждан, которые являются частью толпы. Если они собрались после какого-либо события (аварии, инцидента, конфликта и т. п.), полиции необходимо активно и оперативно вмешаться в устранение причины, привлекая внимание толпы, и обеспечить безопасность собравшихся людей. Эти действия помогут снять напряжение и разрядить ситуацию. В противном случае бездействие полиции может привести к трагедиям. Таких примеров на практике много. Как правило, в случае событий, которые привели к самопроизвольному собранию людей, на данном этапе для полиции не составляет труда пресечь действия, способные дестабилизировать общественный порядок. Однако полиции сложнее действовать во время политических собраний или массовых акций протеста, поскольку они происходят в напряженной психологической атмосфере и неправильная тактика действий в этих условиях может привести к катастрофе [3].

Если ситуация требует силового вмешательства для обеспечения порядка, то необходимо строго соблюдать положения Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятого резолюцией 34/169 Генеральной

Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г. на 106-й пленарной сессии, и Основных принципов применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, принятых на Восьмом Конгрессе Организации Объединенных Наций (Гавана, Куба, сентябрь 1990 г.), а именно:

1) применение силы должно производиться в исключительных случаях, когда другие ненасильственные средства не дали результатов;

2) применение силы должно быть сделано пропорционально интенсивности и тяжести атаки;

3) применение силы должно осуществляться постепенно и только после исполнения повестки и законного предупреждения с последующими звуковыми и световыми сигналами;

4) прекращение применения силы, если в ней отпала необходимость, и общественный порядок был восстановлен;

5) применение силы для восстановления общественного порядка осуществляется по приказу высшего командования и только после письменного утверждения руководителем органа внутренних дел [4].

Как видим, полицейские должны строить свою работу и действия в соответствии с принципами прав человека. Перед ними стоит трудная задача — использовать свою способность оценивать и взвешивать конфликтующие интересы, воспринимаемые в каждой конкретной ситуации [5].

Безусловно, права и свободы человека — прерогатива внутригосударственного права — находят свое отражение и в международном праве, давая фундаментальное выражение этим общественным ценностям.

Республика Молдова присоединилась к международным и региональным актам, содержащим единогласно признанные стандарты права каждого человека на свободу собраний и выражения мнений. Всеобщая декларация прав человека закрепляет в ст. 19, 20 абз. (1) право каждого человека на свободу мирных собраний и ассоциаций, на свободу убеждений и их свободное выражение любыми средствами, что подразумевает право не беспокоиться за свои взгляды [6].

Международный пакт о гражданских и политических правах предусматривает в ст. 21 следующее: «Признается право на мирные собрания. Осуществление этого права может подлежать только таким ограничениям, которые законны и необходимы в демократическом обществе, в интересах национальной безопасности, публичной безопасности, общественного порядка или для защиты здоровья или нравственности населения или прав и свобод других лиц» [7].

Европейская конвенция о правах человека в ст. 10, 11 предусматривает право человека на свободу мирных собраний и на свободу выражения мнений, которая включает свободу получать или передавать информацию и идеи

без вмешательства органов государственной власти [8]. Осуществление этих прав не может подлежать ограничениям, кроме тех, которые по закону представляют собой необходимые меры в демократическом обществе для национальной безопасности, общественной безопасности, охраны правопорядка и предотвращения преступлений, охраны здоровья или нравственности или защиты прав человека, свобод других лиц.

Таким образом, вышеназванные международные акты признают право любого лица на свободу выражения слова на мирных собраниях. Они исчерпывающе формулируют ограничения в реализации этого права, которые должны быть четко изложены в законе коренных народов, что, в свою очередь, обеспечивает максимальное выражение значения и принципов, содержащихся в международных договорах. Эти и другие международные нормы исключительного значения являются источником вдохновения и основой в процессе создания национальной правовой базы, ориентированной на развитие активного гражданского поведения, необходимого в демократическом обществе.

Посредством законов о ратификации Республика Молдова прямо взяла на себя обязательства по обеспечению внедрения международных стандартов на национальном уровне и их соблюдения в отношении любого лица, находящегося под ее юрисдикцией.

В заключение отметим, что для того, чтобы избежать напряженности и насилия, которые могут возникнуть во время публичных собраний, коммуникационный компонент вмешательства должен быть направлен на следующее [9]:

- переговоры по спорным вопросам перед проведением публичного собрания;
- выработку взаимопонимания между представителями правоохранительных органов и теми, кто хочет выразить свое мнение через соответствующее публичное собрание;
- взаимное знание целей собрания и обязанностей правоохранительных органов.

Из перечня особенностей психологии толпы можно выделить следующие:

- толпы не могут иметь другие мнения, чем те, которые были предложены им, что делает их очень легко манипулируемыми;
- у них коллективная «душа»;
- люди, составляющие толпу, приобретают «силу» в результате уступки инстинктам;
- в толпе люди страдают от определенного заражения, которое влияет на личность, волю, проницательность и т. д., в результате сильного дистанцирования от социальных, моральных и других норм;

- люди ведут себя спонтанно, жестоко, агрессивно, восторженно с явно примитивными нюансами в результате внушения, слов и образов, создаваемых лидером толпы;
- в толпе человек лишен способности доминировать над своими рефлексами;
- реакции толпы могут быть представлены щедростью, жестокостью, героизмом или трусостью, внезапным переходом из одного состояния в другое;
- мобильность, характерная для толпы, затрудняет управление ею;
- некоторые неважные события акцентируются, деформируются, передаются очень быстро;
- толпа в целом поддерживает лидеров, которые чрезмерно используют насильственные утверждения без необходимости рассуждений и демонстраций в их поддержку;
- отношение к мятежу, чрезмерному насилию проявляется в институциональных кризисных ситуациях, против слабой власти.

Конечно, эволюция полицейских структур, как, кстати, их подготовка и оснащение конкретными средствами непосредственно по отношению к проявлению насилия, которое может повлиять на общественный порядок, иногда ставит полицейские силы на предел действия и легальной способности. Таким образом, незаконные и дискриминационные действия по восстановлению общественного порядка могут создать состояние анархии, с которым впоследствии может быть очень трудно справиться.

1. Об утверждении Национальной стратегии общественного порядка и безопасности на 2017–2020 годы и Плана действий по ее реализации [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Республики Молдова 31 мая 2017 г., № 354. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32465471&pos=0;0#pos=0;0 (дата обращения: 18.05.2022). [Вернуться к статье](#)

2. Попеску Л. Риски и угрозы общественному порядку и безопасности. Краткое изложение докторской диссертации. Бухарест, 2014. [Вернуться к статье](#)

3. Круду Серджиу. Вмешательство правоохранительных органов в обеспечение общественного порядка и безопасности, основных прав и свобод человека во время массовых мероприятий : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Кишинев, 28–29 янв. 2010 г. [Вернуться к статье](#)

4. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка [Электронный ресурс] : принят 17.12.1979 г. Резолюцией 34/169 на 106-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Обучение полицейских с перспективы основных прав. Пособие для инструкторов полиции. Агентство Европейского Союза по основным правам. Люксембург, 2018 г. [Вернуться к статье](#)

6. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 сент. 1948 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] : заключена 04.11.1950 г. в г. Риме. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

9. Пеца Цезар. Публичные собрания // Обеспечение основных прав и свобод человека во время массовых демонстраций : материалы междунар. науч.-практ. конф., Кишинев, 28–29 янв. 2010 г. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАЩИТНОГО ПРЕДПИСАНИЯ

А. В. Терешенок

*Могилевский институт МВД (Беларусь),
старший преподаватель кафедры административной
деятельности факультета милиции*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы, возникающие в правоприменительной практике при ведении административного процесса за нарушение требований защитного предписания.

Ключевые слова: защитное предписание, административное правонарушение, профилактика правонарушений, домашнее насилие, административное взыскание.

Annotation. The article deals with problematic issues that arise in law enforcement practice in the conduct of an administrative process for violation of the requirements of a restraining order.

Keywords: restraining order, administrative offense, crime prevention, domestic violence, administrative penalty.

Государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, закрепленных в Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) [1]. Возложив на себя данную обязанность, государство обеспечивает гарантированность свободы, неприкосновенности и достоинства личности, в том числе в сфере семейно-бытовых отношений. Правовые нормы, направленные на охрану интересов семьи, основы которых заложены в Конституции, содержатся в различных отраслях права: семейном, гражданском, жилищном и трудовом.

В свою очередь, нормы законодательства об административных правонарушениях, уголовного законодательства, а также законодательства о профилактике правонарушений как меры государственного принуждения применяются тогда, когда нормы иных отраслей права не оказали должного влияния на поведение участников семейно-бытовых отношений.

Стоит отметить, что количество правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений на сегодняшний день остается на достаточно высоком уровне. По итогам 2021 года, в сравнении с 2020 годом, в стране, наблюдается рост преступлений в сфере семейно-бытовых отношений с 494 до 499 преступлений (без учета ст. 153, 154, 186 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

При этом подавляющее число преступлений связаны с причинением потерпевшим телесных повреждений различной степени тяжести (309 преступлений). Помимо преступлений, возросло и количество административных правонарушений в данной сфере. Например, количество административных правонарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 10.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) (ч. 2 ст. 9.1 КоАП до 1 марта 2021 года), возросло с 42 113 до 51 847 правонарушений. По данным Верховного Суда Республики Беларусь, в 2021 году общее количество лиц, привлеченных районными (городскими) судами республики к административной ответственности за административное правонарушение, предусмотренное ст. 10.1 КоАП, уступает только количеству лиц, привлеченных к административной ответственности за распитие алкогольных напитков или потребление наркотических средств в общественном месте либо появление в общественном месте либо на работе в состоянии опьянения (ст. 19.3 КоАП 2021 года; ст. 17.3 КоАП 2003 года) [2].

По нашему мнению, приведенные данные свидетельствуют не только об эффективности работы правоохранительной системы государства, но и о необходимости совершенствования механизмов защиты в первую очередь неприкосновенности и достоинства личности в сфере семейно-бытовых отношений.

Эффективной системой мер воздействия на лиц, проявляющих склонность к семейно-бытовому насилию, являются меры индивидуальной профилактики правонарушений, предусмотренные Законом Республики Беларусь от 4 января 2014 года № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»). Применение данных мер подразумевает определенные ограничения прав и свобод личности, что, однако, не противоречит Конституции, статьей 23 которой закреплена возможность ограничения прав и свобод личности в случаях, предусмотренных законом и в интересах защиты прав и свобод других лиц [1].

Так, защитное предписание устанавливает ряд временных запретов для лица, совершившего домашнее насилие: предпринимать попытки выяснять место пребывания жертвы домашнего насилия, если она находится в неизвестном ему месте; посещать места нахождения жертвы домашнего насилия; общаться с ней, в том числе по телефону, с использованием глобальной компьютерной сети Интернет; распоряжаться их общей совместной собственностью. Защитным предписанием также может быть установлена обязанность лица, совершившего домашнее насилие, временно покинуть общее с жертвой домашнего насилия жилое помещение. Следует подчеркнуть, что ст. 31 Закона «Об основах

деятельности по профилактике правонарушений», регулирующей порядок применения защитного предписания, предусмотрена возможность принудительного, вопреки волеизъявлению лица, потерпевшего от домашнего насилия, воздействия со стороны государства на лицо, совершившее домашнее насилие, в интересах потерпевшего. В частности, при отсутствии письменного согласия совершеннолетней жертвы домашнего насилия, если она находится в зависимости от лица, совершившего домашнее насилие, либо по иным причинам не способна самостоятельно защитить свои права, а также при высоком уровне риска домашнего насилия защитное предписание применяется начальником органа внутренних дел по согласованию с соответствующим прокурором [3].

В свою очередь, в целях охраны правоотношений, складывающихся в процессе реализации мер административного принуждения, устанавливаемых защитным предписанием в административно-деликтном законодательстве предусмотрена административная ответственность за их несоблюдение. В частности, административная ответственность за нарушение защитного предписания, наряду с совершением умышленных действий физического и психологического характера по отношению к жертве домашнего насилия, наступает в соответствии с ч. 2 ст. 10.1 КоАП [4].

Вместе с тем следует иметь в виду, что, в соответствии с ч. 1 ст. 4.4 КоАП, деяния, содержащие признаки административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 10.1 КоАП, влекут административную ответственность только при наличии требования потерпевшего привлечь правонарушителя к административной ответственности, выраженного в установленном Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИК КоАП) порядке [4].

С учетом требований ст. 4.4 КоАП в практической правоприменительной деятельности органы внутренних дел нередко сталкиваются с препятствием для начала административного процесса по ч. 2 ст. 10.1 КоАП, выражающемся в нежелании потерпевшего от домашнего насилия обращаться с требованием о привлечении к административной ответственности лица, нарушившего защитное предписание, в случаях, когда защитное предписание выносилось без письменного согласия потерпевшего по согласованию с прокурором. Очевидно, что при отсутствии первоначального волеизъявления лица, пострадавшего от домашнего насилия, на применение защитного предписания к лицу, совершившему насилие, вследствие зависимого положения либо иных причин, едва ли стоит рассчитывать на последующее согласие с привлечением этого лица к административной ответственности за нарушение его запретов и обязанностей.

Безусловно, положения п. 2 ч. 2 ст. 4.4 КоАП и ч. 1 ст. 9.4 ПИК_оАП в подобной ситуации наделяют прокурора полномочиями начать административный процесс лично либо поручить его начало органу, ведущему административный процесс [4; 5]. Однако до момента принятия подобного решения у органов внутренних дел фактически отсутствует возможность правомерного принуждения лица, в отношении которого применено защитное предписание, к исполнению установленных ему запретов и обязанностей. Например, посредством применения такой меры обеспечения административного процесса, как административное задержание. В сущности, в данном случае государственно-властное вмешательство, вопреки воле жертвы домашнего насилия, в процесс принуждения лица, совершившего домашнее насилие к исполнению запретов и обязанностей, установленных ему защитным предписанием, происходит дважды, что, по нашему мнению, не способствует реализации принципа процессуальной экономии при применении мер административно-правового принуждения.

В связи с изложенным предлагается выделить нарушение защитного предписания в качестве самостоятельного состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 10.1 КоАП, исключив данный состав из перечня административных правонарушений, содержащихся в ч. 1 ст. 4.4 КоАП, влекущих административный процесс по требованию потерпевшего. Внесение данных изменений в КоАП, на наш взгляд, может в полной мере гарантировать принудительное исполнение требований защитного предписания обеспечить эффективную реализацию мер индивидуальной профилактики правонарушений.

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Пресс-релиз на основе статистических данных о деятельности судов в 2021 году [Электронный ресурс] : Верховный Суд Респ. Беларусь. Интернет-портал судов общей юрисдикции Респ. Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/justice/press_office/0df32ff9fa234050.html (дата обращения: 16.05.2022). [Перейти к источнику Вернуться к статье](#)

3. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-З : принят Палатой представителей 16 дек. 2013 г. : одобр. Советом Респ. 19 дек. 2013 г. : с изм. и доп. от 06.01.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 92-З : принят

Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. Научно-теоретические аспекты совершения административного, административно-деликтного и административно-деликтно-процессуального законодательства

<i>Блинников А. С.</i> Понятие юридического конфликта, способы его разрешения	7
<i>Веренич А. В.</i> Правовая защита несовершеннолетних при нарушении их прав членами семьи.....	11
<i>Гончаров Ю. В.</i> Некоторые административно-правовые и организационно-технические способы повышения безопасности дорожного движения	17
<i>Данилин А. Н.</i> О полномочиях должностных лиц органов внутренних дел, ведущих административный процесс.....	22
<i>Данилин А. Н., Игнатенко М. С.</i> Особенности применения мер административного принуждения сотрудниками органов внутренних дел	25
<i>Деминская А. А.</i> Особенности административной ответственности юридических лиц.....	29
<i>Ковалев В. М., Леонова П. А.</i> Административная деликтность: понятие и отдельные аспекты	33
<i>Козыренко Р. Н.</i> Об отдельных мерах противодействия распространению в Республике Беларусь нацистской символики и атрибутики	39
<i>Лизунов А. С., Лукашин А. А.</i> О некоторых вопросах формирования добровольных народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности и применения ими мер принуждения.....	45
<i>Лубенков А. В.</i> Административное (административно-правовое) принуждение в деятельности органов внутренних дел: соотношение понятий и особенности	50
<i>Лубенков А. В., Пушкин А. В.</i> Сущность государственного принуждения	57
<i>Мешкова Н. А., Соркин Г. С.</i> К вопросу злоупотребления властью и служебными полномочиями.....	64
<i>Павленко Д. А.</i> Процесс медико-социальной реадaptации граждан в лечебно-трудовых профилакториях	69
<i>Потанин К. В., Шмакова К. Э.</i> Некоторые проблемы привлечения юридических лиц к административной ответственности	76
<i>Смирнов П. П., Савченко А. С.</i> Реализация антикоррупционного законодательства посредством административно-правовых норм.....	80

<i>Терешенок А. В.</i> Меры административной ответственности за правонарушения, связанные с незаконными действиями в отношении оружия	84
<i>Трацевский М. Л.</i> Совершенствование законодательства о военизированной службе в контексте конституционной реформы 2022 года ...	89
Секция 2. Актуальные проблемы практики применения административного, административно-деликтного и административно-деликтно-процессуального законодательства в правоохранительной деятельности	
<i>Абдихаликов А. А., Кегембаева Ж. А.</i> Применение силы, связанное с ограничением физической неприкосновенности лица	95
<i>Бачурин А. Г., Корниенко Л. Ю.</i> Отдельные вопросы административной ответственности собственников и пользователей уличных аттракционов.....	101
<i>Казаченок В. В.</i> Меры административного пресечения в обеспечении безопасности дорожного движения.....	105
<i>Климов С. Н.</i> Особенности документирования административных правонарушений, связанных с купанием в запрещенных местах	111
<i>Колотилкин Ю. А.</i> Ранняя профилактика в деятельности правоохранительных органов по противодействию правонарушениям в сфере семейно-бытовых отношений	117
<i>Кончатова С. В.</i> Изъятие вещей и документов как мера обеспечения административного процесса: понятие и юридическое содержание.....	121
<i>Кончатова С. В., Шматюк А. П.</i> Административно-правовые аспекты осмотра места совершения административного правонарушения	125
<i>Костылев А. К.</i> Средства автоматической фиксации административных правонарушений как источник доказательств	129
<i>Крянгэ Л.</i> Вмешательство структур публичного порядка в восстановление общественного порядка и безопасности	135
<i>Терешенок А. В.</i> Административная ответственность за нарушение защитного предписания	143

[Вернуться к статьям](#)

[Вернуться на титульный экран издания](#)